International Alert.

ФАКТОР СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В КОНТЕКСТЕ ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО КОНФЛИКТА

Июль 2012

Understanding conflict. Building peace.

International Alert

International Alert – независимая миротворческая организация с двадцатишестилетним стажем работы, работающая с пострадавшими от вооруженного конфликта людьми в целях улучшения перспектив установления мира. Помимо этого, мы стараемся влиять на политику и подходы правительств, международных организаций, таких, как ООН, и транснациональных компаний в направлении снижения риска и увеличения мирного потенциала.

Мы работаем в Африке, в ряде регионов Азии, на Южном Кавказе, Ближнем Востоке и в странах Латинской Америки, а недавно начали осуществлять проекты в Великобритании. Наша работа по формированию политики охватывает влияющие на перспективы мира и безопасности основные направления: экономику, климатические изменения, гендер, роль международных организаций, эффект гуманитарной помощи и последствия неэффективного/эффективного государственного управления.

International Alert представляет собой одну из ведущих миротворческих НПО в мире: у нее 14 региональных офисов, лондонский штат ее сотрудников насчитывает 159 человек. Дополнительную информацию о том, как и где мы работаем, можно найти на нашем вебсайте по адресу: www.international-alert.org.

Эта публикация выходит благодаря помощи Фонда предотвращения конфликта Великобритании. Только International Alert несет ответственность за ее содержание, которое не должно рассматриваться как отражение взглядов Правительства Великобритании.

© International Alert 2012
Все права защищены. Ни одна часть данной публикации не может быть воспроизведена или передана в любой форме или любыми средствами, включая электронные, механические, фотокопировальные средства, средства записи и любые другие системы сохранения и изъятия информации, или использована любым иным способом, без полного указания имени автора и источника заимствования.

Фото с обложки: © International Alert

Макет D. R. ink, www.d-r-ink.com

Фактор Северного Кавказа в контексте грузино-абхазского конфликта

Содержание

Список Сокращений 3

Предисловие от International Alert 4

Взгляд из Абхазии – краткое изложение 5

Взгляд из Грузии – краткое изложение 15

ЧАСТЬ 1 Взгляд из Абхазии 24

Северокавказский фактор в абхазо-грузинском вооруженном конфликте 1992-1993 гг. 25
НАТЕЛЛА АКАБА

Черкесский вопрос и Абхазия: исторические моменты и современные вызовы 32
АРДА ИНАЛ-ИПА

Тема Северного Кавказа в современной политике Грузии 41
СПАРТАК ЖИДКОВ

ЧАСТЬ 2 Взгляд из Грузии 50

Исторические предпосылки формирования северокавказского фактора для современной грузии (до 2008 года) 51
ГЕОРГИЙ АНЧАБАДЗЕ

Северный Кавказ: динамика политических и социальных процессов и их значение для Грузии 62
ГЕОРГИЙ ГВИМРАДЗЕ

Северный Кавказ в российско-грузинской войне 2008 года 72
АРЧИЛ ГЕГЕШИДЗЕ

Северокавказская политика Грузии в контексте поставгустовских «новых реалий» 80
ИВЛИАН ХАИНДРАВА

Список Сокращений

АССР	Автономная Советская Социалистическая Республика
ВВС	Военно-Воздушные Силы
ВМС	Военно-Морские Силы
КГНК	Конфедерация Горских Народов Кавказа
КНК	Казахский Национальный Конгресс
МОК	Международный Олимпийский Комитет
НАТО	Организация Североатлантического договора
НКВД	Народный Комиссариат Внутренних Дел
ООН	Организация Объединённых Наций
ПАСЕ	Парламентская Ассамблея Совета Европы
ПВО	Противо-Воздушная Оборона
ПИК	Первый Информационный Кавказский (телеканал)
РФ	Российская Федерация
РСФСР	Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СКВО	Северо-Кавказский военный округ
СКФО	Северо-Кавказский федеральный округ
СМИ	Средства Массовой Информации
СНГ	Содружество Независимых Государств
СССР	Союз Советских Социалистических Республик
ССР	Советская Социалистическая Республика
США	Соединённые Штаты Америки
ТВД	Театр военных действий
УНА-УНСО	Украинская национальная ассамблея-Украинская народная самооборона
ЮВО	Южный Военный Округ

Примечание: географические обозначения являются спорным вопросом в грузино-абхазском контексте. В этой публикации, индивидуальные предпочтения авторов по правописанию были сохранены.

Предисловие от International Alert

Алерт, фасилитируя диалог экспертов из разделенных конфликтами сообществ, представляет очередное исследование на тему роли Северного Кавказа в динамике грузино-абхазского конфликта.

Выбор данной темы группой экспертов - активных участников публичных дебатов в грузинском и абхазском обществах оказался актуальным по многим причинам, однако мы акцентируем внимание на нескольких из них.

В грузинском и абхазском обществах роль России в конфликте воспринимается через призму истории, вовлеченности России в грузино-абхазский конфликт и ее имидж достаточно противоречив и в грузинской и в абхазкой общественной полемике. Данный факт мы находим препятствием по приближению понимания сторонами общественной полемики, восприятия России по разные стороны конфликта.

Однако, рассуждая о российском вкладе, стороны не всегда до конца учитывают саму систему взаимоотношений Россия – Северный Кавказ и тенденции, которые происходят в этой связке как по отношению к внутренним российским процессам, так и по отношению к внешним, в частности южно-кавказским.

Очевидно, что особая кавказская общность, с которой многие народы, живущие на Кавказе, отождествляют себя, не до конца учитывается в официальном политическом анализе и прогнозах динамики существующих конфликтов, в данном случае, грузино-абхазском.

В то же самое время мы видим, что, например, Грузия после войны 2008 года активизировала свои действия по налаживанию связей с северо-кавказскими народами, привлечению их к отношениям, строящиеся на взаимовыгодном партнёрстве исходя из своего видения концепции партнерства и интересов.

Однако, общественно-политические тенденции на Северном Кавказе в большей частью скрыты от внешнего мира по причинам отсутствия свободного доступа и закрытого уклада жизни самих традиционных сообществ. Поэтому мы пригласили в экспертную группу грузино-абхазского диалога через исследования новых специалистов, которые расширили понимание данной проблематики.

Мы надеемся, что издание вызовет публичные дебаты по теме Северного Кавказа в грузинском и абхазском обществах и поможет приблизить понимание роли этого региона, где переплетаются как внутренние российские интересы, так и южно-кавказские.

Взгляд из Абхазии – краткое изложение

Введение

Перестройка 80-х годов XX в., а затем распад Советского Союза дали естественный импульс этнонациональным движениям на Северном Кавказе и обострили тлевшие межэтнические конфликты. С середины 90-х г. наиболее заметные процессы происходили на северо-востоке Кавказа (чеченская война, осетино-ингушский конфликт). Они носили в большей степени этнонационалистический характер. С 2000 г. очаги нестабильности стали возникать на северо-западе Кавказа (Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия). Причем, если в последнее десятилетие в Чечне, Ингушетии и Дагестане этнонационалистическая мобилизация в силу разных причин почти полностью переродилась в исламистскую, то в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии сосуществуют два типа мобилизации – исламская и этнонационалистическая.

Процессы на Северном Кавказе имеют, помимо локального, региональное и геополитическое измерения, через которые преломляются оба типа мобилизации. И исламистские и этнонационалистические проекты привлекают внимание других игроков, пытающихся продвигать собственные интересы и отчасти питающихся этими интересами. Сложные взаимоотношения между акторами на разных уровнях создают серьезные вызовы для стабильности не только российской части Кавказа, но и в странах Южного Кавказа, а также за пределами региона.

В настоящем сборнике представлены статьи, в которых авторы анализируют факторы, влияющие на ситуацию на Северном Кавказе (в большей степени речь идет о северо-западной части СК): роль северокавказского фактора в грузино-абхазской войне 1992-1993 гг. (Н. Акаба); эволюция и особенности абхазо-адыгских отношений, новые тенденции в свете «черкесского вопроса» и возможности для позитивных изменений (А. Инал-Ипа), а также грузинская политика в отношении Северного Кавказа (С. Жидков).

Геополитическое (международное) измерение процессов на Северном Кавказе

Геополитическое положение и стратегическое значение Северного Кавказа (да и Кавказа в целом) – одна из констант мировой политики на протяжении, как минимум, двух веков. Традиционно здесь шла борьба за влияние между тремя империями – Российской, Британской и Оттоманской, которая отражалась на жизни, политических устремлениях и судьбе населявших этот регион народов.

Сегодня, как и последние два десятилетия, через Северный Кавказ преломляются конкурирующие интересы великих держав и региональных игроков. Если прибавить сюда местные и федеральные элиты, общественные организации и движения, криминализованные структуры, террористическое подполье, то картина становится еще более сложной и неоднозначной. Кроме того, на Северном Кавказе мы видим столкновение профундаменталистских и прогосударственных течений ислама, умеренных и радикальных, на которые накладываются политические и этнонациональные размежевания.

В контексте международной антитеррористической повестки дня религиозная инсургенция на Северном Кавказе делает этот регион не только российским, но и западным фронтиром.

Усиление радикальных исламистских сил в регионе открывает возможности для взаимодействия России и Запада по ряду вопросов, представляющих общий интерес. Однако консолидация этих двух геополитических центров в противодействии исламистской угрозе компенсируется стабильным разобщением, вызванным отношением к различным «национализмам» на Северном Кавказе. Это отношение во многом является производным от общего состояния идеологических отношений между Россией и Западом.

По мере снижения в последние годы остроты чеченского фактора, «слабым звеном» в отношениях России и Запада в связи с Северным Кавказом становится черкесское движение. Интернационализация черкесского вопроса происходит с опорой на крупные и активные черкесские общины во многих государствах мира (Турции, Иордании, Сирии, Израиле, Ливии, Египте, США, Франции, Германии); по разным оценкам численность черкесской диаспоры достигает 7 млн. человек.

Разделение черкесского движения на умеренных и (геополитически мотивированных) радикалов четко накладывается на российско-западный геополитический раскол. Наиболее радикальные группы созданы и функционируют, в основном, вне Российской Федерации - в первую очередь в США, Израиле, Турции, Иордании. Их цели и идеология воспринимаются в России как враждебные и угрожающие единству российского государства. Радикалы видят в качестве своей главной цели не просто признание исторической несправедливости, допущенной в отношении черкесов со стороны царской России в XIX в., а фактически признание Великой Черкесии (в ее исторических границах) в качестве оккупированной Россией территории. Эти группы получают финансовую поддержку со стороны специальных западных фондов, а также интеллектуальную подпитку таких мозговых центров, как, например, Джеймстаунский фонд в США. Трибуну таким группам предоставляет и Грузия, преследующая собственные интересы в регионе. Успешно конвертируя геополитические фантомы холодной войны во внешнеполитический и внутриполитический капитал, грузинское руководство пытается втянуть Запад в «битву» за Кавказ и использует при этом площадку Северного Кавказа.

С другой стороны, попытки дестабилизировать ситуацию на Северном Кавказе должны беспокоить нынешнюю американскую администрацию, заинтересованную в том, чтобы на ее привилегированные отношения с Россией не легла тень от слишком безответственных действий Грузии на Северном Кавказе. Например, приближенные к администрации США исследователи из «Центра за американский прогресс» и Университета Джорджа Вашингтона С. Шэрап и К. Велт в своем докладе оценивают как провокационные некоторые действия Грузии на Северном Кавказе, не имеющие ничего общего с «вовлечением» либо с улучшением гуманитарного положения жителей региона. Речь идет о пропагандистском воздействии на регион через СМИ, о провоцировании антироссийских настроений, о кампании за бойкот Олимпийских игр в Сочи и, наконец, об инициативах по признанию геноцида черкесов[1].

Политика Европейского Союза в отношении Северного Кавказа более осторожна и ограничивается гуманитарным направлением. С 1999 года Европейская Комиссия оказала региону гуманитарную помощь в размере 237 миллионов евро, которые были направлены на срочные гуманитарные нужды населения. Следует отметить, что с 2011 г. ЕС объявил о резком сокращении гуманитарных программ в регионе в связи со значительным улучшением социально-экономической ситуации и общей стабилизацией на Северном Кавказе[2]. Европа не стремится участвовать в разрешении религиозных и этнополитических противоречий в регионе, а точнее – занимать ту или иную сторону в «тихих конфликтах» на Северном Кавказе. В частности, Европарламентом было фактически проигнорировано обращение адыгских (черкесских) организаций от 11 октября 2006 г., в котором содержится крайне

1 S. Charap and C. Welt (2011). *A More Proactive US Approach to the Georgia Conflicts*, Center for American Progress, pp. 48-49.
2 «ЕС сворачивает свою миссию на Северном Кавказе», *Islam News*, 8 Апреля 2011 г. http://www.islamnews.ru/news-47791.html

нелестная оценка политики России на Северном Кавказе и формулируется просьба о признании Европарламентом геноцида адыгов[3]. Вместе с тем в Европейском парламенте с 2006 г. ежегодно проводится «Черкесский день» - площадка для обсуждения проблем этнокультурного возрождения и развития народа, актуальных политических проблем черкесского общества.

Черкесский вопрос в современном контексте

В зависимости от складывающейся на Северном Кавказе ситуации в общественном дискурсе более или менее остро ставятся вопросы исторического прошлого, в частности, истории взаимоотношений кавказских народов с Россией. Несмотря на полтора века, прошедших после окончания Кавказской войны, продолжающееся негативное влияние событий тех лет на современную ситуацию достаточно очевидно. Поэтому особое значение приобретает оценка Кавказской войны и отражение этой оценки в современной политике России на Кавказе. Озвученная Б.Н.Ельциным 21 мая 1994 г., в день 130-летия окончания Кавказской войны, идея о том, что Россия в состоянии дать объективную трактовку событий Кавказской войны «как мужественной борьбы народов Кавказа не только за выживание на своей родной земле, но и за сохранение самобытной культуры, лучших черт национального характера»[4], к сожалению, не получила дальнейшего развития в российском истэблишменте, вследствие чего был упущен шанс построить взаимоотношения центра с кавказскими народами на новой, более крепкой основе.

На этом фоне с новой силой зазвучала идея возрождения или создания в новых условиях единой черкесской нации. Обсуждаются различные формы реализации этой задачи – от воссоединения народа на исторической родине в рамках единого субъекта РФ до создания дисперсной, но объединенной духовно и политически, нации. Большинство черкесов не выдвигают требования отделения от Российской Федерации: слишком очевидна экономическая несостоятельность черкесских республик, учитывается сложность этнотерриториальной композиции на Северном Кавказе, предвидятся тяжелые политические последствия такого шага. Умеренные группы видят основной смысл своих действий в сохранении адыгов-черкесов как этноса, в укреплении этнокультурных основ народа и увеличении его численности. Они отдают себе отчет в том, что чем более антироссийский характер будет приобретать черкесское движение, тем более маргинализированным оно будет. Кроме того, крайние взгляды вряд ли найдут понимание среди других народов Северного Кавказа, поскольку в результате нестабильности могут пострадать все. Радикальные же течения озвучивают гораздо более революционные проекты[5].

В таких условиях для разумного реагирования российского федерального центра необходимо было бы более глубокое изучение динамики общественных настроений на Северном Кавказе. Однако частое игнорирование столичными и региональными чиновниками анализа и рекомендаций экспертов по современному Северному Кавказу, их оторванность от реальных процессов, происходящих на местах, приводит к тому, что до сих пор в политике на Северном Кавказе используются устаревшие, малоэффективные схемы. Попытки «замирения» региона силовыми методами лишь делают Северный Кавказ доступным объектом политики других государств, которые далеко не всегда заинтересованы в укреплении связей северокавказских республик с федеральным центром.

3 Обращение адыгских (черкесских) организаций в Европарламент 11 октября 2006 г. / http://www.elot.ru/main/index.php?option=com_content&task=view&id=2546&Itemid=5

4 Обращение к народам Кавказа Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина в связи с 130-летием окончания Кавказской войны. Москва, 18 мая 1994 г. (ИТАР-ТАСС).

5 Кешев Р. Абхазо-черкесские отношения. Интервью. 10.12.2010 г.

Справедливости ради необходимо отметить, что в последнее время наблюдается некоторое «пробуждение» российской политики на Северном Кавказе, возможно, под воздействием фактора Олимпийских игр 2014 г. в Сочи. Укрепление России на Северном Кавказе – главный залог снижения конфликтогенности этого региона и устранения его негативного геополитического значения. Однако это укрепление должно осуществляться не через замалчивание проблем или подавление, а через создание условий для качественного образования, экономического развития, через уважение к культурному своеобразию северокавказских народов. Модернизация обществ на Северном Кавказе – важная задача для российского правительства.

Олимпиада 2014 г. в Сочи могла бы стать символом гармонизации отношений на Кавказе. В связи с предстоящей Олимпиадой с новой силой зазвучала тема трагических событий, связанных с 60-летней Кавказской войной XIX века. Российскому государству необходимо найти способы вынесения более справедливой морально-исторической оценки того периода истории. Политика замалчивания вместо признания исторических обид и несправедливостей не способствует сближению позиций всех заинтересованных сторон.

Тема Северного Кавказа в современной политике Грузии

Для Грузии Северный Кавказ представляет интерес с двух точек зрения. С одной стороны, его отдельные части составляют единый этнический комплекс с двумя государствами, которые были и, вероятнее всего, надолго останутся объектами притязаний Грузии – Абхазией и Южной Осетией. С другой стороны, он образует естественный барьер между Грузией и основной (т.е. заселенной этническими русскими) территорией Российской Федерации – державы, которая, по мнению большинства грузинских политиков, представляет наибольшую опасность для Грузии. Соответственно, в Тбилиси всегда думают о том, какими последствиями чреват конфликт с Северным Кавказом и какие выгоды можно приобрести от союза с ним.

Конец 80-х и начало 90-х гг. XX века прошли для Грузии под знаком нарастающей вражды с большинством северокавказских народов, объединившихся вокруг Абхазии перед угрозой грузинской агрессии. В эпоху советского застоя Москва и Тбилиси старались не поощрять тесных связей между абхазами и адыгами, учитывая то обстоятельство, что абхазы и без того время от времени создавали «проблемы» советскому центру[6]. Конечно, нельзя сказать, что в советское время контактов между братскими народами совсем не было. Однако именно политика перестройки позволила абхазам вновь «открыть» для себя этнически и культурно близких адыгов и другие народы, живущие на Северном Кавказе. Взаимные визиты, фестивали искусств, молодежные акции – все это имело огромное политическое и морально-психологическое значение и для абхазов, и для северокавказцев. Инициаторами сближения были национальные движения: в Абхазии – Народный фронт «Айдгылара», в республиках Северного Кавказа – Международная черкесская ассоциация, Конгресс кабардинского народа, Адыгэ Хасэ и др.

На Северном Кавказе в этот период были популярны идеи воссоздания Горской республики (или Республики Союза горцев Кавказа), провозглашенной в 1918 – 1919 гг. После распада СССР радикальные кавказские политики не исключали и самопроизвольного распада Российской Федерации. Горская республика мыслилась как федеративное образование (этот проект лишь частично воплотился в Конфедерации народов Кавказа, являвшейся активной политической силой в 1991 – 1994 гг.); кроме того, она должна была иметь собственный выход во внешний мир. Абхазия, находившаяся в состоянии конфликта с Грузией, была

6 Речь идет о неоднократных массовых народных выступлениях, вспыхивавших в Абхазии в знак протеста против грузинской ассимиляционной политики.

не единственным «окном», но, безусловно, лучшим из возможных, которым могло бы располагать северокавказское сообщество. В августе 1989 г., вскоре после трагических июльских событий в Абхазии (грузино-абхазских столкновений, в результате которых пролилась первая кровь) в Сухуме была создана Ассамблея горских народов Кавказа, объявившая себя исторической преемницей Республики Северного Кавказа[7]. Именно после первых грузино-абхазских столкновений стало очевидно, что дальнейшая эскалация насилия в Абхазии является вполне вероятным сценарием, и это логически подталкивало абхазов к поиску союзников на Северном Кавказе.

Уже 1-2 ноября 1991 г. в Сухуме, на третьем съезде горских народов Кавказа, была провозглашена Конфедерация горских народов Кавказа (КГНК). Субъектами КГНК были объявлены не республики, а народы – ее основатели. Штаб-квартирой организации был провозглашен г. Сухум. Если на первом этапе КГНК ставила перед собой задачи в основном национально-культурного характера, то позже стали преобладать политические требования. Нестабильная обстановка на Северном Кавказе и вооруженные конфликты на Южном Кавказе подталкивали КГНК к созданию собственных вооруженных сил, которые изначально мыслились как силы по поддержанию мира и стабильности на Северном Кавказе.

Свержение первого президента Грузии Звиада Гамсахурдия и приход к власти в 1992 году Эдуарда Шеварднадзе привели к почти полному разрыву отношений между Грузией и северокавказским сообществом. С одной стороны, вплоть до гибели Гамсахурдия, чеченцы пытались восстановить его у власти в Грузии. С другой стороны, новый виток войны в Южной Осетии в мае-июне 1992 года побудил Конфедерацию народов Кавказа выступить на защиту осетин уже вооруженной силой. Когда же началась война в Абхазии, в массовом сознании северокавказцев окончательно оформился «образ врага» в лице Грузии.

Грузинская военная агрессия против Абхазии в 1992 г. и приток северокавказских добровольцев на помощь абхазам в немалой степени способствовали радикализации целей и лозунгов КГНК, что не могло не беспокоить Москву. Хотя центральные власти, возможно, и устраивало то обстоятельство, что грузино-абхазская война в определенной степени отвлекала внимание наиболее пассионарных сил северокавказских республик от собственных политических проектов, однако их беспокоило, что война на юге неизбежно вызывала брожения на севере Кавказа – в этнически и конфессионально сложном регионе. Протесты против действий Грузии часто проецировались на далеко не всегда выверенную кавказскую политику Москвы, на ее амбивалентную позицию в период грузинской агрессии. Противоречия внутри российского руководства в начале 90-х гг., выразившиеся в том, что симпатии разных российских ведомств разделились между абхазами и грузинами; опасение центральных и республиканских руководителей вызвать массовые общественные протесты на Северном Кавказе в случае преследования добровольцев – все это дало возможность представителям Северного Кавказа организовать достаточно серьезное добровольческое движение в поддержку Абхазии.

Сдвиги во взаимоотношениях между Грузией и некоторыми северокавказскими республиками наметились во вторую чеченскую кампанию, когда Шеварднадзе уже не оказывал помощь России против ичкерийских мятежников. После поражения чеченских отрядов Грузия, по сути, предоставила им плацдарм в Панкисском ущелье, что стало предлогом для окончательного охлаждения грузино-российских отношений и причиной для потепления грузино-чеченских отношений.

7 В нее в 1918 г. вошли 7 «самостоятельных штатов» – Дагестан, Чечено-Ингушетия, Осетия, Карачаево-Балкария, Кабарда, Адыгея и Абхазия. Но просуществовала Республика недолго. Возникшая на ее месте в 1920 г. Горская автономная республика, простиравшаяся лишь от Кабарды до Чечни, также оказалась нежизнеспособной: в 1924 г. она была ликвидирована. Подробнее об этом у В. Березовского и В. Червякова, в статье «Конфедерация горских народов Кавказа», http://www.rau.su/observer/N03_92/3_06.HTM

Приход в 2003 году к власти Михаила Саакашвили открыл для Грузии новые перспективы в поиске союзников за Кавказским хребтом. Стержнем грузинской идеологии стало активное противопоставление Грузии Москве, союз с НАТО и поддержка всех антироссийских сил на Кавказе. Для грузинского руководства главной заботой оставалось возвращение под свой контроль Абхазии и Южной Осетии. Учитывая, что обе страны к этому времени провозгласили свою полную независимость, это возвращение неминуемо стало бы насильственным. Тем не менее, до августа 2008 года Грузия не нуждалась в слишком сложных политических комбинациях: рассчитывая на блицкриг, грузинские лидеры не пытались политически нейтрализовать возможных союзников Абхазии или Южной Осетии, в первую очередь северокавказские народы. Во всяком случае, о геноциде черкесов грузинские политики хотя и вспоминали, но мельком, не пытаясь превратить этот вопрос в политический аргумент.

События августа 2008 года дали ответ на многие вопросы: во-первых, что Москве по-прежнему крайне важен Кавказ, и российское руководство не только не собирается отступать, но готово вести ради укрепления своих позиций полномасштабные боевые действия; во-вторых, что кавказская солидарность не ослабла (это показали совместные действия абхазов и осетин, а также участие чеченцев в операции против грузинских подразделений). Кроме того, выяснилось, что Грузии рассчитывать на активное вмешательство Запада преждевременно. Для грузинского руководства стала очевидной необходимость выработки в отношении России новой стратегической концепции, в которой важная роль отводилась Северному Кавказу. Таким образом, новая грузинская инициатива разрабатывалась, в первую очередь, с целью разжигания антироссийских настроений на Северном Кавказе и в среде кавказской диаспоры, а также с целью нейтрализации наиболее последовательных союзников Абхазии. Адыгейцы, черкесы, кабардинцы, абазины, шапсуги – наиболее близкие абхазам родственные этнические группы. Именно они могли бы побудить Россию к решительным шагам, если Москва когда-нибудь запоздает с реакцией на те или иные враждебные действия Грузии в отношении Абхазии.

Тбилиси проводит свою новую «черкесскую» политику не спеша и поэтапно: декабрь 2009 года – создание в грузинском Парламенте группы дружбы с Парламентами Северного Кавказа; 4 января 2010 года – выход в эфир «Первого информационного кавказского» телеканала (ПИК); 13 октября 2010 года – введение безвизового режима для въезда в Грузию жителей республик Северного Кавказа; февраль 2011 года – решение о создании специальной комиссии по делам Кавказа при аппарате государственного министра Грузии по делам диаспоры; 20 мая 2011 года – принятие грузинским Парламентом Постановления о признании геноцида черкесского народа в период русско-кавказской войны. Особо подчеркивается, что Грузия стала первым государством мира, признавшим геноцид черкесского народа. Моральная сторона вопроса, связанная с тем, что инициативу по признанию геноцида черкесов проявляет страна, сама совершившая агрессию против Абхазии (1992 г.) и Южной Осетии (2008 г.), естественно, замалчивается.

Тбилисские политики не случайно начали свою инициативу с трагедии именно черкесского народа. Подобная узкая географическая направленность признания геноцида продиктована политическими соображениями. Вайнахские народы пострадали от Кавказской войны никак не меньше, чем черкесы. Хотя Парламент Грузии в настоящее время выразил намерение рассмотреть вопрос о признании геноцида ингушского народа, о чеченцах речь на данном этапе не идет. Признание геноцида чеченцев наложило бы на Тбилиси определенные обязательства, и в случае нового антироссийского мятежа в Чечне грузинскому руководству по логике пришлось бы поддерживать инсургентов как минимум в политическом плане. С одной стороны, это чревато новым военным конфликтом с Россией; с другой – такое заявление будет означать политическую поддержку чеченского сопротивления, ушедшего в подполье, что приведет к конфликту с сегодняшним руководством Чечни в лице Рамзана Кадырова.

В 2006 г., когда вопрос о признании геноцида черкесов безуспешно поднимался черкесскими организациями в Европарламенте, Грузию он интересовал мало. Эта тема стала обретать геополитическое значение с лета 2007 года, когда Сочи был объявлен столицей Олимпиады 2014 года. Надо заметить, что это событие сразу оживило надежды как в самой Грузии, так и в отколовшихся от нее республиках: грузины считали, что получили рычаг давления на Москву в абхазском вопросе, а их противники надеялись, что Россия теперь будет заинтересована в стабилизации обстановки у своих южных рубежей и по этой причине решится на признание как Абхазии, непосредственно граничащей с Сочинским районом, так и Южной Осетии.

После августовской войны 2008 года стало очевидно, что какую бы позицию ни занимали народы Северного Кавказа в случае новой попытки Грузии отвоевать Абхазию, они теперь не могут играть в этой гипотетической войне определяющую роль. Разумеется, их позиция по-прежнему важна как в военно-стратегическом, так и в политическом плане, и все-таки она уже не будет иметь такого значения, как в начале 1990-х гг. Это понимают и на Северном Кавказе и в Грузии. Тбилиси уже не нуждается в непримиримой борьбе с Северным Кавказом: отпадает необходимость вести ожесточенную пропаганду против поддерживающих Абхазию политических движений за Кавказским хребтом. Зато появилась надежда мягко, ненавязчиво убедить кавказцев, что абхазский вопрос, хотя и затрагивает интересы черкесских народов, но все-таки не является для них кровным. Теперь существование Абхазии и Южной Осетии уже не зависит напрямую от северокавказского сообщества: за эти республики поручилась Россия. Что касается адыгских народов, то они если и не чувствуют себя лишними в этом раскладе, то понимают, что с 2008 года их роль в конфликте свелась к декларативным функциям. Конечно, кавказские лидеры периодически выступают с заявлениями о поддержке Абхазии, но теперь они идут скорее в фарватере московской политики.

Грузия явно рассчитывает на то, что между абхазами и черкесами возникнут трения в связи с необходимостью дать оценку исторической роли России на Кавказе. Но с другой стороны, решение о признании геноцида черкесов может создать затруднения и для самой Грузии. Армения, например, давно добивается признания геноцида армян (1915 г.). Для Грузии такое признание чревато осложнением отношений с Турцией и Азербайджаном.

Разумеется, на Северном Кавказе понимают, какие цели ставит перед собой Грузия, продвигая «черкесский вопрос». Очевидно, что сегодняшний план Тбилиси по оживлению отношений с черкесами носит именно политический характер. За мерами, направленными на улучшение взаимоотношений с северокавказскими народами, стоят недружественные по отношению к России цели – ослабить влияние Москвы на Северном Кавказе, т.е. практически каждый шаг, улучшающий взаимоотношения Грузии с народами Северного Кавказа, осуществляется за счет ухудшения отношений этих народов со своим центром. По большому счету, для всех очевидно, что спровоцировать новую Кавказскую войну Тбилиси вряд ли сможет. К тому же национальное движение адыгских народов всегда укладывалось в рамки законности и соответствовало международным нормам. Экстремистские методы борьбы, которые только и могли бы сорвать Олимпийские игры в Сочи, не в их характере. Однако смена настроений в национальных республиках Северо-Западного Кавказа, до сих пор вполне лояльных России, сама по себе будет результатом для Грузии. Она может помочь грузинскому руководству если не в военном конфликте, то в каком-нибудь из бесчисленных раундов дипломатической игры. И даже если не удастся ослабить позиции России на Северном Кавказе, грузины будут удовлетворены тем, что вражда с адыгскими народами сменяется взаимной симпатией. Это даст возможность восстановить (хотя бы частично) утраченное влияние к северу от Кавказского хребта, что для современной Грузии совсем не лишне.

Появление трудных вопросов в черкесско-абхазских взаимоотношениях

Практически на всем протяжении своего существования черкесский вопрос был связан с Абхазией. Генетическое родство и тысячелетия проживания абхазо-адыгских народов в ближайшем соседстве являются важнейшими объективными факторами, определившими их тесное взаимодействие в различные исторические периоды. Однако сегодня, в мирное время, проявляются новые, не всегда позитивные грани во взаимоотношениях абхазского и адыгского народов.

Свой негативный вклад в абхазо-черкесские отношения, как было указано выше, вносит активизация грузинской политики в черкесском направлении. Демонстративные действия Грузии по признанию исторических травм черкесского народа ведут к улучшению черкесско-грузинских взаимоотношений, что абхазами воспринимается болезненно. В условиях, когда грузино-абхазский конфликт не разрешен, улучшение отношений северокавказских республик с Грузией свидетельствует, с абхазской точки зрения, об ослаблении черкесско-абхазского братства, скрепленного в совместной борьбе с грузинами. С другой стороны, абхазы, в значительной степени находящиеся в зависимости от России, не поддерживают инициированные американскими и грузинскими политическими центрами дискуссии, имеющие антироссийскую направленность, например, о недопустимости проведения Олимпиады в Сочи и др., что, в свою очередь, вызывает непонимание в части черкесского общества.

Следует отметить, что позиция Абхазии вовсе не означает некритичного отношения к драматическим моментам прошлого и настоящего Кавказа. Напротив, в абхазском общественно-политическом дискурсе довольно часто звучат критические оценки российской кавказской политики, а Парламент Абхазии принял еще в 1997 г. постановление о депортации абхазов и абазин в результате кавказской войны (кстати говоря, сегодня одним из спорных вопросов для черкесов стало то, что в абхазском постановлении не упоминаются адыгские народы). Однако в Абхазии четко отделяют политику царского самодержавия от современности, а также ошибки и упущения российской политики, проводимой сегодня на Северо-Западном Кавказе, от позитивных шагов российского руководства. Понимая и разделяя все проблемы и озабоченности адыгского народа, абхазы одновременно будут всегда ценить такой шаг со стороны Российской Федерации, как признание в 2008 году независимости абхазского государства. Следует учитывать, что не только высокая оценка признания и благодарность за мощную экономическую и финансовую помощь со стороны России не позволяют Абхазии включаться в антироссийские информационные кампании. Просто в Абхазии хорошо понимают, что добиваться исторической справедливости необходимо не за счет ухудшения отношений северокавказских республик с Москвой, а в трудном поиске взаимопонимания и компромисса, не подвергая рискам уязвимую стабильность на Северном Кавказе.

Сигналом, свидетельствующим о появлении непростых вопросов в абхазо-черкесских взаимоотношениях, стала реакция на принятие решения МОК о проведении зимних Олимпийских Игр в Сочи. Абхазы приветствовали это решение, тогда как в среде черкесов, в особенности в черкесской диаспоре, стал подниматься вопрос о неприемлемости проведения Игр на территории самых отчаянных боев между царскими войсками и черкесскими отрядами. Наиболее радикальные участники движения против сочинской Олимпиады стали поднимать другие конфликтогенные темы, уже относящиеся не к черкесско-российским отношениям, а к взаимоотношениям между самими кавказскими народами. Так, неожиданно

возникли вопросы черкесской и абхазской идентичности[8], проблемы интерпретации некоторых исторических фактов, споры о территориальной принадлежности тех или иных областей и многое другое.

Одним из остро дискутируемых, преимущественно в среде черкесской диаспоры, вопросов стал абхазский закон о гражданстве. Согласно этому закону, помимо постоянно проживающих в Абхазии жителей, гражданами Республики Абхазии по рождению могут быть только абхазы, абазины и (с недавнего времени) убыхи. Многие черкесы, общая численность которых по некоторым оценкам может доходить до 7 или даже до 10 млн. человек, почувствовали себя оскорбленными, поскольку получается, что абхазское государство (единственное государство на абхазо-адыгском пространстве) из всех родственных народов отказывает в праве на получение гражданства только черкесам.

Представляется, что перечисленные выше конфликтогенные вопросы возникли не по простому стечению обстоятельств, а на основе противоречий в представлениях абхазов и черкесов о собственных национальных проектах, а также противоречий в таких базовых понятиях, как идентичность. Без понимания причин несовпадений взглядов на эти категории невозможно понять, а, соответственно, и преодолеть возникшие недоразумения и обиды.

Несовпадения в национальных проектах абхазов и адыгов.

Абхазы никогда не сомневались в том, что их национальная борьба посвящена отстаиванию права на независимое абхазское государство, тогда как многие черкесы видели в независимой Абхазии не столько пример, сколько основу для создания общего черкесского государства. Именно подобный взгляд лежит в основе представлений о том, что абхазы должны также стать участниками строительства общечеркесского государства. Оказалось, что абхазы, представляющие родственный черкесам народ, рассматривались многими на Северном Кавказе как часть рождавшейся черкесской (политической) нации[9]. Более того, некоторые черкесские лидеры стали формулировать новые неприемлемые для абхазов идеи о западнокавказской общности, в которую, помимо черкесов и абхазов, они включали Грузию как наиболее близкую абхазо-адыгам в цивилизационном отношении страну[10]. На фоне того, что Грузия продолжает предъявлять свои права на Абхазию, подобные тенденции в Абхазии воспринимаются как серьезная угроза.

Существуют также некоторые неясности в восприятии и определении абхазской и черкесской идентичности. В Абхазии всегда знали, что в родственную группу народов абхазо-адыгской этнической общности входят адыги (адыгейцы, черкесы и кабардинцы), убыхи и абхазы – народы с самостоятельными языками, которые не могли бы сформироваться без длительного раздельного исторического развития. Однако в подавляющем большинстве черкесских публикаций этноним «черкес» используется как общий и для черкесов, и для убыхов, и для абазин с абхазами. При том, что абхазы очень высоко ценят родство с черкесами, для них их абхазская идентичность, основанная и на самостоятельном языке и на собственном историческом пути, никогда не растворялась в иной, в том числе черкесской идентичности.

8 Есть некоторое несовпадение между существующими этнонимами горских народов Северного Кавказа и их иноназванием (иноэтнонимом). Так, часто этноним «черкес» из литературных источников мог означать не только представителя адыгского народа, но и убыха, и абхаза, а порой и представителей других горских народов. При этом в русском языке этноним «черкес» преимущественно охватывает собой именно адыгские народности – кабардинцев, адыгейцев – натухайцев, бжедугов, шапсугов и др. Именно такое понимание распространено и в Абхазии, поэтому выражение «история черкесов» понимается абхазами как адыгская история, а «черкесское государство» - как адыгское. Другими словами, ни на одном уровне идентичности абхаз не воспринимает себя как черкеса, этот термин в абхазском сознании является общим иноназванием именно адыгских народностей. В адыгских же источниках ситуация совершенно иная.

9 Андзор Кабард. Черкесская хроника - оптимистическая трагедия. Адыгэ хэку. 2011 г. www.aheku.org

10 Руслан Кешев. Абхазо-черкесские отношения: «братство навек» или «развод в коммунальной квартире»? 2010 г.

Такое различное понимание этих важнейших как для личности, так и для этноса понятий не могло не привести к недоразумениям, непониманию и даже к обидам.

Существуют ли ресурсы для позитивных изменений?

Несмотря на неожиданные осложнения, которые нельзя недооценивать, у Абхазии все еще есть потенциал для позитивного влияния на ситуацию с целью преодоления противоречий и восстановления доверительных отношений между черкесским Северным Кавказом и Абхазией. Для этого необходимо, в первую очередь, не замалчивать, а, напротив, озвучивать возникающие вопросы, осмыслять их, вести углубленное обсуждение проблем и на уровне академических научных институтов и на уровне гражданского общества. Важную роль могли бы сыграть различные образовательные инициативы с участием молодежи по изучению исторического прошлого времен Кавказской войны, советского периода и грузино-абхазской войны. Позитивное влияние могли бы оказать научные и практические конференции. В сложившейся ситуации можно было бы вести эффективную просветительскую работу на уровне гражданского общества, учитывая большую мобильность гражданских организаций и возможность сетевой работы.

Абхазия, на наш взгляд, может внести определенный вклад и в установление большего взаимопонимания между черкесским обществом и российским центром. Сегодня некоторые российские историки и публичные деятели, в отличие от своих предшественников в XIX в., оправдывают или, по крайней мере, замалчивают жестокие способы ведения Кавказской войны. Это не дает возможности перевернуть трагическую страницу истории и строить более доверительные отношения между центром и северокавказскими народами. Самым тяжелым наследием царской России стала парадигма решения проблем на Северном Кавказе, построенная не на поиске компромисса или общих интересов, а на использовании жесткой силы. К сожалению, остаточные элементы этого подхода остаются актуальными и сегодня, продолжая оказывать свое негативное влияние на ситуацию. Принципиально важной представляется организация на разных уровнях откровенного диалога между обществом и властью, в котором могли бы участвовать и представители Абхазии. Подобный процесс мог бы развиваться в русле общей демократизации политической жизни в республиках Северного Кавказа. Для этого необходимо укрепление институтов гражданского общества, развитие форм гражданского участия, и здесь также мог бы пригодиться опыт Абхазии.

Очевидно, что расклад сил на Северо-Западном Кавказе, сложившийся в результате грузино-абхазской войны, не может быть законсервирован навечно. Несмотря на понятные эмоции, в Абхазии должно быть понимание того, что у северокавказских народов есть свои интересы, которые не всегда идентичны абхазским. Невозможно раз и навсегда обеспечить преданность друзей только тем, что у тебя есть серьезные проблемы. Необходимы встречные шаги, продуманная политика Абхазии в отношении народов Северного Кавказа, которые, несмотря ни на что, пришли на помощь в самое сложное время. Нужно думать и о приемлемой для обеих сторон формуле получения абхазского гражданства, и о признании тяжелейших последствий Кавказской войны не только для абхазов-абаза, но и для других северокавказских народов, и многое другое. С другой стороны, верно также и то, что имея полное право развивать отношения с Грузией, черкесские организации могли бы, к примеру, более активно способствовать подписанию грузинскими властями соглашения с Абхазией о невозобновлении военных действий. Возможно, на данном историческом этапе черкесы могли бы сыграть важную миротворческую роль на Кавказе.

Взгляд из Грузии – краткое изложение

Предисловие

Отношения Грузии с северокавказскими народами всегда были непростыми; в целом они были уважительными, однако иной раз носили и враждебный характер. Особенно противоречивыми эти отношения стали после завоевания Северного Кавказа Российской империей и усиления ее влияния - с этих пор они неизменно носили отпечаток как внутренних противоречий на Северном Кавказе, так и имперской политики «разделяй и властвуй». Влияние на эти отношения оказали также кризисные периоды российской государственности, в частности, крах царской России и развал Советского Союза. В первом случае по обе стороны Кавказского хребта возникла надежда на освобождение от российского ига. Соответственно, общая цель и взаимная солидарность сближали Грузию с северокавказскими народами. Во втором же случае грузино-осетинский и, особенно, грузино-абхазский конфликты, вспыхнувшие не без помощи непродуманных решений неопытных новоявленных лидеров уже независимой Грузии, вбили клин в эти отношения. В последний раз вооруженная конфронтация между грузинскими войсками и северокавказскими ополченцами произошла в рамках грузино-российской войны 2008 года. Правда, в этот раз львиная доля причин противостояния была обусловлена большой политикой.

Разумеется, отношения Грузии с Северным Кавказом играли, и впредь будут играть важную роль в динамике происходящих в регионе событий и процессов. Однако предвосхищение траектории этих отношений в будущем требует серьезного анализа предопределяющих эти отношения факторов как с исторической, так и с современной точек зрения. Вместе с тем, вопреки тому, что Грузия непосредственно граничит с Северным Кавказом, в специальной литературе все же недостает полноценного описания и анализа исторических, политических и иных отношений между народами по обе стороны Кавказского хребта. Определенные сведения можно почерпнуть в художественной литературе, в частности, в грузинской поэзии и фольклоре, однако эти сведения, по понятным причинам, далеко не полные. Именно потому группа грузинских ученых и экспертов взяла на себя смелость попытаться заполнить этот существенный пробел. Данной группой предпринята попытка найти ответы на вопросы о взаимоотношениях грузин и северокавказских народов, а также о ситуации на Северном Кавказе и ее влиянии на политику Грузии. В результате этих усилий были написаны четыре статьи, публикуемые в настоящем сборнике и анализирующие данный вопрос с четырех точек зрения: Исторические предпосылки отношений Грузии с северокавказскими народами до 2008 г. (Георгий Анчабадзе); Динамика политических и социальных процессов на Северном Кавказе (Георгий Гвимрадзе); Северный Кавказ в российско-грузинской войне 2008 года: политические и военно-стратегические аспекты (Арчил Гегешидзе) и Северокавказская политика Грузии в контексте поставгустовских «новых реалий» (Ивлиан Хаиндрава). Эти статьи будут изданы в виде отдельного сборника на русском, английском и грузинском языках. Ниже предлагается краткое изложение содержания и основных выводов этих статей.

Исторические предпосылки отношений Грузии с северокавказскими народами до 2008 г.

Несмотря на этнические и языковые различия, жителей северных и южных склонов Кавказского хребта с древних времен воспринимали как представителей одной историко-культурной общности. В период расцвета Грузинского царства в XI-XIII веках наблюдалось

культурное взаимодействие между Грузией и народами Северного Кавказа. Высоко ценилась мощная грузинская культура, в том числе литература и богослужение. Северный Кавказ в политическом плане являлся для Грузии надежным тылом, из которого она черпала вспомогательные военные силы для противостояния иноземным завоевателям. Приобщение народов Северного Кавказа к исламу создало определенный барьер между ними и христианской Грузией. Однако в целом сложившиеся отношения оставались дружественными. Исключением стали лишь отношения с Дагестаном, правители которого в XVIII веке совершали грабительские набеги на Грузию.

Однако затянувшаяся Российско-Кавказская война в XIX веке серьезно повлияла на дальнейшее развитие грузино-северокавказских отношений. Россия, аннексировав Грузию, использовала ее территорию для блокады сопредельных районов, населенных непокорными горцами, чтобы сломить их сопротивление голодом и измором. Кроме того, царизм, закрепив свою власть над Грузией, привлек на службу местное дворянско-княжеское сословие и царскую семью. Эта военная каста встала под русские знамена и приняла деятельное участие в боевых действиях против горцев. Дополнительной мотивацией для грузин к походам в горы и, в частности, в Дагестан, служила идея отмщения за их прежние набеги на Грузию.

Во второй половине XIX века русско-грузинская солидарность начинает ослабевать. Рост этнического самосознания и формирование гражданского общества, а также усилившаяся политика русификации порождали протестные настроения в Грузии. На этом фоне в грузинском обществе произошла переоценка фактов недавней Кавказской войны. Горцы мыслились уже как естественные союзники Грузии в национально-освободительном движении.

После февральской революции 1917 года на национальных окраинах Российской империи быстро распространились идеи автономии и самоопределения. Грузия внимательно следила за образованием Горской или Северо-Кавказской Республики и с энтузиазмом приветствовала принятую ее правительством в декабре 1917 г. декларацию о полной независимости. После обретения в 1918 г. независимости Южно-Кавказскими республиками появилось основание для панкавказской конфедерации, однако в связи с продолжающимися разногласиями между республиками и сложной внешнеполитической ситуацией дальше ожиданий дело так и не пошло.

После победы советской власти на Кавказе (1920-1921 гг.) грузинское сопротивление оккупационному режиму в значительной мере ориентировалось на взаимодействие с северокавказскими народами. Более того, хотя партизанское движение в Грузии было в 1924 г. подавлено, на севере повстанческое движение в течение некоторого времени еще продолжалось, особенно в горных районах Чечни. Это заставило советское правительство проводить периодические военные операции на Чечено-Ингушской территории. В окончательной попытке раз и навсегда разрубить Северокавказский «гордиев узел» советские власти в конце 1943 г. и в начале 1944 г. выслали в Центральную Азию целые народы: карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев и др. Однако скрывавшиеся в лесах чеченские и ингушские повстанцы начали нападать на представителей советской администрации, военных и переселенцев. Для подавления сопротивления власти попытались вовлечь в действия против повстанцев представителей соседних народов – грузин, осетин, дагестанцев, однако эти попытки не привели к успеху, поскольку простой народ больше сочувствовал преследуемым. Примечательно, что отношение депортированных народов к Грузии и грузинам продолжало оставаться позитивным и после политической реабилитации (в 1957 г.).

В советский период эмоциональные связи между Грузией и народами Северного Кавказа постепенно ослабели, не без усилий центральной власти, которая, конечно, не была заинтересована в реальном укреплении существенных внутрирегиональных связей. Однако

в конце 1980-х гг., во время *перестройки,* кризис советской системы вначале породил импульсы сближения. Стали завязываться контакты по экологическим, культурным, гуманитарным и другим вопросам. Многие горские идеологи того времени были не против лидерства Грузии в кавказском освободительном движении. После провозглашения независимости Чеченской республики самый заметный в те времена северокавказский лидер Джохар Дудаев был крайне заинтересован в сохранении тесных отношений с Грузией, являвшейся для Чечни дорогой во внешний мир. В декабре 1991 г. Дудаев даже пытался играть роль медиатора между Гамсахурдиа и внутренней грузинской оппозицией. Впрочем, после свержения в январе 1992 г. президента Гамсахурдиа отношение новых властей к чеченскому лидеру, приютившему его со своей свитой, охладело.

Однако самый большой урон отношениям между Грузией и северокавказскими народами нанесла грузино-абхазская война 1992-1993 гг. В данных статьях не рассматриваются причины или хроника событий, которые привели к грузино-абхазской войне, однако они подчеркивают один важный аспект. С наступлением *перестройки* и возрождением национальных проектов абхазское национальное движение начало играть активную роль в создании Конфедерации горских народов Кавказа и соответствующих институтов. Тбилиси смотрел на это весьма скептически, хотя явно недооценил северокавказский фактор при своей попытке восстановить юрисдикцию над этим автономным регионом. Абхазы, в численном отношении значительно уступавшие грузинам даже на территории Абхазии, нашли союзников в лице этнически и культурно родственных народов Северного Кавказа. На начальной стадии вооруженного противоборства, который продолжался более 12 месяцев (между августом 1992 г. и сентябрем 1993 г.), грузинские власти пытались представить дело таким образом, будто основной причиной конфликта в Абхазии послужило северокавказское вмешательство, одним из основных виновников которого была Дудаевская Чечня.

После прекращения в сентябре 2003 г. вражды в Абхазии Шеварднадзе начал устанавливать более тесные отношения с Москвой и даже открыто поддержал российскую военную операцию во время первой чеченской войны, приняв сторону Москвы в борьбе с «сепаратизмом». Однако Российско-Грузинские отношения ухудшились, Грузино-Чеченские отношения несколько улучшились и в сентябре 1997 г. в Тбилиси с президентскими почестями приняли нового чеченского лидера Аслана Масхадова. Более того, после начала Второй русско-чеченской войны (октябрь 1999 г.) Грузия приютила несколько тысяч чеченских беженцев. Тем не менее, позиция Грузии по «чеченскому вопросу» оставалась противоречивой. Шеварднадзе, находясь в плену иллюзий о том, что Россия могла бы помочь Грузии в восстановлении территориальной целостности, делал реверансы Москве. В октябре 2002 г. он дошел до того, что передал бойцов чеченского сопротивления, искавших убежища на грузинской территории.

После Революции роз 2003 г. политика Грузии по отношению к Северному Кавказу была не слишком активной вплоть до августовских событий 2008 года. После этого грузинские власти начали разрабатывать более активную политику в отношении Северного Кавказа, анализ которой приведен в статье Ивлиан Хаиндрава. Однако прежде, чем углубляться в этот вопрос, важно рассмотреть другие политические и социальные тенденции, оказывающие влияние на динамику рассматриваемых взаимоотношений.

Динамика политических и социальных процессов на Северном Кавказе

Несмотря на все возрастающие государственные субсидии, Северный Кавказ, по сравнению с другими регионами России, находится в значительно более тяжелом социально-экономическом положении, что объясняется несколькими войнами, насилием, коррупцией, огромной «теневой» экономикой и другими факторами. Внутренний валовый продукт

(ВВП) на душу населения на Северном Кавказе существенно ниже среднего показателя по стране. Кроме того, по причине необузданной коррупции растет доля теневой экономики. В условиях отсутствия демократических традиций управления пестрый этнический состав региона, наряду с другими факторами, создает почву для межэтнических и межклановых конфликтов, нацеленных на «восстановление справедливости в распределении территории». Однако одним из главных источников конфликтов на Северном Кавказе является историческая память. В ходе Кавказской войны были уничтожены целые аулы и села; в разное время с Северного Кавказа были выселены сотни тысяч человек. Не менее жестокими были методы угнетения северокавказских народов и в постсоветской действительности. Во время двух войн в Чечне погибло около 160 тысяч человек, причем большинство из них - гражданское население.

Появился исламский фундаментализм, являющийся относительно новым феноменом, возникшим после распада Советского Союза, при этом терроризм обычно рассматривают в качестве основы нестабильности на Северном Кавказе. Однако еще одним усугубляющим фактором является реакция федерального центра на события в этом регионе, ее формы и масштабы, в буквальном смысле приводящие к войне Неопределенность исхода этой «войны» превращает регион в одну из «горячих точек» мира.

Терроризм. За последние годы в регионе отмечается видимый рост террористической активности. Наряду с количественным ростом наблюдается изменение масштабов планирования и осуществления самоподрывов. Российские власти пытаются представить терроризм как привнесенное извне явление. На самом же деле ядро терроризма, его причины являются внутренними, тесно связанными с социально-политическими проблемами как региона, так и Российской Федерации в целом.

Исламизация. За распадом СССР на Северном Кавказе, как, впрочем, и на остальном постсоветском пространстве, последовало повышение уровня клерикализации общества. На сегодняшний день радикальный ислам продолжает набирать силу и популярность среди населения, особенно молодежи. Однако процесс исламизации региона происходит в виде синхронного развития двух противостоящих направлений: «салафизма» (или «ваххабизма»), который поддерживается мятежниками и ставит своей целью создание исламского «Имарата Кавказ», и традиционного ислама, который власти стремятся поддерживать. Учитывая специфику Северного Кавказа, можно предположить обострение отношений между этими двумя деноминациями ислама.

Сепаратизм. Сегодня самой главной, а быть может даже и единственной силой внутри региона, провозглашающей идею сепаратизма, является «Имарат Кавказ». Однако реальная мотивация и конечная цель его сторонников не вполне ясны. Декларированная цель – создание исламского государства на территории Северного Кавказа на принципах шариата – заведомо нереализуема, что, помимо сопротивления федерального центра, обусловлено и углубляющимися разногласиями между «салафитами» и традиционалистами. Другая сепаратистская сила – северокавказская диаспора (в первую очередь черкесская) декларирует своей конечной целью создание светского государства на территории Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи. Учитывая, что необходимым условием реализации данной цели является, во-первых, объединение населенных черкесами территорий в единый субъект, и во-вторых, распад России, перспектива достижения этой цели представляется весьма сомнительной. Добавим к сказанному и то, что эти два сепаратистских проекта по сути исключают друг друга, что еще больше снижает вероятность реализации любого из них.

Реакция федерального центра

В целом политику Кремля в отношении Северного Кавказа невозможно считать успешной. Жестокое подавление вооруженного сопротивления и продолжающееся применение грубой силы наряду с излишней опорой на отдельных личностей, которым предоставляется значительная свобода принятия решений на местном уровне и чья лояльность покупается большими бюджетными вливаниями, не смогли предотвратить распространение нестабильности на весь регион. В действительности такая политика вызывает все возрастающее недовольство со стороны простых жителей. Не было попыток понять мотивы террористов, и Кремль отказывается признавать собственные ошибки, концентрируя вместо этого внимание на «импортируемых» аспектах терроризма. При этом власти недавно признали, что в основе проблемы лежат социально-экономические факторы, однако они совершают главную ошибку, когда ищут причины этих социально-экономических факторов в конкретной этнической, психологической и культурной специфике самого региона. Исходная предпосылка такого подхода заключается в том, что кавказцы коррумпированы и занимаются различными видами криминальной деятельности. Это придало термину «кавказец» исключительно отрицательный смысл и подпитывает неприязнь к кавказцам со стороны российского общества. Уже раздаются призывы уйти из региона, не давать дотаций и оставить деньги для решения собственных социальных проблем».

В итоге мы предполагаем, что вряд ли современные политики смогут преодолеть социально-экономические проблемы, которые угрожают стабильности в данном регионе. Финансовые средства, вливаемые в экономику региона, слишком малы для устранения коренных причин нестабильности. В то же время этнические и религиозные конфликты будут, скорее всего, усугубляться и сопровождаться ростом сопротивления федеральному центру. Этот менее чем оптимистичный сценарий не является благоприятным ни для России, ни для Грузии.

Северный Кавказ в российско-грузинской войне 2008 года: политические и военно-стратегические аспекты

Северный Кавказ в силу географических, исторических, политических и культурно-демографических особенностей всегда играл особую роль в российской политике. В постсоветский период регион обрел важную геополитическую функцию, суть которой заключалась в том, что он служил и ресурсом, и инструментом влияния на ход политических и экономических процессов на Южном Кавказе. Иными словами, Северный Кавказ по необходимости должен был выполнить функцию плацдарма для осуществления силового давления на страны региона, в первую очередь – на Грузию.

Российско-грузинская война 2008 года стала очередным и ярким свидетельством использования Северного Кавказа в качестве плацдарма. Правда, к главной причине войны[11] фактор Северного Кавказа прямого отношения не имеет, однако с ним связаны определенные политические обстоятельства, повлиявшие на принятие Россией решения о применении военной силы. Во-первых, Кремлю нужно было показать «неспокойным» жителям Северного Кавказа, что он солидарен с их братьями по крови (абхазами и осетинами) в борьбе с «грузинским империализмом». При такой постановке вопроса нужно было дать отпор «грузинским агрессорам», иначе невмешательство федерального центра было бы сочтено в лучшем случае за его слабость, а в худшем – как откровенное пренебрежение судьбами своих кровных братьев. Во-вторых, сильная и процветающая,

11 Несмотря на то, что по официальной версии Москвы целью применения силы в отношении Грузии была «защита собственных граждан», проживающих или несущих службу в Южной Осетии, истинная мотивация агрессии состояла в совершенно другом. По прошествии более трех лет руководство России, в частности, президент и премьер-министр, признали, что на самом деле целью было недопущение вступления Грузии в НАТО и размещения там элементов системы противоракетной обороны Североатлантического альянса. См. http://ria.ru/defense_safety/20111121/494106971.html; http://inosmi.ru/politic/20120120/183481557.html

но нелояльная к авторитарной России Грузия действительно могла сместить к себе центр притяжения, подорвав тем самым устои федеральной власти на Северном Кавказе с его усиливающимися центробежными тенденциями. В-третьих, сформировавшийся еще со времен войны в Абхазии 1992-93 гг. «антигрузинский» настрой жителей Северного Кавказа сохранился до сегодняшних дней, хотя в несколько видоизмененной форме. Этот негативный настрой подпитывает мобилизационный потенциал ополченческих отрядов разных мастей наемников и авантюристов, что явилось дополнительным фактором, облегчающим принятие враждебных по отношению к Грузии решений Кремля.

Использование Северного Кавказа в качестве плацдарма в процессе подготовки и ведения военных действий было обусловлено и **географическим фактором**. В частности, важную роль сыграла его **близость к театру военных действий (ТВД)** – Северный Кавказ непосредственно граничит с Грузией, а именно – с Южной Осетией и Шида Картли. Несмотря на то, что ТВД в 2008 году находился на территории Грузии, Северный Кавказ с военно-стратегической точки зрения выполнял важную функцию специальной технической и тыловой поддержки вооруженных сил России в ходе боевых действий. Географическая близость и непосредственное соседство с ТВД сыграли важную роль и в **подготовке к войне**. Так, месяцами ранее в Южную Осетию и Абхазию дополнительно были завезены бронетехника, орудия залпового огня, а также зенитные установки и системы ПВО. Еще одним благоприятным географическим фактором стала **схожесть ландшафтных и климатических условий Северного Кавказа и ТВД**. В максимально приближенных к ТВД условиях российские военные годами ранее начали проводить масштабные летние учения на северных склонах Кавказского хребта. В июле 2008 года прошли беспрецедентного масштаба учения с участием 8000 солдат и офицеров, 700 единиц бронетехники и 30 самолетов и вертолетов.

Несмотря на то, что Россия в войне против Грузии задействовала все виды вооружения, в том числе ВМС и баллистические ракеты, оказалось, что для решения главной военной задачи было вполне достаточно находящегося в распоряжение СКВО вооружения. Российско-грузинская война 2008 года еще раз подтвердила значение Северного Кавказа в качестве фактора влияния на ход политических процессов в Грузии. Несмотря на всю сложность происходящих в самом регионе Северного Кавказа процессов, связанных с безопасностью, с проблемами политического, социально-экономического, религиозного и иного характера, Россия все еще в состоянии контролировать ситуацию. Более того, она способна использовать политические, географические и военно-стратегические ресурсы региона в качестве инструмента продвижения своих интересов и за его пределы, в частности – в Грузию.

Северокавказская политика Грузии в контексте поставгустовских «новых реалий»

После августовских событий 2008 года политика грузинских властей по отношению к Северному Кавказу, стала, в отличие от предыдущего периода, проактивной. Был осуществлен целый ряд взаимодополняющих мероприятий организационного, идеологического, пропагандистского и политического характера.

Организационные мероприятия включают учреждение в парламенте Грузии «Группы дружбы с парламентами Северного Кавказа». Данное решение, принятое в ответ на противоправное решение России о признании независимости Абхазии и Южной Осетии, – явный отход от международной практики, что ставит Грузию в двусмысленное положение. Два других шага грузинского руководства из этой же группы – переименование парламентского Комитета по связям с проживающими за рубежом соотечественниками в Комитет по делам диаспоры и Кавказа, и создание Специальной комиссии по делам Кавказа при аппарате Государственного министра по делам диаспоры – призваны подчеркнуть два обстоятельства:

(а) закрепление в обиходе понятия «грузинская диаспора», не имевшего ранее широкого распространения в грузинском дискурсе;
(б) особое значение Кавказа (т.е. не только Южного, но и Северного) для грузинской политики.

Идеологические мероприятия заслуживают особого внимания, в частности, одно из них – президент Грузии М. Саакашвили с высокой трибуны Генассамблеи ООН 23 сентября 2010 года призвал народы Кавказа устанавливать прямые контакты между людьми и инициировал проекты в области энергетики, просвещения и культуры. В докладе речь шла о политико-экономическом взаимодействии, создании общего рынка, самодостаточности региона. Однако дальнейшей детализации данная инициатива не получила. Многие восприняли ее лишь как перепев основательно подзабытой концепции «общего кавказского дома» первого президента Грузии З. Гамсахурдиа. Эта концепция лишена перспективы реализации за отсутствием соответствующих ресурсов и политической конъюнктуры.

Еще активнее предпринимаются шаги **пропагандистского** характера. Так, с января 2011 года на базе Общественного вещания (государственный канал) начал вещать русскоязычный телеканал – Первый информационный кавказский (ПИК). Формальная задача телеканала, вещающего посредством спутника, состоит в нейтрализации антигрузинской пропаганды официальных российских СМИ и в предоставлении аудитории объективной информации о происходящих в Грузии и кавказском регионе событиях. Канал представляет Грузию в максимально благоприятном свете и, параллельно, выставляет Россию в максимально неблагоприятном. Пропаганда направлена за пределы Грузии, в первую очередь – на Северный Кавказ. Далее, в 2010 году, в сотрудничестве с одним американским аналитическим центром, в Тбилиси были проведены две международные научные конференции на тему: «Неизвестные народы. Непрекращающееся преступление: черкесы и кавказские народы между прошлым и будущим». Первая Тбилисская конференция приняла обращение к парламенту Грузии с призывом о признании геноцида черкесов; вторая – призвала к бойкоту Олимпийских игр в Сочи. В контексте многовекторной пропаганды можно также рассматривать и намерение воздвигнуть мемориал жертвам геноцида черкесского народа в новом строящемся курорте Анаклиа – в непосредственной близости от Абхазии.

Политические мероприятия. В рамках «кавказской политики» Тбилиси предпринял также ряд собственно политических шагов. В октябре 2010 года правительство Грузии приняло решение о предоставлении права безвизового въезда и пребывания на территории страны в течение 90 дней гражданам России, постоянно проживающим в северокавказских республиках. Вне зависимости от политической подоплеки данный шаг облегчил жизнь тем жителям Северного Кавказа, которые поддерживают постоянные контакты с Грузией.

Еще более резонансным стало принятое в мае 2011 г. в Тбилиси решение признать геноцид черкесов (адыгов). За данным шагом Грузии, ставшей первым суверенным государством, признавшим геноцид, можно усмотреть следующие намерения:

(а) укрепить собственные позиции на Кавказе в качестве радетеля за права и интересы северокавказских народов, а также приобрести поддержку черкесской диаспоры за рубежом;
(б) досадить России, нанеся удар в самую больную для нее точку – Северный Кавказ, где продолжают аккумулироваться трудноразрешимые проблемы;
(в) посеять семена недоверия во взаимоотношения между абхазами и жителями Северного Кавказа (черкесами – в частности), ибо морально-политическая поддержка последним пришла не от родственных им абхазов, а от грузин, против которых они воевали в ходе грузино-абхазской войны 1992-93 гг.

На данном этапе каждая из этих целей достигнута в большей или меньшей степени. Вместе с тем, в решении Тбилиси просматривается еще одна цель – оно рассчитано на возможные осложнения для России, включая частичный бойкот зимних Олимпийских игр в Сочи в 2014 году, когда отмечается 150-летие трагической для черкесов даты. Ведь олимпийские объекты расположены именно в тех местах, где истреблялись и откуда выселялись черкесы.

Последствия для Грузии

Из анализа работ данного сборника с очевидностью следует, что текущая ситуация должна стать предметом озабоченности грузинской политической и интеллектуальной элиты, а также общества в целом. Дальнейшее ухудшение ситуации на северной границе вовсе не отвечает интересам грузинского государства. В условиях сложности и непредсказуемости ситуации на Северном Кавказе грузинским властям следует продвигаться с большой осторожностью. После коллапса Советского Союза Россия уже не раз использовала северокавказский фактор против Грузии. В течение последних двух лет грузинские власти пытались отреагировать на российскую политику последних 20 лет практически теми же методами. Использование любой из сторон фактора Северного Кавказа в качестве инструмента препятствует реальному достижению мира и стабильности в этом регионе. В действительности некоторые эксперты считают, что политика грузинских властей в отношении Северного Кавказа таит в себе определенные опасности для самой Грузии.

Во-первых, в случае успешного продвижения «черкесского проекта» (от признания геноцида – через воссоединение – к независимости) появится еще один претендент на Абхазию в лице крепнущих адыгов. Включение в их проект родственных абхазов может произойти даже не вполне добровольно со стороны последних, а многочисленная черкесская диаспора с определенным политическим влиянием в разных странах может оказаться существенным фактором.

Во-вторых, неясно, чем и как будет отвечать Тбилиси на просьбу о признании геноцида со стороны других соискателей, живущих в непосредственной близости. Есть ведь, в конце концов, и практически идентичная проблема геноцида абхазов в Российский империи, хотя сами абхазы пока и не просили никого признать их геноцид.

В третьих, не исключены акты возмездия в разной форме со стороны России в среднесрочной перспективе. По всей видимости, до завершения зимней Олимпиады в Сочи Россия будет «терпеть» политическую активность Грузии и не пойдет ни на какие контрмеры, способные дестабилизировать ситуацию в регионе. Но после Олимпиады за спокойствие в регионе ручаться трудно.

В четвертых, если реализуется «желательный» для Тбилиси сценарий, при котором Кремль теряет контроль над Северным Кавказом, то Россия почти наверняка сможет предотвратить распространение дестабилизации на другие регионы Российской Федерации. Однако последствия для Грузии менее предсказуемы. Если радикальный ислам будет усиливаться, то это создаст проблемы не только для приверженцев традиционного ислама, но также и для христиан, живущих на южной периферии России. Прежде всего это относится к жителям Северной Осетии, но впоследствии конфликт может перекинуться и на Южную Осетию.

Наконец, Грузия может отвечать на вызовы со стороны Северного Кавказа и эффективно справляться с ними, только если она сама является сильной и развитой страной. Действительно, если Грузия сможет стать развитой и притягательной страной, то любой благоприятный сдвиг текущего баланса сил на Северном Кавказе мог бы, возможно, открыть перспективы решения проблем финансирования взаимно приемлемого компромисса с Россией, Абхазией и Южной Осетией.

Это ставит вопрос о потенциале, если таковой имеется, для сотрудничества Грузии и России по текущим проблемам Северного Кавказа. Многие эксперты полагают, что существуют многочисленные объективные причины, позволяющие рассматривать Северный Кавказ в качестве естественной области сотрудничества между Россией и Грузией. На эти вопросы можно будет ответить только в том случае, если будет осознана необходимость применения прагматического подхода и, главное, если все заинтересованные стороны будут обладать необходимой политической волей. Хотя работы в данном сборнике могут и не содержать всех ответов, они определенно дают пищу для размышлений, которые могут послужить отправной точкой поиска общей позиции в этом столь нестабильном регионе.

ЧАСТЬ 1

Взгляд из Абхазии

Северокавказский фактор в абхазо-грузинском вооруженном конфликте 1992-1993 гг.

НАТЕЛЛА АКАБА

Введение

Грузино-абхазская война 1992-93 гг. вполне может быть отнесена к т.н. «конфликтам нового времени» (по определению бывшего генсека ООН Б. Бутроса Гали). Имеется в виду то обстоятельство, что в такие вооруженные конфликты оказываются вовлечены не только армии воюющих сторон, но и гражданские лица. Этот конфликт по сути дела выплеснулся за пределы Южного Кавказа и приобрел региональный характер. В него оказались втянуты граждане не только Абхазии и Грузии, но и других стран – России, Украины, Турции, Сирии и др. И прежде всего речь идет о представителях родственных абхазам этносов - адыгов (адыгейцев, кабардинцев и черкесов), абазин, представителей абхазской и черкесской зарубежных диаспор. Более того, в Абхазии воевали представители почти всех проживающих на Северном Кавказе народов и казачества Юга России. В то же время на стороне Грузии в войне принимали участие граждане Украины – представители праворадикальной партии УНА–УНСО и, по неподтвержденным данным, граждане прибалтийских стран. Такой расклад сил представляется совсем не случайным: если для подавляющего большинства абхазов понятие «кавказское братство» было наполнено реальным содержанием, то Грузия определенно сделала выбор в пользу евро-атлантического вектора развития.

Относительно участия северокавказских добровольцев в грузино-абхазской войне 1992-93 гг. и той роли, которую они сыграли, существуют различные, а зачастую и совершенно противоположные точки зрения. Особенно много споров и противоречивых суждений приходится слышать по поводу того, что двигало теми, кто пришел в Абхазию из-за гор Кавказа. Мнение очевидцев и непосредственных участников событий с абхазской стороны однозначно: это было желание прийти на помощь малочисленному братскому народу, над которым нависла смертельная угроза. В то же время в грузинском обществе и экспертной среде существует убеждение, что это были наемники, воевавшие за вознаграждение. Ниже будет предпринята попытка исследования мотивации тех, кто пришел на помощь народу Абхазии.

Начало войны: роль общественных организаций и лидеров Северного Кавказа

В августе 1992 г. в первые дни после вторжения грузинских вооруженных формирований в Абхазию, повлекшего за собой массовые грабежи, убийства на этнической почве и репрессии сначала против абхазского, а затем и против всего негрузинского населения республики, у многих людей сложилось мнение, что исход войны в пользу Грузии предрешен. И в самом деле, значительно уступавшее грузинским силам и по численности и вооружению абхазское ополчение оказалось заперто на небольшой территории от р. Гумиста до с. Колхида. В осажденном г. Ткуарчал и части сел Очамчирского района развернулось партизанское движение. Невнятная и крайне противоречивая в тот период политика Москвы не давала негрузинскому населению особых оснований для оптимизма, и казалось (кстати, вполне обоснованно), что правители всего мира поддерживают Э. Шеварднадзе. Однако среди руководства и активистов абхазского национального движения и поддерживавших их лидеров армянской, славянской и греческой общин жила надежда, что братские народы Северного Кавказа не дадут поставить на колени Абхазию. И эта надежда имела под собой вполне реальные основания.

С началом политики *перестройки* и демократизации у абхазов появилась возможность вновь «открыть» для себя этнически и культурно близких им адыгов и других народов, живущих на Северном Кавказе. Конечно, нельзя сказать, что в «эпоху застоя» абхазо-адыгских контактов не было вообще, однако, судя по всему, и Москва, и Тбилиси старались не поощрять чрезмерного сближения, учитывая то обстоятельство, что абхазы и без того время от времени создавали Центру «проблемы»[12].

Взаимные визиты абхазов и адыгов, фестивали искусств, молодежные акции – все это имело огромное политическое и морально-психологическое воздействие как на абхазский народ, так и на народы Северного Кавказа. Заново узнавая друг друга, эти народы все больше осознавали, сколь многое их связывает – происхождение, исторические судьбы, культура – и размышляли над тем, что такое кавказская идентичность. Инициаторами взаимного сближения были национальные движения: в Абхазии - Народный фронт «Айдгылара», в республиках Северного Кавказа - Международная Черкесская Ассоциация, Конгресс кабардинского народа, *Адыгэ Хасэ* и др. При активном участии этих и других общественных организаций в августе 1989 г. в Сухуме была создана Ассамблея горских народов Кавказа, объявившая себя исторической преемницей Республики Северного Кавказа[13]. Надо напомнить, что это произошло вскоре после трагических июльских событий 1989 г. в Абхазии – первых грузино-абхазских столкновений, в результате которых пролилась первая кровь. Именно тогда стало очевидно, что дальнейшая эскалация насилия в Абхазии является вполне вероятным сценарием, и это логически подталкивало абхазов к поиску союзников. Уже 1-2 ноября 1991 г. в Сухуме на Третьем съезде горских народов Кавказа была провозглашена Конфедерация горских народов Кавказа (КГНК). В работе съезда приняли участие 211 представителей абхазского, абазинского, аварского, агинского, ауховско-чеченского, адыгейского, балкарского, даргинского, кабардинского, карачаевского, лакского, северо-осетинского, черкесского, шапсугского и юго-осетинского народов. Субъектами КГНК были объявлены не республики, а народы – ее основатели. Штаб-квартирой КГНК был провозглашен г. Сухум, а ее лидерами были избраны кабардинец Мусса (Юрий) Шанибов и чеченец Юсуп Сосламбеков. Съезд принял обращение ко всем «народам и парламентам Кавказа с призывом – «поддержать идею Конфедеративного Союза народов Кавказа – Союза, который только и может стать основой межнационального согласия в регионе и конкретного решения социально-экономических задач»[14].

Если на первом этапе КГНК ставила перед собой задачи в основном национально-культурного характера, то позже стали преобладать политические требования - повышение политического статуса входящих в объединение этносов, возрождение единой Горской республики в составе Российской конфедерации. Нестабильная обстановка на Северном Кавказе и вооруженные конфликты на Южном Кавказе подталкивали КГНК к созданию собственных вооруженных сил, которые, по выражению Ю. Шанибова, могли бы выполнять функцию наподобие «голубых касок» ООН и способствовать поддержанию мира и стабильности на Северном Кавказе.

Вполне объяснимо, что грузинская агрессия в немалой степени способствовала радикализации целей и лозунгов КГНК. В первые же дни грузино-абхазской войны председатель Верховного Совета Республики Абхазия Владислав Ардзинба обратился к руководителям и народам республик Северного Кавказа с просьбой об оказании незамедлительной помощи Абхазии. В воззвании к руководству и народам Кабардино-Балкарии отмечалось: «В

12 Речь идет о неоднократных массовых народных выступлениях, вспыхивавших в Абхазии в знак протеста против грузинской ассимиляционной политики.

13 В нее в 1918 г. вошли 7 «самостоятельных штатов» – Дагестан, Чечено-Ингушетия, Осетия, Карачаево-Балкария, Кабарда, Адыгея и Абхазия. Но просуществовала Республика недолго. Возникшая на ее месте в 1920 г. Горская автономная республика, простиравшаяся лишь от Кабарды до Чечни, также оказалась нежизнеспособной: в 1924 г. она была ликвидирована (Подробнее об этом у В. Березовского и В. Червякова, в «Конфедерация горских народов Кавказа», http://www.rau.su/observer/N03_92/3_06.HTM

14 Там же.

час смертельной опасности Президиум Верховного Совета Республики Абхазия просит Президента Кабардино-Балкарской Республики и братские народы Кабардино-Балкарии о помощи всеми имеющимися в его распоряжении средствами»[15].

Призыв Вл. Ардзинба не остался не услышанным. После проведения экстренных заседаний вечером 14 августа, кабардинские общественные организации *Адыгэ Хасэ*, «Конгресс кабардинского народа» (ККН) и другие приняли заявления и обращения, в которых осуждалась агрессия Грузии против народа Абхазии, и содержалось требование к Госсовету Грузии немедленно вывести войска из Абхазии. Было также принято обращение к руководству РФ с требованием принятия конкретных мер по урегулированию ситуации в Абхазии. А Международная Черкесская Ассоциация (МЧА) в своем обращении к адыгскому и абазинскому народам и к казачеству Юга России заявила следующее: «Мы не оставим в беде Абхазию! Международная Черкесская Ассоциация объявляет срочный призыв добровольцев для защиты братского абхазского народа». 17 августа 1992 г. в Грозном прошла сессия парламента КГНК, на которой был выдвинут политический лозунг: «Руки прочь от Абхазии!». Многолюдные митинги с аналогичными требованиями проходили в Кабардино-Балкарии, Дагестане, Адыгее.

Таким образом, вступая в войну с Грузией, Абхазия получила серьезного союзника в лице КГНК. Как справедливо указывает А. Крылов, «действия грузинского руководства были в глазах населения бывшего СССР настолько вопиюще несправедливыми, что это привело к приезду в Абхазию большого количества добровольцев, воевавших на стороне абхазов против грузинской армии (осетины, приднестровцы, русские, чеченцы и др.). Добровольцы воевали в составе интернациональных отрядов, однако казаки с юга России воевали в составе собственных воинских подразделений»[16]. Среди тех, кто первым откликнулся на призыв, был и талантливый 25-летний московский поэт, выпускник абхазской переводческой группы Литературного института Александр Бардодым, воевавший в группе Шамиля Басаева. Сейчас кому-то это может показаться удивительным, но в Абхазии в составе добровольческих отрядов воевали представители самых разных народов, в основном прибывшие с Северного Кавказа и Юга России, как мусульмане, так и христиане. Чеченцы и казаки, кабардинцы и балкарцы, черкесы и карачаевцы, осетины и ингуши защищали Абхазию, и между ними не возникало никаких межэтнических или межконфессиональных конфликтов или трений.

Позиция различных политических сил в отношении Абхазии;

Учитывая то, что абхазские вооруженные силы, как и большая часть гражданского населения, были сосредоточены в Гудаутском районе, а со стороны Сухума, как и со стороны Гагры, они были фактически полностью окружены войсками Госсовета, пробиваться в Абхазию первым группам добровольцев было очень непросто. Среди них были кабардинцы (Ибрагим Яганов, Алексей Бекшоков и другие), чеченец Шамиль Басаев и многие другие. Лишь некоторые из добровольцев смогли прийти в Абхазию с оружием, большинство надеялись получить оружие на месте, в Абхазии. Поскольку грузинский десант к тому времени успел уже взять под контроль все трассы, единственным способом проникнуть в Абхазию было преодоление горных перевалов. Ссылаясь на мемуары генералов Г. Трошева и А. Куликова, российский исследователь О. Лукин сообщает, что группу чеченских добровольцев, направлявшихся в Абхазию, попытались задержать в районе Пятигорска российские милиционеры. В результате чеченцы захватили пассажиров рейсового автобуса, что позволило им прорваться в Абхазию под прикрытием этого «живого щита». При этом А. Куликов утверждает, что в горах российским спецназом была организована засада с целью освобождения заложников и разоружения боевиков, но «сверху» пришла команда: «Пропустить»[17].

15 Газ. Республика, Нальчик. 22.08.1992.
16 А. Крылов, Уроки грузино-абхазской войны. Роль Москвы и Тбилиси, Интернет журнал Новая политика, 17 мая 2005 г.
17 О. Лукин, Чеченский фактор в грузино-абхазской войне 1992-1993 г., http://voinenet.ru/voina/istoriya-voiny/844.html

Вопрос о том, почему Москва фактически позволила северокавказским добровольцам прийти на помощь абхазам, представляет значительный интерес. Для того чтобы ответить на него, необходимо вернуться к событиям, происходившим в тот период как в самой Москве, так и на Северном Кавказе. Затяжной конфликт президента Ельцина с Верховным Советом во главе с Р. Хасбулатовым привел к фактическому двоевластию в России и делал ситуацию в российской столице взрывоопасной. Кстати, позиция Ельцина в отношении ввода грузинских войск в Абхазию в корне противоречила позиции подавляющего большинства депутатов Верховного Совета РФ. Если первый всячески старался сохранить хорошие отношения с Шеварднадзе (пусть и за счет интересов Абхазии), в частности, ради вступления Грузии в СНГ, то Верховный Совет РФ неоднократно выступал с однозначным осуждением действий Грузии и требовал вывода грузинских войск. Сыграли свою роль и субъективные факторы, в частности, негативное отношение многих российских военных к бывшему главе советского МИДа Шеварднадзе, которого считали инициатором стремительного вывода российского воинского контингента из Германии.

Надо отметить, что у народов Северного Кавказа перестройка и гласность породили определенные надежды на этнокультурное возрождение, но в то же время, они же и способствовали проявлению радикалистских и сепаратистских движений (особенно ярко это проявилось в Чечне), что не могло не беспокоить Москву. Грузино-абхазский конфликт в определенной степени отвлекал внимание наиболее пассионарных сил северокавказских республик на происходящее в Абхазии. Тем не менее, война на Юге вызвала брожение и на всем Северном Кавказе – в этнически и конфессионально сложном регионе.

С особым возмущением действия Грузии и бездействие Москвы были восприняты родственными абхазам народами – черкесами, адыгами и абазинами. Вполне логично, что протесты против действий Грузии проецировались на далеко не всегда выверенную кавказскую политику Москвы, что вызывало на Северном Кавказе (и в первую очередь в Чечне) растущую тревогу в отношении возможных репрессивных действий Центра. Российское руководство, как и региональные лидеры, серьезно обеспокоенные развитием событий вокруг Абхазии, вполне резонно опасались разрастания грузино-абхазского вооруженного конфликта на территорию России. В конце августа 1992 г. вице – президент РФ А. Руцкой встретился с руководителями северокавказских республик и обсудил с ними происходящее. Тогда же в г. Армавире Краснодарского Края состоялось чрезвычайное совещание руководителей республик, краёв и областей Северного Кавказа, на котором обсуждалась ситуация на Северном Кавказе, сложившаяся в связи с военными действиями в Абхазии. На совещании была сформирована делегация для переговоров с Президентом РФ по урегулированию чрезвычайной ситуации на Северном Кавказе. Участники совещания приняли Обращение к Президенту РФ Б. Н. Ельцину и Председателю Верховного Совета РФ Р. И. Хасбулатову, в котором отмечалось, что «события в Абхазии могут распространиться на Северокавказский регион и вызвать гражданскую войну на Юге России». В обращении также говорится о необходимости незамедлительного политического решения военного конфликта в Абхазии, вывода войск с её территории. «Руководство России в решении этой гуманной проблемы должно взять на себя миротворческую миссию, использовать для этого весь свой международный авторитет»[18].

Однако последующие действия руководства РФ свидетельствуют о полном игнорировании мнения руководителей республик Северного Кавказа и депутатского большинства Верховного Совета РФ. Невзирая на грубое нарушение Грузией обязательств не использовать полученное оружие против мирного населения, продолжалась передача советских арсеналов Закавказского Военного Округа Госсовету Грузии[19]. В этой связи 21 сентября Председатель

18 Цитируется по Кушхабиев А.В. Кабардино-Балкария и грузино-абхазский вооруженный конфликт, Нальчик, 2006, № 3 стр.стр.344-370.

19 Такие обязательства Грузия, как и другие бывшие советские республики, взяла на себя в Ташкенте при распределении оружия бывшей Советской Армии.

Верховного Совета Республики Абхазия В. Ардзинба направил письмо президенту России Б. Ельцину, в котором говорилось: «Руководство Грузии, нарушая все статьи Московского соглашения, наращивает военную мощь. Буквально на днях Грузия вновь получила из арсеналов Российских Вооруженных Сил крупную партию вооружения. Есть серьезные основания считать, что угроза министра обороны Китовани перейти в ближайшие дни к решительным действиям вполне реальна. Грузия готовится к нанесению удара штурмовиками СУ-27, вооруженными бомбами и ракетами «воздух-земля» по Гудаутскому району, где компактно проживает абхазское население и сосредоточено значительное число беженцев, а также по Очамчирскому району и городу Ткварчалу. Экипажи самолетов, бомбы и ракеты уже доставлены в аэропорт Сухума. Подобные действия руководства Грузии повлекут за собой многочисленные жертвы среди мирного населения и сделают ситуацию неуправляемой. Обращаюсь к Вам с просьбой содействовать немедленному выводу войск Госсовета с территории Республики Абхазия»[20]. В ответ на это обращение Россия 22 сентября закончила передачу Грузии Ахалцихской мотострелковой дивизии.

О позиции российского руководства можно судить и по следующему факту: правительство РФ дало правовую оценку участию КГНК в грузино-абхазской войне. 25 августа Минюст России охарактеризовал действия Конфедерации как незаконные и грубо нарушающие Конституцию, а 27 августа Прокуратура России возбудила уголовное дело против КГНК по фактам разжигания межнациональной розни, совершения террористических актов и диверсий, а также захвата заложников. «В Тбилиси с удовлетворением восприняли заявление министра юстиции России Федорова о том, что Конфедерация горских народов Кавказа является юридически незаконной организацией и против нее будет возбуждено уголовное дело. В ответ на это несколько странным образом в прессе появилась информация о том, что Центральные структуры КГНК объявили о привлечении к уголовной ответственности Президента РФ Б. Ельцина и министра юстиции Николая Федорова за «разжигание межнациональной розни среди народов», которое буквально через пару дней было официально опровергнуто КГНК»[21].

Перед непростым выбором оказались в результате событий в Абхазии и лидеры Северокавказских республик. Понятно, что они никак не могли не считаться с общественным мнением и требованиями наиболее политизированных кругов своих обществ немедленно устремиться на помощь Абхазии. В то же время, проявляя инициативу по оказанию помощи Абхазии или же просто не препятствуя прибытию добровольцев из своих республик, они серьезно рисковали своей карьерой. С. Маркедонов, анализируя поведения президентов различных северокавказских республик, отмечает, что они вели себя по-разному. Так, президент Кабардино-Балкарии В. Коков занял очень осторожную позицию и не отреагировал на требование КГНК поддержать народ Абхазии в его борьбе с Грузией. Действия Генеральной прокуратуры РФ, приведшие к задержанию 23 сентября 1992 г. в Нальчике лидера КГНК Ю. Шанибова, спровоцировали в республике серьезный политический кризис – произошли столкновения активистов Конгресса Кабардинского Народа и КГНК с милицией. В сентябре 1992 г. со стороны ККН прозвучали лозунги о выходе Кабарды из состава России и о выводе с ее территории российских войск и частей спецназа. 27 сентября 1992 г. в столице Кабардино-Балкарии был введен режим чрезвычайного положения. Президент республики Валерий Коков решительно выступил против митингующих и обратился к российскому руководству с просьбой о введении в Нальчик российских внутренних войск. В октябре 1992 г. митинг был распущен.

В то же время президент Адыгеи Аслан Джаримов практически открыто поддержал Владислава Ардзинба и откликнулся на его призыв послать добровольцев в Абхазию. Чеченский лидер Джохар Дудаев, хотя и оказывал венную помощь, однако, осуждал абхазов

20 Подробнее об этом см. у Мяло К., Россия и последние войны XX века, www.patriotica.ru/actual/myalo_wars_.html
21 Цитируется по: В. Березовский и В. Червяков, Конфедерация горских народов Кавказа, http://www.rau.su/observer/N03_92/3_06.HTM

за про-российскую ориентацию. Остальные же лидеры республик – этнический карачаевец В. Хубиев (Карачаево-Черкессия), А. Галазов (Северная Осетия), никак не отреагировали на призыв, хотя некоторое число добровольцев из этих республик по собственной инициативе прибыли в Абхазию. С. Маркедонов характеризует такие разные реакции лидеров республик как ситуацию «многоцентрия, многодверности российских интересов, российской политики во время открытой фазы грузино-абхазского конфликта»[22].

Наиболее наглядно эти различия проявились в ходе Московской встречи 3 сентября 1992 г. За телерепортажем об этом событии внимательнейшим образом следили в Абхазии, а «Итоговый документ» широко обсуждался на контролируемых абхазской стороной территориях. Было очевидно, что на Владислава Ардзинба оказывалось беспрецедентное давление со стороны Бориса Ельцина и его окружения, занявших откровенно прогрузинскую позицию. Чувство протеста у членов абхазской делегации на Московской встрече, да и в абхазском обществе в целом, вызвали пункты документа, содержавшие требование расформировать и удалить из Абхазии, а также не допускать туда впредь «незаконные вооруженные формирования и группы» (Ст. 1).

Ясно, что речь шла о добровольческих отрядах. Кроме того, в Ст. 11 говорилось, что «органы власти и управления республик, краев и областей Северного Кавказа в составе Российской Федерации примут эффективные меры по пресечению и недопущению любых действий с их территории, расходящихся с положениями настоящего соглашения». Подписав такой документ, абхазская сторона поставила бы под удар тех, кто пришел на помощь народу Абхазии, что было абсолютно неприемлемо с точки зрения морали. Поэтому глава абхазской делегации Вл. Ардзинба заявил на встрече, что не согласен с данными пунктами: «Я запишу свое особое мнение, потому что я не могу с точки зрения ни нравственной, ни правовой осуждать людей, которые пришли в Абхазию жертвовать своей жизнью ради абхазского народа, ради всех народов Абхазии…Я запишу свое особое мнение, подписав документ, по поводу 11-й статьи»[23].

Значение добровольческого движения

В сегодняшней Абхазии высоко оценивают значение поддержки, оказанной народами Северного Кавказа и казачеством Юга России, в трудный для Абхазии час. Как выразился в ходе интервью абхазский эксперт философ Олег Дамениа, «без такой мощной поддержки со стороны северокавказских народов, со стороны представителей нашей диаспоры, я затрудняюсь однозначно оценить исход этой войны. Трудно мне говорить о том, что мы смогли бы противостоять такому натиску. Речь идет не только о нашей живой военной силе, которая была значительно подкреплена Северным Кавказом. Здесь и моральная и, особенно, я хотел бы подчеркнуть, политическая составляющая этой поддержки. Я имею в виду не только тех, которые приехали сюда, воевать на абхазской стороне, но также и все народы Северокавказского региона, которые безоговорочно поддержали Абхазию. Это был чрезвычайно важный фактор. Политическое руководство России, как бы оно не оценивало события, происходившие тогда на Кавказе, не учитывать политическое настроение Северокавказского региона не могло. Это политическое настроение создали те люди, которые приехали, чтобы стать рядом с нашими воинами»[24].

Столь же высоко оценивает эту помощь и абхазский историк Станислав Лакоба, отметивший, что, «когда все границы вокруг Абхазии были закрыты, и наши противники

22 С. Маркедонов, Интересы России в Абхазии и Грузии и пути их осуществления, в Аспекты грузино-абхазского конфликта, выпуск 12, Ирвайн, 2006г. стр. стр. 25 – 26.

23 Россия – Грузия. Итоговый документ Московской встречи 3 сентября 1992 г., http://russia.bestpravo.ru/fed1992/data02/tex12083.htm

24 Из интервью, взятого у О. Дамения в Сухуме в сентябре 2011 г.

говорили, что и птичка через них не пролетит, а Шеварднадзе заявлял, что Конфедерация горских народов Кавказа - это бумажная фикция, представители Северного Кавказа шли в Абхазию всеми мыслимыми и немыслимыми путями. Они встали рядом, воевали, гибли, становились героями нашей войны»[25]. Ст. Лакоба подчеркивает, что начиная с 1989 г., движение кавказских народов превратилось в серьезную политическую силу. Для абхазов, особенно в первые дни войны, это была огромная морально-психологическая поддержка. «Люди шли из всех республик Кавказа через перевалы пешком, причем это были истинные добровольцы, а не наемники, как это пытались представить. За все время войны количество добровольцев в нашей армии было не более 10%, но вклад, внесенный ими в нашу победу, невозможно переоценить. Это Султан Сосналиев, Мохаммед Килба, Гамзат Ханкаров, Юсуп Сосланбеков, Мусса Шанибов, да тот же Басаев и его группа. Все они сыграли очень большую роль, это всё люди, с которыми считались. Без этого северокавказского фактора, который грузины недооценили, я думаю, нам было бы очень сложно выстоять. А абхазы оказались правы, создавая Конфедерацию, и тот факт, что накануне начала войны Сухум был провозглашен столицей Конфедерации, тоже немаловажен»[26], отмечает Ст. Лакоба.

Заключение

Анализируя события, предшествовавшие войне – активизация контактов между абхазами, адыгами и другими народами Северного Кавказа, возродившееся в начале 90-х стремление к кавказскому единству, создание Конфедерации горских народов Кавказа (позже переименованной в Конфедерацию народов Кавказа) – мы получаем все больше аргументов в пользу того, что добровольцами двигала идея, а не корысть. Неслучайно многим участникам и свидетелям тех событий приходили на память времена Национально-освободительной войны в Испании 1936-1939 гг. Так, абхазский писатель Дж. Ахуба обратился с призывом к российской интеллигенции: «Вспомните подвиги…Хэмингуэя, Эренбурга и Кольцова, с пером и оружием боровшихся за свободу и независимость других народов, боровшихся с фашизмом в чужих странах!». Аналогию с испанскими событиями проводит и Анна Бройдо, в период войны работавшая в Абхазии в качестве военной журналистки. Она пишет: «… Добровольцы всегда особенно настойчиво подчеркивали бескорыстие своих действий, для них не существовало оскорбления тяжелее, чем «наемник» [27].

25 Из интервью, взятого у Ст. Лакоба в Сухуме в сентябре 2011 г.
26 Из интервью, взятого у Ст. Лакоба в Сухуме в сентябре 2011 г.
27 Бройдо А.И. Проявление этнопсихологических особенностей абхазов в ходе Отечественной войны народа Абхазии 1992-1993 гг. М. 2008, стр. 148.

Черкесский вопрос и Абхазия: исторические моменты и современные вызовы

АРДА ИНАЛ-ИПА

Преамбула

В последние два десятилетия, когда ситуация на российском Кавказе значительно обострилась, главным образом в связи с событиями в Чечне, актуальность проблем Северо-Западного Кавказа, региона, где проживает черкесский (адыгский) народ, серьезно повысилась. Сам черкесский вопрос известен в России со времен покорения Кавказа в XIX в. Несмотря на периоды затишья, порой довольно длительные, проблемы российского Западного Кавказа так и не были решены – до сих пор сохраняется разделенность черкесского народа между различными республиками и территориально-административными единицами, не решен вопрос создания единого литературного языка, не удалось организовать процесс возвращения на родину черкесских беженцев времен Кавказской войны и многое другое. Практически на всем протяжении своего существования черкесский вопрос был связан с Абхазией. Генетическое родство и тысячелетия проживания абхазо-адыгских народов в ближайшем соседстве являются важнейшими объективными факторами, определившими их тесное взаимодействие в различные исторические периоды. События недавнего прошлого – участие северокавказских отрядов на стороне абхазов в грузино-абхазской войне 1992–1993 гг. еще раз свидетельствовали о крепкой основе союзнических отношений. Однако сегодня, в мирное время, проявляются новые грани черкесского вопроса, касающиеся взаимоотношений абхазского и адыгского народов, в которых не так просто разобраться. Задачей данной статьи как раз и является попытка проанализировать данный аспект проблемы для того, чтобы обозначить и понять истоки тех вызовов, которые волнуют сегодня оба общества.

Одной из сложностей написания данной работы является то, что речь идет о самых «свежих» тенденциях, которые еще не успели отразиться в научных теориях и трудах исследователей. Можно сказать, что современные проблемы взаимоотношений абхазов и черкесов еще не кристаллизовались. Тем более актуальными становятся попытки разобраться в источниках недоразумений и противоречий для того, чтобы продумать меры, способствующие большему пониманию обществами друг друга и предупреждению формирования взаимных негативных установок.

Помимо будущего двусторонних отношений важность данной проблемы связана с актуальностью укрепления доверия между народами для поддержания стабильности на Кавказе, учитывая хрупкость переживаемого сегодня мирного периода, когда недавно отгремевшие грузино-абхазская и грузино-осетинские войны так и не завершились подписанием не только мирных договоров, но и соглашениями о не возобновлении военных действий.

Методология

Данная статья сфокусирована на Северо-Западном Кавказе, на материалах, связанных именно с черкесами (адыгами), абхазами и недавней историей их взаимоотношений в пределах Российской империи, СССР и в современных условиях. При всей важности влияния на ситуацию событий в Чечне и на всем Северо-Восточном Кавказе, в данной работе этот фактор не затрагивается, поскольку в силу своей сложности требует специального анализа. Рассматриваются исторические факты, относящиеся к событиям XIX и XX вв. с отражением их последствий и влияния на черкесско-абхазские отношения, а также на некоторые современные проблемы во взаимоотношениях между Россией, Грузией и Абхазией.

Моменты истории

В зависимости от складывающейся ситуации на Северном Кавказе в общественном дискурсе более или менее остро ставятся вопросы исторического прошлого, в частности, истории взаимоотношений кавказских народов с Россией. Несмотря на полтора века, прошедших после окончания Кавказской войны, продолжающееся негативное влияние событий тех лет на современную ситуацию достаточно очевидно. Более того, существует мнение, что современный черкесский вопрос является продолжением Кавказской войны. При этом известно, что не каждая война имеет такие долгосрочные последствия. Постараемся понять, какие особенности российской борьбы за Кавказ заставляют вновь и вновь возвращаться к этому драматическому периоду истории.

1. Сам характер ведения войны царской Россией создал прецедент, когда трудно отнестись к итогам войны, как к естественным результатам военного противостояния. Приведем описание одного из ее участников, генерал-лейтенанта Фадеева Р.А. : «…нам нужно было обратить восточный берег Черного моря в русскую землю и для того очистить от горцев все прибрежье... Надобно было истребить значительную часть… населения, чтобы заставить другую часть безусловно сложить оружие... Изгнание горцев и заселение западного Кавказа русскими – таков был план войны»[28]. А вот свидетельство еще одного участника событий – военного географа М. Венюкова: «…война шла с неумолимою, беспощадной суровостью. Мы продвигались вперед шаг за шагом, но бесповоротно и очищая от горцев, до последнего человека, всякую землю, на которую раз становилась нога солдата. Горские аулы были выжигаемы целыми сотнями… посевы вытравлялись конями или даже вытаптывались. Население аулов…немедленно было уводимо под конвоем… и отправляемо к берегам Черного моря и далее, в Турцию». Характер военных действий, которые Россия вела против народов Западного Кавказа, осуждался многими современниками, сегодня же потомками побежденных народов они воспринимаются как воплощение геноцида.

2. Другой фактор, объясняющий непреходящую актуальность для народов Западного Кавказа событий XIX в. – это то, что на пике сопротивления царской имперской политике была озвучена идея создания Черкесского государства. Этому способствовала позиция ряда европейских стран, в особенности Великобритании, соперничавших с Россией на Кавказе и во всем черноморском регионе. Вопросы государственности на другом уровне возникали в 1917, 1918, 1920, 1921 годах и позже – уже в составе российской Федерации (кстати сказать, в большинство этих проектов была включена и Абхазия). Однако проекты государства или союзной республики, объединявшей весь адыгский народ, не оказались долговечными[29].

3. Третий важный, на наш взгляд, фактор связан с тем, что многие современные российские ученые и общественные деятели не дали объективной оценки Кавказской войне. Сегодня некоторые российские историки и публичные деятели, в отличие от своих предшественников в XIX веке, оправдывают, или, по крайней мере, замалчивают крайне жестокие способы ведения войны на Западном Кавказе. Отрицание преступлений, совершенных царской Россией во времена Кавказской войны, фактически не дает возможности перевернуть трагическую страницу истории и оставляет эту конфликтогенную тему в современном общественном дискурсе, что негативным образом отражается на отношениях адыгов к российскому центру.

28 Фадеев Р.А.»Кавказская война», Москва, 2003 г.

29 Так, в ноябре 1917 года Союзом объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана было провозглашено государство Горская республика, однако, вскоре правительство Горской республики объявило о самороспуске (после взятия Дагестана войсками генерала Деникина). Затем уже в составе РСФСР в 1918 г. была провозглашена Северо-Кавказская Советская Республика, объединившая 7 штатов: Дагестан, Чечено-Ингушетию, Осетию, Карачаево-Балкарию, Кабарду, Адыгею и Абхазию. Просуществовала Республика всего полгода. В 1920 г. была учреждена Горская автономная республика, простиравшаяся лишь от Кабарды до Чечни, которая также оказалась нежизнеспособной: в 1924 г. она была ликвидирована.

4. Самым тяжелым наследием тех времен стала сформировавшаяся парадигма решения проблем на Северном Кавказе, построенная не на поиске компромисса или общих интересов, а на необходимости уничтожения или изгнания противника. К сожалению, иногда создается впечатление, что остаточные элементы этого подхода остаются актуальными и сегодня, продолжая оказывать свое негативное влияние на ситуацию.

Черкесский вопрос в современном контексте

Трудно отрицать тот факт, что после развала Советского Союза взаимоотношения Москвы с республиками Северного Кавказа стали одним из самых серьезных внутриполитических вызовов для российского государства. Известный политолог и дипломат В. Дегоев пишет: «Пора раскрыть большую тайну. С 1991 года идет процесс утраты Россией своего суверенитета на Северном Кавказе. Повседневные социально-бытийные реалии отучают местное население подчиняться федеральным законам, которые воспринимаются не в качестве державообразующего института, а как источник наживы для одних, убытка для других, озлобления для третьих»[30]. Другой известный российский эксперт по современному Кавказу Сергей Маркедонов так описывает черты современной российской политики на Кавказе: «Целые республики были отданы на откуп внешне лояльным кланам, от которых требовалось только обеспечение «правильных» результатов голосования на выборах. Таким образом, вместо укрепления страны, она была фундаментально ослаблена»[31].

Как уже было сказано, огромную роль в генезе черкесской проблемы играет осмысление событий исторического прошлого. Поэтому особое значение приобретает оценка Кавказской войны и отражение этой оценки в реализуемой сегодня политике России на Кавказе. Здесь следует отдельно отметить особую позицию Б.Н.Ельцина. Напомним, что в день 130-летия окончания Кавказской войны, 21 мая 1994 г. Б.Н.Ельцин обратился к кавказским народам. В тексте обращения в частности, говорится: «В настоящее время, когда Россия строит правовое государство и признает приоритет общечеловеческих ценностей, появляется возможность объективной трактовки событий Кавказской войны как мужественной борьбы народов Кавказа не только за выживание на своей родной земле, но и за сохранение самобытной культуры, лучших черт национального характера. Проблемы, доставшиеся нам в наследство от Кавказской войны, и, в частности, возвращение потомков кавказских переселенцев на историческую родину, должны решаться на международном уровне путем переговоров с участием всех заинтересованных сторон»[32]. Следует с сожалением отметить, что озвученный Б.Н.Ельциным подход к чувствительным вопросам исторического прошлого и к современной политике на Кавказе, фактически не имел продолжения. На наш взгляд, был упущен шанс построить взаимоотношения центра с кавказскими народами на новой, более крепкой основе.

Важным фактором современных политических процессов на Северо-Западном Кавказе является актуализация идеи возрождения или создания в новых условиях единой черкесской нации, что является следствием таких глобальных процессов, как развал Советского Союза и появление новых государств, а также не всегда конструктивной национальной политики современной России. Обсуждаются различные формы реализации этой задачи – от воссоединения народа на исторической родине в рамках единого субъекта РФ до создания дисперсной, но объединенной духовно и политически, нации. Озвучиваются и другие более смелые проекты[33].

30 Дегоев В. 'Кавказский вопрос и будущее России' http://www.regnum.ru/news/1463877.html
31 Маркедонов С. Кавказская проекция властной рокировки в России. http://polit.ru/article/2011/09/30/Caucas
32 Обращение к народам Кавказа Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина в связи с 130-летием окончания Кавказской войны. Москва, 18 мая 1994 г. (ИТАР-ТАСС).
33 Кешев Р. 'Абхазо-черкесские отношения'. Интервью. 10.12.2010.

Данные чрезвычайно важные в политическом отношении процессы на Северо-Западном Кавказе должны были бы вызвать серьезный интерес со стороны властей различного уровня. Для разумного реагирования необходимо было бы изучать динамику общественных настроений. Однако в действительности все обстоит совершенно иначе. Игнорирование столичными и региональными чиновниками анализа и рекомендаций экспертов по современному Северному Кавказу, их оторванность от реальных процессов, происходящих на местах, приводит к тому, что до сих пор в политике на Северном Кавказе используются устаревшие неэффективные схемы. В таких условиях фактически создаются предпосылки для того, чтобы Северный Кавказ становился доступным объектом политики других государств, которые не всегда заинтересованы в укреплении связей северокавказских республик с центром. Это некоторые арабские страны, Грузия, отчасти Турция, а также страны Запада.

Политика Грузии в отношении Северного Кавказа

Если до 2008 г. трудно было говорить о существовании систематической продуманной грузинской политики в северокавказском направлении, то после войны в Южной Осетии Северный Кавказ стал одним из важных внешнеполитических векторов грузинского государства. Со времен обострения грузино-абхазского конфликта в конце 80-х годов прошлого столетия отношения северокавказских народов к Грузии были достаточно холодными. Грузино-абхазская война только усугубила взаимную враждебность. Однако после ряда шагов по отношению к беженцам из Чечни со стороны грузинского правительства было положено начало улучшению отношений Грузии с восточными северокавказскими республиками. Затем основным объектом грузинской политики на Северном Кавказе становятся адыги, и сегодня уже можно сказать, что негативное отношение черкесов к Грузии, заложенное во времена грузино-абхазской войны, начинает перерождаться, приобретая в отдельных случаях характер партнерства в важных вопросах осмысления и оценки политических последствий Кавказской войны, а также в поисках приемлемой конфигурации политического будущего Кавказа.

В целом можно сказать, что Грузия демонстрирует завидную изобретательность в своей внешнеполитической деятельности в северокавказском направлении. Достаточно назвать такие решения, как установление в одностороннем порядке избирательного безвизового режима для жителей северокавказских республик, учреждение льгот и квот для жителей Северного Кавказа при получении образования или медицинской помощи в Грузии, открытие специального телеканала ПИК, вещающего для северокавказских народов, признание Парламентом Грузии геноцида черкесов, осуществленного в период Кавказской войны в XIX в., открытие Центра черкесской культуры, объявление конкурса на лучший мемориал черкесским изгнанниками т.п.

Однако, понятно, что за всеми мерами, направленными на улучшение взаимоотношений с северокавказскими народами, стоят недружественные по отношению к России цели – ослабить влияние Москвы на Северном Кавказе, т.е. практически каждый шаг, улучшающий взаимоотношения Грузии с народами Северного Кавказа осуществляется за счет ухудшения отношений этих народов со своим центром. Очевидно, что основой подобного подхода является вовсе не забота о благополучии адыгов. К сожалению, поддержка определенными кругами на Западе подобной политики Грузии только расшатывает ситуацию на Северном Кавказе и провоцирует Россию на жесткие меры, которые, в свою очередь укрепляют на Кавказе позиции радикальных сил, являющихся оппонентами не только России, но и Европы, всего демократического мира. Таким образом, политику Грузии на Северном Кавказе вряд ли можно назвать дальновидной и конструктивной. За краткосрочными успехами ее авторы не видят очевидных угроз. Грузия должна будет нести свою долю ответственности за укрепление на Северном

Кавказе экстремистских сил и за предсказуемую жесткую реакцию Москвы на усиление антироссийских настроений. Вряд ли в долгосрочном плане подобная перспектива соответствует интересам северокавказских народов.

Понятно, что активизация грузинской политики в черкесском направлении вносит свой негативный вклад в абхазо-черкесские отношения. В первую очередь это происходит потому, что действия Грузии, демонстрирующие учет современных нужд черкесов, уважение и признание их исторических травм, неизменно ведут к улучшению черкесско-грузинских взаимоотношений. Абхазами это воспринимается очень болезненно, поскольку в условиях, когда грузино-абхазский конфликт не разрешен, улучшение отношений северокавказских республик с Грузией с абхазской точки зрения свидетельствует об ослаблении черкесо-абхазского братства, скрепленного в совместной борьбе с грузинами. С другой стороны, абхазы, в значительной степени находящиеся в зависимости от России, не поддерживают инициированные американскими и грузинскими политическими центрами дискуссии, имеющие антироссийскую направленность, например, о геноциде черкесов во время Кавказской войны, о недопустимости проведения Олимпиады в Сочи и др., что, в свою очередь, вызывает непонимание в части черкесского общества. Здесь следует отметить, что подобная позиция Абхазии вовсе не означает некритического отношения к драматическим моментам прошлого и настоящего Кавказа. Напротив, в абхазском общественно-политическом дискурсе довольно часто звучат критические оценки российской кавказской политики. Однако в Абхазии четко отделяют политику царского самодержавия от современности, а также ошибки и упущения российской политики, проводимой сегодня на Северо-Западном Кавказе от позитивных шагов. Понимая и разделяя все проблемы и озабоченности адыгского народа, абхазы всегда будут ценить такой шаг со стороны Российской Федерации, как признание в 2008 году независимости абхазского государства. Это решение было принято Россией, несмотря на очевидность серьезных последствий в отношениях со странами Запада, не говоря уже о Грузии. Однако не только высокая оценка признания и благодарность за мощную экономическую и финансовую помощь со стороны России не позволяют Абхазии включаться в антироссийские информационные кампании. Прежде всего, дело в том, что в Абхазии хорошо понимают, что добиваться исторической справедливости необходимо не за счет ухудшения отношений северокавказских республик с Москвой, а в трудном поиске взаимопонимания и компромисса, не подвергая рискам уязвимую стабильность на Северном Кавказе.

Появление трудных вопросов в черкесско-абхазских взаимоотношениях

Абхазия на основе усилившихся после признания ее независимости союзнических отношений с Россией, могла бы сыграть заметную роль в снятии острых моментов во взаимоотношениях северо-кавказских республик с Москвой. Однако, пока в Абхазии обдумывали, как реализовать имеющиеся ресурсы позитивного влияния, неожиданно стали появляться первые признаки, свидетельствующие о появлении непростых вопросов уже в абхазо-черкесских взаимоотношениях.

Первые тревожные сигналы

Тревожные сигналы стали появляться после принятого МОК решения о проведении Зимних Олимпийских Игр в Сочи. Абхазы фактически поддержали эту идею, тогда как в среде черкесов, в особенности в черкесской диаспоре, стал подниматься вопрос о неприемлемости проведения Игр на территории самых отчаянных боев между царскими войсками и черкесскими отрядами. Абхазы не присоединились к протестам некоторых зарубежных

черкесских организаций[34]. Напротив, высказывались мнения, что нужно воспользоваться появившейся возможностью привлечь внимание к вопросу об историческом прошлом и к современным проблемам народов, населявших до Кавказской войны землю, на которой планируется проведение Олимпийских Игр. Однако подобный взгляд противоречил настрою наиболее радикальных участников движения против сочинской Олимпиады. Стали вбрасываться новые конфликтогенные темы, уже относящиеся не к черкесско-российским отношениям, а к взаимоотношениям между самими кавказскими народами. Так, неожиданно встали вопросы черкесской и абхазской идентичности[35], проблемы интерпретации некоторых исторических фактов, споры о территориальной принадлежности тех или иных областей и многое другое. Те вопросы, которые должны оставаться исключительно в рамках академических изысканий, стали объектом хорошо управляемых провокаторами и не всегда корректных споров в интернет-пространстве. Дилетантские попытки провести «историческое расследование» спорных вопросов приводят только к усугублению противоречий, обидам, переносу разногласий по поводу исторического прошлого на реалии сегодняшнего дня.

Вопрос абхазского гражданства

Один из остро дискутируемых преимущественно в среде черкесской диаспоры, а также на исторических интернет-сайтах, в социальных сетях и в периодической печати вопросов связан с абхазским законом о гражданстве. Согласно этому закону, помимо постоянно проживающих в Абхазии жителей, гражданами Республики Абхазии по рождению могут быть только абхазы, абазины и (с недавнего времени) убыхи. Многие черкесы, общая численность которых по некоторым оценкам может доходить до 7 или даже до 10 млн. человек, почувствовали себя оскорбленными, поскольку получается, что абхазское государство (единственное государство на абхазо-адыгском пространстве) из всех родственных народов отказывает в праве на получение гражданства только черкесам, 2,5 тысячи которых на полях брани защищали молодое абхазское государство, а сотни сложили головы за свободу Абхазии.

Вопрос о геноциде по отношению к черкесским народам во время кавказской войны

Суть разногласий, касающихся вопроса о признании геноцида по отношению к черкесскому народу сводится к следующему. В Постановлении Парламента Республики Абхазии от 15 ноября 1997 г. об акте депортации, осуществленном в результате кавказской войны говорится лишь об абхазах-абаза и до сего дня не рассмотрен вопрос о признании геноцида по отношению к адыгскому народу. С другой стороны, абхазская общественность негативно отреагировала на воодушевленное приветствие частью черкесской общественности Резолюции Парламента Грузии о признании геноцида черкесов Российской империей во время Кавказской войны, принятой 20 мая 2011 г.

Нам представляется, что перечисленные выше конфликтогенные вопросы возникли не по простому стечению обстоятельств, а на основе серьезных противоречий в представлениях абхазов и черкесов о своем национальном проекте, а также противоречий в таких базовых

34 Антироссийские настроения ряда зарубежных кавказских, и в том числе, черкесских организаций во многом сформировались в связи с событиями в Чечне в 90-е гг. 20 в.. Сначала эти организации оказывали помощь тысячам чеченских беженцев, спасавшихся в Турции и других странах Ближнего Востока, а также обращались в международные организации с критикой жестоких методов ведения войны в Чечне. В последующем, эти организации привлекли особое внимание грузинских служб, которые стараются использовать этот ресурс в своей антироссийской политике и в решении проблем с Абхазией.

35 Есть некоторое несовпадение между существующими этнонимами горских народов Северного Кавказа и их иноназванием (иноэтнонимом). Так, часто этноним «черкес» литературных источников мог означать не только представителя адыгского народа, но и убыха, и абхаза, а порой и представителей других горских народов. При этом в русском языке этноним «черкес» преимущественно охватывает собой именно адыгские народности – кабардинцев, адыгейцев – натухайцев, бжедугов, шапсугов и др. Именно такое понимание распространено и в Абхазии, поэтому выражение «история черкесов» понимается абхазами как адыгская история, а «черкесское государство», как адыгское. Другими словами, ни на одном уровне идентичности абхаз не воспринимает себя как черкеса, этот термин в абхазском сознании является общим иноназванием именно адыгских народностей. В адыгских же источниках ситуация совершенно иная.

понятиях, как идентичность. Без понимания причин несовпадений относительно этих категорий невозможно понять, а, соответственно, и преодолеть возникшие недоразумения и обиды. Постараемся коротко коснуться этих вопросов.

Несовпадения в национальных проектах абхазов и адыгов

С одной стороны, активизация абхазского национально-освободительного движения в конце XX в. была воспринята северокавказскими народами как проявление импульса к строительству северо-западного кавказского государства. С другой стороны, последующие события и, в частности, обострение абхазо-черкесских отношений в последний год, свидетельствует о том, что абхазы и черкесы годами и десятилетиями вынашивали существенно различающиеся национальные проекты. Так, абхазы не сомневались в том, что их борьба посвящена отстаиванию своего права на независимое абхазское государство, тогда как многие черкесы видели в независимой Абхазии не столько пример, сколько основу для создания общего черкесского государства. Именно подобный взгляд лежит в основе представлений о том, что абхазы также должны стать участниками строительства общечеркесского государства. Оказалось, что абхазы, представляющие родственный черкесам народ, рассматривались многими как часть рождавшейся черкесской (политической) нации[36]. Более того, во взглядах некоторых черкесских лидеров стали формулироваться новые, совершенно непонятные и неприемлемые для абхазов идеи о западнокавказской общности, в которую помимо черкесов и абхазов включается также и Грузия как наиболее близкая абхазо-адыгам в цивилизационном отношении страна[37]. На фоне того, что Грузия продолжает предъявлять свои права на Абхазию, подобные тенденции в Абхазии воспринимаются как серьезная угроза.

Вопрос идентичности

Здесь следует остановиться на неясности некоторых моментов восприятия и определения абхазской и черкесской идентичности. В Абхазии всегда знали, что в родственную группу народов абхазо-адыгской этнической общности входят адыги (адыгейцы, черкесы и кабардинцы), убыхи и абхазы – народы с самостоятельными языками, которые не могли бы сформироваться без длительного раздельного исторического развития. Однако многие современные черкесы думают совершенно иначе. В подавляющем большинстве черкесских публикаций убыхов без колебаний относят к черкесам, а в ряде других – и абхазов с абазинами тоже. Одним словом, этноним «черкес» используется как общий и для черкесов, и для убыхов, и для абазин с абхазами. Однако, при том, что абхазы очень высоко ценят родство с черкесами, для них их абхазская идентичность, основанная и на самостоятельном языке, и на собственном историческом пути, никогда не растворялась в иной, в том числе, черкесской идентичности. Такое различное понимание этих важнейших как для личности, так и для этноса понятий не могло не привести к недоразумениям, непониманию и даже к обидам.

Существуют ли ресурсы для позитивных изменений?

Несмотря на неожиданные осложнения, которые нельзя недооценивать, на наш взгляд, у Абхазии все еще есть потенциал для позитивного влияния на ситуацию с целью преодоления противоречий и восстановления доверительных отношений между черкесским Северным Кавказом и Абхазией. Для того чтобы остановить деструктивные процессы во взаимоотношениях, на наш взгляд, необходимо в первую очередь не замалчивать, а, напротив, озвучивать возникающие вопросы, осмыслять их, вести углубленное обсуждение проблем и на уровне академических научных институтов, и на уровне гражданского общества. Нам представляется, что уместны были бы различные образовательные

36 Андзор Кабард. 'Черкесская хроника - оптимистическая трагедия'. Адыгэ хэку. 2011. http://bit.ly/IrhDye
37 Руслан Кешев. 'Абхазо-черкесские отношения: «братство навек» или «развод в коммунальной квартире»'? 2010.

инициативы с участием молодежи по изучению исторического прошлого времен Кавказской войны, советского периода и грузино-абхазской войны. Позитивный эффект могли бы иметь научные и практические конференции. В сложившейся ситуации можно было бы вести эффективную просветительскую работу на уровне гражданского общества, учитывая большую лабильность гражданских организаций и возможность ведения сетевой работы.

Абхазия, на наш взгляд, может внести определенный вклад и в установление большего взаимопонимания между черкесским обществом и российским центром. Принципиально важным нам представляется организация откровенного диалога между обществом и властью на разных уровнях, в котором могли бы принимать участие и представители Абхазии. Подобный процесс мог бы развиваться в русле общей демократизации политической жизни в республиках Северного Кавказа. Для этого необходимо было бы укрепление институтов гражданского общества и развитие форм гражданского участия, и здесь также можно было бы использовать абхазский опыт. Очевидно, что укрепление реальной демократии постепенно способствовало бы замене действующих сегодня малоэффективных способов авторитарного управления на российском Кавказе. Активизация гражданского общества и развитие диалога гражданского общества с властью способствовали бы стабилизации политической ситуации, что является общим интересом и для России, и для Абхазии. Укрепление доверия северокавказских республик к центру также является общим интересом. Для Абхазии это важно, поскольку в этом случае усиление связей северокавказских республик с Абхазией не будет восприниматься с опаской и недоверием со стороны Москвы. Дело в том, что на сегодняшний день паттерн современной Абхазии в политическом отношении вызывает у Москвы амбивалентное отношение. С одной стороны, упорное следование абхазской элиты курсом на «слишком большую» самостоятельность создает, с российской точки зрения, тревожный пример для северокавказских республик. С другой – высокая степень лояльности по отношению к России не только со стороны абхазских властей, но и абхазского общества могут быть серьезным ресурсом для стабилизирующего влияния на ситуацию на Северном Кавказе.

Очевидно, что расклад сил на Северо-Западном Кавказе, сложившийся в результате грузино-абхазской войны не может быть законсервирован навечно. Несмотря на понятные эмоции, в Абхазии должно быть понимание того, что у северокавказских народов есть свои интересы, которые не всегда идентичны абхазским. Невозможно раз и навсегда обеспечить преданность друзей только тем, что у тебя есть серьезные проблемы. Необходимы встречные шаги, продуманная политика Абхазии в отношении народов Северного Кавказа, которые, несмотря ни на что, пришли на помощь в самый грозный час. Нужно думать и о приемлемой для обеих сторон формуле получения абхазского гражданства, и о признании тяжелейших последствий Кавказской войны не только для абхазов-абаза, но и для других северокавказских народов и многое другое. С другой стороны, верно также и то, что имея полное право развивать отношения с Грузией, черкесские организации могли бы, к примеру, более активно способствовать подписанию грузинскими властями соглашения с Абхазией о невозобновлении военных действий. Возможно, на данном историческом этапе черкесы могли бы сыграть значительную миротворческую роль на Кавказе.

Заключение

В политике, проводимой различными игроками на Северном Кавказе, к сожалению, во многом господствуют тени прошлого, в частности, продолжают действовать устаревшие схемы в понимании собственных интересов, которые базируется на реалиях XIX в. времен Кавказской и Крымской войн. Сегодняшнее соперничество России и Запада на Северном Кавказе деструктивно влияет на ситуацию в регионе. Вместо того, чтобы извлечь уроки из истории, когда попытки Запада ослабить влияние России в регионе способствовали только усугублению ситуации, Грузия взяла эстафету подобного подхода, поддерживая элементы антироссийских настроений на Северном Кавказе. В настоящее время реализуется

довольно опасный вариант развития событий, результатом которого может стать серьезная дестабилизация ситуации во всем регионе. С одной стороны, оппонентами российского государства используется фактор Олимпиады для обновления исторической травмы, нивелирования тех позитивных шагов, которые все же были сделаны новой Россией. С другой стороны сама Россия игнорирует появляющиеся шансы для исправления ошибок и упущений прошлого. Замалчивание или игнорирование новых тенденций в политическом и общественном дискурсах на Северном Кавказе фактически означает отказ от открытого анализа и осмысления этих процессов, что крайне ограничивает спектр встречных адекватных действий со стороны центра, ориентированных на снижение напряженности и укрепление государственных институтов.

Фактически сегодня идет своеобразная война за цивилизационный выбор на Северном Кавказе. И есть серьезные основания для того, чтобы в этом процессе Россия и Запад могли быть союзниками, исходя из их актуальных интересов по обеспечению стабильности в регионе. К сожалению, в этих условиях Грузия играет на Северном Кавказе неконструктивную роль, способствуя углублению противоречий между северокавказскими народами и российским центром, усугубляя взаимное недоверие со всеми вытекающими последствиями.Ответственность за негативные тенденции несет и сама Россия, сделавшая ставку не на понимание и учет развивающихся интересов народов Северного Кавказа, а на абсолютно некреативные авторитарные способы проведения своей кавказской политики, что часто делает ее неконкурентоспособной в контексте новаторских методов привлечения населения, которые использует грузинское руководство.

Таким образом, можно сказать, что в последние годы, в особенности, после августа 2008 г. наблюдается новый виток геополитической борьбы за влияние на Кавказе. В этих сложных условиях абхазо-черкесские отношения претерпевают определенные испытания на прочность. Чтобы не становиться заложником большой геополитической игры, абхазский и черкесский народы должны понимать, что ответственность за сохранение этих отношений в первую очередь несут сами народы. Предпринимая тот или иной политический шаг, оценивая ту или иную идущую извне инициативу, необходимо исключать те действия, которые в краткосрочной или долгосрочной перспективе могут способствовать разбалансировке сил и дестабилизации на всем Кавказе, что противоречит интересам всех живущих на Кавказе народов.

Тема Северного Кавказа в современной политике Грузии

СПАРТАК ЖИДКОВ

Геополитическая значимость Северного Кавказа для Грузии

Если рассматривать Северный Кавказ – точнее, территорию, на которой компактно проживают представители северокавказских народов – в геополитической плоскости, то нет сомнений, что этот регион для Грузии представляет интерес с двух точек зрения. С одной стороны, отдельные части Северного Кавказа составляют единый этнический комплекс с двумя странами, которые были и, вероятнее всего, останутся объектами притязаний Грузии – Абхазией и Южной Осетией. С другой стороны, он образует естественный барьер между Грузией и основной (т.е. заселенной этническими русскими) территорией Российской Федерации – державы, которая, по мнению большинства грузинских политиков, представляет наибольшую опасность для Грузии.

Как бы ни относились грузины к народам, населяющим Северный Кавказ – а это отношение определяется многими нюансами, – очевидно, что именно геополитические факторы имеют определяющее значение для грузинского руководства. Проще говоря, в Тбилиси всегда думают, с одной стороны, о том, какими последствиями чреват конфликт с Северным Кавказом, а с другой – какие выгоды можно приобрести от союза с ним.

Если считать, что кавказские народы составляют единый ‘суперэтнос’[38], то союз между грузинами и северокавказскими нациями вполне естественен[39]. На протяжении последних двух десятилетий грузинские политики очень заботились о том, чтобы либо сделать Северный Кавказ своим союзником в борьбе с Москвой, либо нейтрализовать его «деструктивное» влияние в абхазском и югоосетинском вопросах. Это удавалось не всегда, но каждый из трех грузинских президентов пытался решать эту задачу по-своему. Наиболее прямолинейно действовал Звиад Гамсахурдия, который еще до своего прихода к власти выдвинул проект «Кавказского дома». В основе его лежала простая и ясная идея объединения Кавказа, желательно вокруг Грузии, которая в борьбе за выход из СССР стремилась не остаться в одиночестве и заручиться поддержкой соседей. Для того, чтобы Северный Кавказ превратился в реальный «буфер», отгораживающий весьма уязвимую с военной и политической (вследствие национальной пестроты) Грузию, следовало как можно чаще напоминать кавказским народам, которые, за малыми исключениями, в своей массе пострадали от Кавказской войны, о трагических подробностях этой войны и ее последствиях.

Однако на практике союзниками Грузии в начале 1990-х гг. сделались только Азербайджан и Чечня. Выяснилось, что антироссийские настроения на Северном Кавказе хотя и существуют, но как минимум сравнимы с антигрузинскими. Поэтому, когда Грузия В 1991 г. попыталась силовым путем решить осетинский вопрос, общественные деятели Северного Кавказа от реминисценций, касающихся деятельности генералов Ермолова и Барятинского, перешли к воспоминаниям о более близких временах сталинских депортаций и грузинских аннексий[40].

38 При сопоставлении, например, со славянскими или тюркскими народами.

39 Однако он осложняется многими противоречиями, в числе которых – территориальные конфликты, восходящие к средневековью. В XIX веке они получили дальнейшее развитие в связи с тем, что грузины поддерживали русское правительство в период Кавказской войны, а в XX столетии, при Сталине, имело место выселение ряда народов Северного Кавказа, причем территории Карачая, Балкарии и южной Чечни, с которых было депортировано коренное население, Сталин присоединил к Грузинской ССР.

40 Хотя присоединение к Грузинской ССР территорий Карачая, Балкарии и южной Чечни после выселения местных жителей затрагивало не все кавказские народы, оно было весьма показательно.

Надо учесть, что в описываемое время на Северном Кавказе были гораздо более популярны идеи воссоздания Горской республики (или Республики Союза горцев Кавказа), провозглашенной в этом регионе в 1918 – 1919 гг. Хотя это государственное образование и было весьма эфемерным, но сам проект казался северокавказцам гораздо более привлекательным, нежели утопический проект Кавказского дома. В начале 1990-х гг. радикальные кавказские политики не исключали и самопроизвольного распада России. Мало кто на Северном Кавказе призывал к вооруженной борьбе с Москвой, но ориентировались сторонники возрождения Горской республики то на Турцию, то на исламские страны. Во всяком случае, были очевидны две вещи: во-первых, Горская республика должна была стать федеративным образованием (этот проект лишь частично воплотился в Конфедерации народов Кавказа, являвшейся активной политической силой в 1991 – 1994 гг.); во-вторых, она должна была иметь собственный выход во внешний мир. Абхазия была не единственным «окном», но, безусловно, лучшим из возможных, которым могло бы располагать северокавказское сообщество. Однако подобную роль Абхазия могла играть только в том случае, если бы она сохранила политическую самостоятельность. А Грузия в описываемый период проводила политику жесткого унитаризма, и Абхазия, даже сохранив автономию, не могла, как считали в Тбилиси, самостоятельно вступать в какую-либо форму официальных отношений с республиками Северного Кавказа на государственном уровне. Поэтому конфликт между Грузией и Северным Кавказом был предрешен уже по геополитическим причинам, неясно было только, станет ли он вооруженным.

Появление противоречий с Северным Кавказом и Россией

Свержение Гамсахурдия и приход к власти Эдуарда Шеварднадзе в 1992 году привели к почти полному разрыву между Грузией и северокавказским сообществом. С одной стороны, грузино-чеченский союз был не только аннулирован, но его сменила ожесточенная вражда, т.к. вплоть до гибели Гамсахурдия чеченцы пытались восстановить его у власти в Грузии. С другой стороны, новый виток войны в Южной Осетии в мае-июне 1992 года побудил Конфедерацию народов Кавказа выступить на защиту осетин уже с вооруженной силой. Когда же началась война в Абхазии, образ кавказца в массовом сознании грузин омрачился: черкесские, вайнахские и дагестанские добровольцы теперь представлялись грузинской стороной агрессорами и (часто) наемниками – либо Москвы, либо исламского мира. Конечно, об идее Кавказского дома пришлось забыть. Такая тенденция в целом сохранялась и после окончания грузино-абхазской войны, на протяжении всего правления Шеварднадзе.

Грузинские политики, разумеется, по-прежнему искали друзей на Северном Кавказе, надеясь, по крайней мере, ослабить помощь, которую кавказцы оказывали Абхазии – как в военном, так и в политическом смысле. Грузины нашли тактических союзников в балкарцах и ингушах; первые некоторое время конфликтовали с кабардинцами, вторые еще дольше – с осетинами и по этой причине оказались заинтересованы в том, чтобы, по крайней мере, не ссориться с Грузией. Однако грузины были для этих народов не самыми важными союзниками, а сами эти нации – очень небольшими для какого-то существенного влияния на ситуацию вокруг Абхазии, тем более что они явно не желали этого делать.

До 1994 года Северный Кавказ представлялся грузинам противником-победителем; при каждом обострении обстановки в Абхазии от Конфедерации и прочих политических организаций Северного Кавказа неизменно поступали жесткие предупреждения в адрес Тбилиси. Грузия с ее разбитой и катастрофически сократившейся армией в этот период не могла рассчитывать на победу в новой военной кампании против Абхазии. Немного легче стало грузинам после начала чеченской войны в декабре 1994 года. Российская армия развернула боевые действия, которые отвлекли многих добровольцев, ранее принимавших участие в войне на стороне абхазов. Конфедерация народов Кавказа не решилась призвать

кавказские народы к войне на стороне мятежников, не сумела стать и посредником в конфликте, и по этой причине перестала быть реальной политической силой.

В период первой чеченской кампании (1994 – 1996 гг.) ослабленная грузино-абхазской войной Грузия подчеркивала свое расположение к России. Тбилиси в этот период был очень сильно заинтересован в союзе с Москвой. Соответственно, никаких проектов о совместной с Северным Кавказом борьбе против Москвы в Тбилиси выдвигать не пытались. Отношение к народам Северного Кавказа оставалось прежним: преобладали упреки и обвинения в утрате грузинами Абхазии.

Первые сдвиги наметились в 1995 – 1998 гг., когда президент Шеварднадзе сместил пророссийских силовиков (Игоря Георгадзе, Шоту Квирая и Вардико Надибаидзе); затем, в период второй чеченской кампании он уже не оказывал помощь России против ичкерийских мятежников. В 1999 году по Стамбульским соглашениям Тбилиси добился ликвидации российских баз на территории Грузии. После поражения чеченских отрядов Грузия, по сути, предоставила им плацдарм в Панкисском ущелье, что стало скорее даже предлогом, нежели причиной окончательного охлаждения грузино-российских отношений. Во-первых, Грузия укрепилась, преодолела политический и частично экономический кризис и перестала нуждаться в российской поддержке. Во-вторых, чеченская война на время отвлекла Москву от грузинских дел и не только нейтрализовала Чечню, которая больше не могла помогать абхазам, но и сделала ичкерийцев реальным союзником Грузии. Чеченский полевой командир Руслан Гелаев, который в 1992 – 1993 гг. воевал в Абхазии против грузин, осенью 2001 года вторгался в Абхазию через контролируемое грузинами Кодорское ущелье, на время создав серьезную угрозу республике и даже столице Абхазии. Грузия, понимая, что чеченская война ослабляет Россию, охотно предоставляла мятежникам убежище на своей территории. В 2002 – 2003 гг. поведение Москвы по отношению к Шеварднадзе стало открыто враждебным. И, тем не менее, в этот период о потеплении отношений между Северным Кавказом и Грузией речь еще не заходила.

Победа в абхазской войне не стала для кавказских радикалов реализацией предвоенных планов 1990-х гг. К тому времени стало ясно, что Российская Федерация не развалилась, наоборот – Москва готова вести полномасштабную войну ради удержания Северного Кавказа. Было также ясно, что если страны исламского мира и могут оказать повстанцам некоторую помощь, как в экономическом, так и в политическом смысле, она будет гораздо слабее, чем можно было предположить. Но участие кавказских добровольцев в грузино-абхазской войне само по себе было наглядным свидетельством того факта, что народы Северного Кавказа могут проводить собственную политику, с которой не может не считаться Москва. Для кавказцев независимость Абхазии стала вопросом чести, ее существование – символом кавказского единства. И в Тбилиси не могли рассчитывать на кардинальную перемену в умонастроениях на всем Северном Кавказе, включая и Чечню, снова превращенную в субъект Российской Федерации после подавления мятежа.

Новая политическая инициатива Грузии

Приход к власти Михаила Саакашвили в 2003 году, казалось, открыл для Грузии новые перспективы в поисках союзников за Кавказским хребтом. Саакашвили сразу же открыто вернулся к лозунгам Звиада Гамсахурдия; стержнем грузинской идеологии стало активное противопоставление Грузии Москве, союз с НАТО и поддержка всех антироссийских сил на Кавказе. Первые успехи Саакашвили – подчинение Аджарии в 2004 году, безболезненная оккупация Кодорского ущелья Абхазии в 2006 году – оживили надежды на новое возвышение Грузии. Для грузинского руководства главной заботой оставалось возвращение под свой контроль Абхазии и Южной Осетии. Учитывая, что обе страны к этому времени провозгласили свою полную независимость, это возвращение неминуемо стало бы

насильственным. В Тбилиси, конечно, знали, что реакция Северного Кавказа на силовые действия Грузии против Абхазии будет отрицательной. Однако грузины надеялись быстро выполнить свою задачу и поставить всех соседей, включая и Россию, и Северный Кавказ, перед свершившимся фактом.

До августа 2008 года Грузия не нуждалась в слишком сложных политических комбинациях: рассчитывая на *блицкриг*, грузины не пытались политически нейтрализовать возможных союзников Абхазии или Южной Осетии. Во всяком случае, о геноциде черкесов грузинские политики хотя и вспоминали, но мельком, не пытаясь превратить этот вопрос в политический аргумент. К тому же не было до конца ясно, в какой степени в конфликт вмешается Россия и не ограничится ли она косвенной, незначительной помощью, которой было бы уже недостаточно для спасения Абхазии и Южной Осетии. Но события августа 2008 года дали ответ на многие вопросы: в частности, что Москве по-прежнему крайне важен Кавказ, и российское руководство не только не собирается отступать, но готово вести ради укрепления своих позиций полномасштабные боевые действия; во-вторых – что кавказская солидарность не ослабла (это показали и совместные действия абхазов и осетин, и оживление добровольческого движения среди северокавказцев). Москва учитывала настроения жителей Северного Кавказа, что нашло выражение, в частности, в привлеченни чеченского батальона к войне в Южной Осетии. Россия способствовала тому, что в 2008 году в какой-то степени повторилась ситуация 1992 года: чеченский отряд снова принял участие в войне против Грузии (надо учитывать, что многие бойцы Рамзана Кадырова начинали как сторонники Джохара Дудаева). Кроме того, выяснилось, что на активную помощь Запада грузинам рассчитывать преждевременно. Для грузинского руководства стала очевидной необходимость выработки новой стратегической концепции – в первую очередь политической. Эта совокупность фактов и стала отправной точкой для новой грузинской инициативы.

Между тем, есть и другие причины, по которым Парламент Грузии 20 мая 2011 года принял Постановление о признании геноцида черкесского народа. В Грузии внешнеполитическая активность традиционно возрастает накануне очередных выборов, а политическая ситуация в Тбилиси такова, что смена режима после очередного 10-летнего цикла кажется вполне вероятной. Политические таланты Михаила Саакашвили позволяли ему раз за разом справляться с кризисами; угрозы его власти, исходившие сначала от Зураба Жвания, потом от Нино Бурджанадзе, позже от Бадри Патаркацишвили, грузинский президент неизменно преодолевал. Однако сегодня появился новый перспективный кандидат – Бидзина Иванишвили. Саакашвили старается повысить свой рейтинг, выдвигая новые политические инициативы. При всех трех грузинских президентах – Гамсахурдия, Шеварднадзе, Саакашвили – грузинское руководство по традиции обращает внимание общества на внешние проблемы, чтобы ослабить оппозиционные настроения. На этот раз подходящей темой для такой цели стал черкесский вопрос.

Новые тенденции на Кавказе

В последние годы ситуация на Кавказе стала несколько иной, чем прежде. Начать нужно с того, что признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии, ввод на их территорию большого количества российских войск и заключение ряда официальных договоров между Москвой, Сухумом и Цхинвалом делает военное решение конфликта малоперспективным для Грузии. На первый взгляд может показаться, что по этой причине и грузинские попытки «расшатать» позиции России в республиках Северо-Западного Кавказа ни к каким ощутимым результатам привести не могут.

Но, с другой стороны, в Тбилиси не могли не подметить некоторую эволюцию настроений на Северном Кавказе. Ее показателем стало обострение обстановки во второй половине 2000-х гг. не только в Дагестане и Ингушетии, но и в таких спокойных прежде республиках, как Карачаево-Черкессия и Кабардино-Балкария. В этих республиках начались террористические акты, появились или активизировались разнообразные вооруженные группировки, чья деятельность объективно ведет к дестабилизации. Нельзя сказать, что народы адыгской группы никогда не доставляли Москве проблем. И все-таки эти проблемы носили другой характер. Можно взять для примера самое активное выступление в Кабардино-Балкарии против российской власти – массовые манифестации кабардинцев в конце октября – начале ноября 1992 года. Причиной была попытка Москвы ограничить движение добровольцев Конфедерации народов Кавказа на помощь Абхазии против грузинской армии. Народные выступления заставили российское руководство отказаться от своего намерения. Однако надо подчеркнуть, что выступления кабардинцев не носили антироссийской окраски, и что еще важнее – не были направлены на дестабилизацию обстановки. Как только в Москве нашли приемлемый способ разрешения конфликта, освободив арестованного лидера КНК и отказавшись от силовых действий против добровольцев, конфликт погас сам собой и почти мгновенно.

Следует учитывать, что в 1992 году обстановка на Северном Кавказе была совсем другой. В период грузино-абхазской войны среди политиков и общественности большинства республик этого региона преобладали романтические настроения. Этим объяснялось и широкое добровольческое движение в помощь воевавшей Абхазии. В те годы самые острые проблемы казались если не легко решаемыми, то, во всяком случае, преодолимыми. Несмотря на то, что тяжелые последствия распада Советского Союза (упадок экономики, ухудшение криминогенной обстановки, социальная неустроенность большинства населения) затронули и Северный Кавказ, надежды на перемены к лучшему преобладали в умах местных жителей. На фоне общей дестабилизации в соседних регионах, прежде всего в той же Грузии, много лет балансировавшей на фоне полного финансово-экономического краха, обстановка на Северном Кавказе казалась далеко не худшей, уровень жизни – вполне приемлемым. И только со временем у северокавказцев (прежде всего у молодого поколения) возникло ощущение недовольства. С одной стороны, никаких особых перспектив экономического развития региона не появилось. С другой – начали расти внутренние проблемы, прежде всего такие, которые не могли не затронуть буквально все население кавказских республик –рост диверсионно-террористической деятельности.

Относительно того, какие силы стоят за вооруженными столкновениями, которые во второй половине 2000-х гг. стали повседневной реальностью в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии, не говоря уже о прежде спокойной Северной Осетии или Дагестане, не существует единого мнения. Одни видят в этих событиях результат распространения исламистских идей, проникновения эмиссаров радикальных группировок из стран Ближнего и Среднего Востока. Другие указывают на связи между исламским подпольем и криминальным миром, приводят причины, по которым российские силовики не могут навести порядок – начиная с недостаточной информированности, непонимания кавказского менталитета, кончая прямой заинтересованностью в нестабильности ряда российских чиновников. Эксперты разных стран изучают эти процессы и не могут прийти к единому мнению, однако, один вывод все-таки можно сделать: существование активных вооруженных группировок и бессилие местной общественности (не говоря о федеральном центре) указывает на заметный кризис общества – как социально-экономический, так и духовный. Обстановка медленно, но верно ухудшается, и причина, вероятнее всего, кроется не столько в региональном кризисе, сколько в общей политической неустойчивости во всей Российской Федерации[41].

41 Сергей Маркедонов, ‘Северный Кавказ – между нестабильным прошлым и неясным будущим’ http://www.kavkasion.ru/sergej-markedonov-severnyj-kavkaz-mezhdu-nestabilnym-proshlym-i-neyasnym-budushhim

Так или иначе, политическая активность черкесских политических организаций начинает переходить в новую стадию. В 1990-х гг. она вполне укладывалась в общую неписаную идеологическую концепцию Москвы, довольно размытую и по этой причине относительно либеральную: в ней находилось место и национальной самобытности кавказцев, и возможности поддерживать Абхазию (вопреки официальной позиции мирового сообщества и даже самого Кремля). Но теперь любая радикализация, которую позволяют себе кавказские политики нового поколения, начинает раздражать Москву, которая видит в этих новациях явную опасность для своего контроля над кавказским регионом, тем более что не располагает рецептом лечения накопившихся проблем.

Таким образом, и без грузинских инициатив политическое напряжение на Северном Кавказе нарастало и в этом смысле роль Тбилиси в постановке черкесского вопроса можно считать вполне скромной. Стороннему наблюдателю не совсем ясно, по какой причине тбилисские политики начали именно с трагедии черкесского народа, оставляя в стороне судьбу других народов Северного Кавказа в XIX веке. Еще в октябре 2006 года последовало обращение двух десятков черкесских организаций из разных стран в Европарламент с просьбой о признании геноцида черкесов в XIX веке. Однако этот вопрос в то время рассмотрен не был, а Тбилиси, судя по всему, интересовался им еще мало. По большому счету, эта тема стала обретать геополитическое значение с лета 2007 года, когда Сочи был объявлен столицей Олимпиады 2014 года. Надо заметить, что это событие сразу оживило надежды как в самой Грузии, так и в отколовшихся от нее республиках: грузины считали, что получили рычаг давления на Москву в абхазском вопросе, а их противники надеялись, что Россия теперь будет заинтересована в стабилизации обстановки у своих южных рубежей и по этой причине решится на признание как Абхазии, непосредственно граничащей с Сочинским районом, так и Южной Осетии.

Еще одна важная подробность: после августовской войны 2008 года стало очевидно, что какую бы позицию ни занимали народы Северного Кавказа в случае новой попытки Грузии отвоевать Абхазию, они теперь не могут играть в этой гипотетической войне определяющую роль. Разумеется, их позиция по-прежнему важна как в военно-стратегическом, так и в политическом плане, и все-таки она уже не будет иметь такого значения, как в начале 1990-х гг. Это понимают и на Северном Кавказе и в Грузии. Что это означает для грузин? Прежде всего, Тбилиси уже не нуждается в непримиримой борьбе с Северным Кавказом: отпадает необходимость вести ожесточенную пропаганду против поддерживающих Абхазию политических движений за Кавказским хребтом. Зато появилась надежда мягко, ненавязчиво убедить кавказцев, что абхазский вопрос, хотя и затрагивает интересы черкесских народов, но все-таки не является для них кровным. Теперь существование Абхазии и Южной Осетии уже не зависит напрямую от северокавказского сообщества: за эти республики поручилась Россия. Причем поручился – своей политической репутацией – именно тандем Владимира Путина и Дмитрия Медведева. Грузия, разумеется, надеется, что этот режим не вечен, а новые лидеры России, кем бы они не оказались – либералами или даже державниками, – уже не будут персонально связаны с признанием Абхазии и Южной Осетии. Мало того, независимое существование последних вполне может стать для нового режима раздражающим фактором, что позволит Грузии возобновить торг по этому вопросу. Что касается адыгских народов, то они если и не чувствуют себя лишними в этом раскладе, понимают, что с 2008 года их роль в конфликте свелась к декларативным функциям. Конечно, кавказские лидеры периодически выступают с заявлениями о поддержке Абхазии, но теперь они идут скорее в фарватере московской политики.

В Тбилиси много лет утверждали, вопреки очевидным фактам, что в Абхазии против грузинской армии наряду с абхазами воевали не добровольцы – кавказцы и казаки, – а могущественная Россия. Теперь, когда эта легенда неожиданно воплотилась в реальность, когда Россия со всей своей военной мощью действительно осуществляет задачу по охране Абхазии с суши и с моря, черкесы, кабардинцы и прочие этнические группы, родственные

абхазам, хотя может быть и не чувствуют себя посторонними, но ощущают себя далеко не главными участниками конфликта. Это разочарование порождает на Северном Кавказе известную неудовлетворенность: ранее политическое самовыражение адыгейцев, черкесов, шапсугов, кабардинцев проявлялось полноценным участием в абхазских делах, а теперь у них нет подобной возможности.

Наглядным выражением новых настроений стало широко известное интервью Ибрагима Яганова, председателя общественного движения «Хасэ» Кабардино-Балкарии, одного из самых популярных в Абхазии командиров добровольческих отрядов в период военной кампании 1992 – 1993 гг[42]. Интервью, появившееся в декабре 2011 года, имело большой резонанс и вызвало разноречивые, в т.ч. крайне негативные отзывы, в частности, и в Абхазии. Однако мнение Яганова тем более важно, что он является полевым командиром и способным политиком. «Мы, те, кто там воевали, делаем анализ происходящего, делаем некоторые выводы. И мы в корне поменяли отношение к этой проблеме. Но у меня есть один барьер, который я не могу перешагнуть. Единственное, что меня сейчас очень сильно удерживает – это память погибших ребят», – заявил, в частности, Ибрагим Яганов. «Я двумя руками за налаживание отношений с Грузией. К сожалению, мы в составе Российской Федерации, и вынуждены считаться с теми условиями, в которые они нас поставили». Таким образом, главным деструктивным фактором видится уже не Грузия, а Россия.

Адыгские республики мало-помалу сделались окраиной Российской Федерации, далеко не самой благополучной и не самой стабильной. Этим и объясняется новый рост интереса к черкесскому вопросу на самом Северном Кавказе. И, конечно, Грузия не упускает благоприятной возможности ослабить позиции своего могущественного соседа на северо-западном направлении.

Объективно августовская война 2008 года должна была укрепить позиции России на Северном Кавказе. Трудно представить себе, что адыгские народы не выразили бы протеста, если бы Москва в той ситуации бросила Абхазию на произвол судьбы. Однако к тому времени дискуссии о Кавказской войне XIX века уже приобрели популярность в адыгских республиках. И как только в Тбилиси смирились с тем, что *блицкрига* не получилось, новая стратегическая инициатива – поиск политических союзников на Северо-Западном Кавказе – стала плавно претворяться в жизнь.

Конечно, грузинские политики вряд ли смогут спровоцировать крупное политическое обострение на Северном Кавказе, они только пользуются благоприятным развитием событий. Это показывает и сопоставление дат – Грузия всерьез занялась черкесским вопросом только через год после августовской войны, – и осторожность шагов, которые предпринимает официальный и полуофициальный Тбилиси. Эта осторожность проистекает не только от угрозы со стороны Москвы. Позиция западного мира по отношению к Грузии постепенно становится более трезвой: эту страну не все рассматривают в качестве самого перспективного и прогрессивного союзника даже в Вашингтоне. Вполне вероятно, что в ближайшее время западные партнеры начнут предъявлять Грузии претензии, прежде всего в связи с низким уровнем демократичности режима. Кроме того, на Западе все чаще расценивают шаги, предпринимаемые Грузией в отношении Северного Кавказа, как провокационные[43]. В этих условиях Тбилиси выгодно действовать без резкостей, не затрачивая особых усилий, не

42 Интервью Ибрагима Яганова председателю международного гиперсионистского движения «Беад Арцейну» Аврааму Шмулевичу, 27 декабря 2011 г.

43 См. Линкольн Митчелл, Александр Кули, Томас де Ваал. «Новый старт» американо-грузинских отношений? Московский центр Карнеги, 23 июня 2010 г. http://carnegieendowment.org/2010/06/23/new-start-for-u.s.-georgia-relations/29s. Эксперты указывают на то, что следует пересмотреть отношение к Грузии, относиться к ней более критично, а в отношениях с Абхазией США должны найти «золотую середину» между признанием (что для Запада неприемлемо) и сотрудничеством, т.е. «оказывать региону помощь, не затрагивающую вопросов статуса». Сбалансированная политика в отношении Абхазии могла бы стать новой не столько для стран Европы, сколько для Соединенных Штатов, всегда категорически жестко относившихся к Абхазии.

брать на себя какие-либо политические обязательства, кроме декларативных. Формально России не в чем упрекнуть грузин, прямой подрывной деятельностью на Северном Кавказе они не занимаются. Еще неизвестно, кто будет находиться у власти в Грузии лет через пятьдесять. А это значит, что черкесский вопрос может быть и забыт с той же легкостью, с какой он теперь извлечен из долгого ящика.

Значение «черкесского вопроса»

Тем не менее, Тбилиси весьма последовательно проводит свою новую «черкесскую» политику, не спеша и поэтапно: декабрь 2009 года – создание в грузинском Парламенте группы дружбы с Парламентами Северного Кавказа; 4 января 2010 года – выход в эфир «Первого информационного кавказского» телеканала (ПИК); 13 октября 2010 года – введение безвизового режима для въезда в Грузию жителей республик Северного Кавказа; февраль 2011 года – решение о создании специальной комиссии по делам Кавказа при аппарате государственного министра Грузии по делам диаспоры; 20 мая 2011 года – принятие грузинским Парламентом вышеупомянутого Постановления о признании геноцида черкесского народа в период русско-кавказской войны. Особо подчеркивается, что Грузия стала первым государством мира, признавшим геноцид черкесского народа.

Это шаги могут иметь для Грузии разнообразные политические последствия. Позитивные с точки зрения грузинского руководства последствия заключаются в том, что Тбилиси таким образом создает Москве проблемы в преддверии Олимпиады 2014 года, которая остается для России очень престижным мероприятием. В некоторых кругах раздаются даже призывы к бойкоту Олимпиады, прецедент находят в позиции мирового сообщества в 1980 году после ввода советских войск в Афганистан. Кроме того, появляются перспективы демонстративной дружбы между грузинским правительством и отдельными национальными организациями на Кавказе. И самое важное: грузинская инициатива направлена не просто на ослабление связей между северокавказским сообществом и абхазами – это попытка лишить Абхазию главной опоры на Северном Кавказе. Адыгейцы, черкесы, кабардинцы, абазины, шапсуги – наиболее близкие абхазам этнические группы. Именно они могут побудить Россию к решительным шагам, если Москва когда-нибудь запоздает с реакцией на те или иные враждебные действия Грузии в отношении Абхазии.

Грузинско-черкесские контакты могут настораживать абхазов. Последние всегда безусловно доверяли родственным народам Северного Кавказа и хорошо помнят, что в начале 1990-х гг. те не соблазнились грузинскими проектами, а поддержали борьбу за национальный суверенитет Абхазии. С другой стороны, в грузинском проекте содержится ловушка для абхазской дипломатии: поскольку грузины признают события Кавказской войны геноцидом, а абхазы таких заявлений не делают, это должно побудить либо черкесов обидеться на Абхазию, либо абхазов сделать аналогичное заявление, что чревато осложнением отношений между Москвой и Сухумом. Хоть споры о геноциде не могут привести к изоляции абхазов от родственных народов за Кавказским хребтом, но к определенным политическим трениям привести все-таки способны. Таким образом, у Грузии открываются возможности для игры на противоречиях между соседями.

В то же время документ о признании геноцида черкесов может создать затруднения для самой Грузии. Это, прежде всего, позиция Армении, которая давно и не совсем безуспешно добивается признания мировым сообществом геноцида армян 1915 года (последний пример – решение французского парламента о введении уголовной ответственности за отрицание факта геноцида). Об этих тонкостях сразу же предупредил грузинский политолог Мамука Арешидзе: «Давать этим событиям политическую оценку для Грузии чревато негативными последствиями. Если геноцид черкесов будет признан, Армения получит основание

требовать немедленного признания Грузией геноцида 1915 года, а это испортит грузинские отношения с Турцией и Азербайджаном».[44]

К этому следует прибавить (и об этом также говорят наиболее откровенные грузинские политологи), что немного странным выглядит признание геноцида черкесского народа при нежелании давать какую-либо оценку судьбе чеченского народа в тот же период. Нельзя не согласиться с тем, что подобная узкая географическая направленность признания геноцида продиктована политическими соображениями. Вайнахские народы пострадали от Кавказской войны никак не меньше, чем черкесы. Впрочем, Парламент Грузии в настоящее время выразил намерение рассмотреть и вопрос о признании геноцида ингушского народа. Но какие последствия имело бы признание грузинами геноцида чеченцев? Такое признание наложило бы на Тбилиси некие политические обязательства. В частности, в случае нового антироссийского мятежа в Чечне, грузинам по логике придется поддержать инсургентов, как минимум в политическом плане. Но такие обязательства Грузия брать на себя, безусловно, не захочет. С одной стороны, это чревато новым военным конфликтом с Россией, а Грузия пока остается уязвимой и прямой защиты не имеет; с другой – такое заявление будет означать политическую поддержку чеченского сопротивления, ушедшего в подполье, что приведет к конфликту с сегодняшним руководством Чечни в лице Рамзана Кадырова.

Разумеется, на Северном Кавказе все понимают, какие цели ставит перед собой Тбилиси, продвигая «черкесский вопрос». Очевидно, что сегодняшний план Тбилиси по оживлению отношений с черкесами носит именно политический характер. Ряд северокавказских политиков напоминают об участии в Кавказской войне различных грузинских формирований на стороне России, в том числе и в победном параде на Красной поляне в мае 1864 года. Однако новая грузинская инициатива играет на настроениях, появившихся на Северном Кавказе. Это дерзкий стратегический замысел, который может принести Тбилиси определенные дивиденды. По большому счету, для всех очевидно, что спровоцировать новую Кавказскую войну Тбилиси не сумеет, что даже серьезного конфликта на уровне чеченских войн 1990 – 2000-х гг. Москва почти наверняка не допустит. Это понимают, прежде всего, и сами адыги. К тому же национальное движение адыгских народов всегда укладывалось в рамки законности и соответствовало международным нормам. Экстремистские методы борьбы, которые только и могли бы сорвать Олимпийские игры в Сочи, не в их характере. Трудно представить себе, что черкесы решатся на что-нибудь подобное: они дорожат своей репутацией перед мировым сообществом.

Однако смена настроений в национальных республиках Северного Кавказа, до сих пор вполне лояльных России, сама по себе будет неплохим результатом для Грузии. Она может помочь грузинскому руководству если не в военном конфликте, то в каком-нибудь из бесчисленных раундов дипломатической игры. И даже если не удастся ослабить позиции России на Северном Кавказе, грузины будут удовлетворены и тем, что вражда с адыгскими народами сменяется взаимной симпатией. Это даст возможность восстановить (хотя бы частично) утраченное влияние к северу от Кавказского хребта, что для современной Грузии совсем не лишне.

44 «Черкесский ответ». Из интервью Мамуки Арешидзе изданию «Московские новости», 17 мая 2011 г.

ЧАСТЬ 2

Взгляд из Грузии

Исторические предпосылки формирования северокавказского фактора для современной грузии (до 2008 года)

ГЕОРГИЙ АНЧАБАДЗЕ

Характер грузино-северокавказских отношений до XIX века

Систематические взаимоотношения населения современной Грузии с племенами Северного Кавказа берут начало в глубокой древности. Еще в античное время жителей как северных, так и южных склонов Кавказского хребта, несмотря на их этноязыковые различия, современники воспринимали как представителей одной (говоря современным слогом) историко-культурной общности. Так, знаменитый греческий географ Страбон на рубеже нашей эры писал об обитателях кавказских нагорий: «Все они говорят на разных языках, так как живут врозь и замкнуто в силу своей гордости и дикости. Но все они… кавказцы».

Подобные представления, видимо, легли в основу т.н. генеалогической схемы Леонтия Мровели – грузинского епископа, писателя и историка XI века. Согласно его воззрениям, армяне, грузины и племена, населявшие территории современного Азербайджана и Северного Кавказа, имели одно происхождение и общего прародителя, соотнесенного, по тогдашней традиции, с одним из библейских патриархов – Тогармой (груз. Таргамос).

Высокая грузинская культура (в том числе грузинская письменность и богослужение на грузинском языке) активно проникала на Северный Кавказ. Это явление особенно заметно в XI—XII и начале XIII веков, в эпоху расцвета Грузинского царства, являвшегося, по словам акад. Н. А. Бердзенишвили, «центром кавказских феодальных взаимоотношений». Впрочем, культурное взаимодействие было обоюдным. По словам другого известного грузинского историка, С. Н. Джанашиа: «в культурной циркуляции дофеодальной и феодальной Грузии в немалой степени присутствовала и энергия других кавказских народов, в том числе абхазов и черкесов».

Северный Кавказ, несмотря на спорадические столкновения, в политическом плане являлся для Грузии довольно надежным тылом, откуда она черпала вспомогательные военные силы, принимавшие участие в борьбе грузинского народа с иноземными завоевателями. Многочисленные свидетельства об этом, охватывающие более чем двухтысячелетний период истории, начиная с последних веков до нашей эры, содержатся в грузинских и иноязычных письменных памятниках.

Приобщение народов Северного Кавказа к исламу (особенно с XV в.) создало известный барьер между ними и христианской Грузией, но эта перемена не носила решающий характер. Источники по-прежнему сообщают об участии кавказских горцев в военных кампаниях грузинских царей. То, что такие факты можно квалифицировать скорее как дружественный союз, чем простое наемничество, подтверждает, например, описание встречи в Тбилиси кабардинского войска, прибывшего по вызову царя Ираклия II в 1751 году.

Серьезно осложнились лишь отношения с Дагестаном в XVIII веке, правители которого совершали грабительские набеги на страны Закавказья. Эти набеги, вошедшие в грузинскую историографию под названием *лекианоба*, т.е. нашествия леков (в Грузии термином «леки» собирательно именовали дагестанских горцев), наносили огромный материальный и демографический урон стране. Однако грузино-дагестанские отношения и на фоне систематических военных столкновений, не перешли в тотальное противостояние; сохранялись как политические, так и культурно-экономические связи.

В такой обстановке, к концу XVIII века кавказский фактор приобретает для Грузии двоякий смысл – горские народы (не составляющие единое политическое целое) являются и противниками, и союзниками. Оба эти момента представлены в речи государственного деятеля и дипломата Соломона Лионидзе, произнесенной им над могилой Ираклия II в 1798 году. Так, оратор, говоря о ратной славе усопшего, отмечает: «Лев Иуды из дома Давида[1]… сражался против трех империй: османской, персидской и народов кавказских». Под последними подразумевались кавказские горцы и, в первую очередь, дагестанцы, с которыми Ираклий не раз скрещивал сабли. Однако дальше Лионидзе уже говорит о боевом содружестве: «Как только развернется счастливый стяг царя Ираклия, дагестанцы спешат присоединиться к войску, осетины и черкесы рады пролить кровь перед царем Ираклием».

Под сенью двуглавого орла

В первой трети XIX века земли Южного Кавказа вошли в состав Российской империи. Завоевать Северный Кавказ оказалось сложнее, так как на востоке края (Чечня и нагорный Дагестан), как и на западе (где оплотом независимости были адыгские племена и убыхи), сложились очаги горского сопротивления. Их подавление потребовало от империи крайнего напряжения материальных и людских ресурсов. Русско-горская, или Кавказская, война продолжалась без малого сто лет (до 1864 года).

Этот затяжной вооруженный конфликт отразился и на дальнейшем развитии грузино-северокавказских отношений. Русское правительство после аннексии Грузии использовало ее территорию для блокады сопредельных районов, населенных непокорными горцами, чтобы сломить их голодом и измором. Кроме того, царизм политикой «кнута и пряника» закрепив свою власть над Грузией, привлек на службу местную общественную элиту – дворянско-княжеское сословие. Эта военная каста, потерявшая свои функции после упразднения грузинской государственности, встала под русские знамена и приняла деятельное участие в боевых действиях на Кавказе.

Привлечению грузинского ополчения к походам в горы и, в частности, в Дагестан, способствовала также идея отмщения «лекам» за их прежние набеги на Грузию. Об этом писал еще дагестанский поэт и мыслитель XIX века Магомед-бег в поэме «Пленение Шамиля»:

Шли полки грузин – с барабаном, с зурной;
Растревожили их былою враждой:
Дагестанцев, мол, надо всех перебить,
За отцов ваших надо, мол, отомстить.
Перевел В. Державин

Факты, подтверждающие подобный настрой среди грузинской знати, можно найти в грузинских эпистолярных и литературных памятниках первой половины XIX столетия. Так, показательно стихотворение поэта-романтика Николоза Бараташвили – «Поход грузинских князей, дворян и крестьян под предводительством губернского маршала князя Дмитрия Тамазовича Орбелиани против Дагестана и чеченцев в году 1844-м». Произведение начинается словами: «Трепещи Кавказ! Близок час твоего конца, / На тебя идут сыны Картли, / За невинную кровь отомстить…» – и далее в том же духе.

Уровень русско-грузинской солидарности, достигший пика в годы наместничества на Кавказе князя Воронцова (1844-1854), во второй половине XIX века начинает падать. Корни

1 Подразумевается Ираклий II; грузинские цари из династии Багратионов возводили свою родословную к библейскому царю Давиду.

этого явления с грузинской стороны надо искать в накоплении обид на царскую власть, в росте этнического самосознания и формировании гражданского общества, впитавшего в себя национальные и социальные идеи эпохи. В развитии грузинской общественной мысли важную роль сыграли представители общественно-политического и литературного течения во главе с Илией Чавчавадзе, вышедшие на авансцену в начале 1860-х годов. Слова простого крестьянина из произведения И.Чавчавадзе «Записки путника» (1871) – «мы должны сами себе принадлежать», стали, фактически, призывом к восстановлению политического суверенитета страны.

С другой стороны, у российского правительства, после того как стал очевиден скорый исход русско-горской войны, уменьшается интерес к Грузии как к опорной «точке» за Кавказским хребтом, усиливается целенаправленная политика русификации, а рост национальных и революционных настроений в Грузии вызывает жесткую реакцию.

На этом фоне в грузинском обществе происходит переоценка фактов недавней Кавказской войны, что отражается и на восприятии Северного Кавказа в целом. В художественной литературе конца XIX века появляются яркие образы мужественных и благородных горцев – чеченцев, ингушей, черкесов... Героическая борьба народов Северного Кавказа против превосходящих сил завоевателей представляется примером. Горцы мыслятся уже как естественные союзники Грузии в национально-освободительном движении.

На сломе эпох

После февральской революции 1917 года на национальных окраинах Российской империи быстро распространились идеи автономии и самоопределения. На Северном Кавказе уже 5 марта 1917 года возник мультнациональный политический центр «Союз объединенных горцев», поставивший целью объединение горских народов «от Черного до Каспийского морей в союз для закрепления свободы и устройства жизни на демократических началах»[2]. Под эгидой этой организации в ноябре 1917 года было образовано горское правительство, направившее свои усилия на создание Северокавказской, или Горской, республики.

В Грузии внимательно следили за процессами, происходившими в северной части Кавказа. Когда на заседании Национального совета Грузии зачитали телеграмму об объявлении горским правительством 2 декабря 1917 года полного суверенитета до созыва всероссийского Учредительного собрания, сообщение было встречено громкими аплодисментами.

В Тбилиси отдавали должное традициям освободительной борьбы горских народов, тем более, что и в тот исторический момент движение горцев за политическое самоопределение по своему размаху выделялось в масштабах бывшей Российской империи. В те дни эти события так комментировал известный политический деятель, поэт и публицист, член Национального совета Грузии Шалва Амиреджиби (1886-1943): «Северная сторона Кавказского хребта уже засияла под лучами свободы. Тот факт, что из всех народов Кавказа именно горцы объявили первыми о своей автономии, указывает на расторопность и живость их природы. Мы, жители низменностей, привычны ходить ровными и длинными дорогами, и это – тоже в нашем характере. В горах же ходят по тропинкам, а тропинка – более короткий путь до цели»[3].

События последующих дней подтвердили правоту этих слов. 21 декабря 1917 года руководство Союза горских народов объявило уже о полном разрыве с Россией, отказавшись участвовать и в Учредительном собрании[4]. Таким образом, Северный Кавказ, наряду с

2 *История Дона и Северного Кавказа* (1917-2000). Нальчик, 2004. С. 9.
3 Амиреджиби Ш. 'Дагестан-Чечня// «Сакартвело»'. 1917. – 12 декабря (на груз. яз.).
4 Васан-Гирей Джабагиев. *Революция и гражданская война на Северном Кавказе.*

Финляндией, стал первым регионом Российской империи, заявившим о своей полной независимости от метрополии (с той разницей, что Финляндия в Российской империи имела автономную государственность с четко очерченной территорией и не имела под боком хорошо вооруженных и многочисленных казачьих войск).

В апреле 1918 года от России отделилось и Закавказье, образовав федеративное государство, распавшееся вскоре (май 1918) на самостоятельные республики – Грузию, Азербайджан и Армению.

Перед угрозой ответных действий со стороны России представители Северного Кавказа были заинтересованы в тесном союзе с народами Закавказья и, особенно, грузинами, с которыми их связывала глубокая традиция и культурное родство. Ш.Амиреджиби вспоминает, с каким энтузиазмом встречали грузинских посланцев на первом горском съезде во Владикавказе (май 1917 г.): «В честь наших делегатов мулла зачитал молитву, и весь съезд выслушал ее стоя. Горцы нас уверяли потом, что это было выражением самых теплых чувств к грузинскому народу»[5].

Ориентация на союз с южными соседями красной нитью проходит в документах и действиях руководства Горской республики. Так, например, в 1918 году официальная миссия горского правительства обнародовала в Трапезунде манифест следующего содержания: «Северокавказцы убеждены, что Закавказье не может существовать как независимое государство без связи с народами Северного Кавказа и Дагестана. Необходимость создания объединенного Кавказа обусловлена географическими, экономическими, стратегическими и политическими причинами»[6].

Закавказье не смогло соответствующим образом отреагировать на это предложение, хотя и здесь за непродолжительное время существования местных независимых республик не угасала идея общекавказской конфедерации. Однако из-за постоянных противоречий между республиками и сложной внешнеполитической обстановки какие-либо шаги для практической реализации этой цели, предприняты не были.

В тоталитарном государстве

Победа советской власти на Кавказе (1920-1921) привела к установлению небывалой репрессивной системы, безжалостной как к коренным народам, так и русским насельникам края. Весной 1921 года в Париже состоялось совещание представителей эмигрантских кругов Грузии, Азербайджана, Армении и Северного Кавказа, заключивших соглашение о союзе, направленном против большевиков. Грузинское сопротивление советской оккупации, имевшее до 1924 года партизанско-повстанческие проявления, в значительной мере ориентировалось на взаимодействие с северокавказскими народами. В 1922-1924 годах Северный Кавказ неоднократно посещали представители грузинского подполья, вступавшие в контакт с местными антикоммунистическими центрами. Намечалось одновременное выступление крупными силами в масштабе всего Кавказа, что, впрочем, не произошло по ряду причин. Однако чеченцы-кистины, проживавшие в Панкисском ущелье, на территории Грузии, участвовали в грузинском сопротивлении. В лесах Панкиси некоторое время скрывался отряд полковника Какуцы Чолокашвили – главная ударная сила грузинских повстанцев.

После разгрома антибольшевистского восстания в Грузии в августе 1924 года остатки повстанческих групп были вытеснены за пределы страны. На Северном Кавказе, особенно

5 Амиреджиби Ш. Там же.
6 Гайдар Баммат. *Кавказ после падения старого режима в России /перевод с французского* (перевод Георгия Мамулия). http://www.chechen.org/prometheus9.html

в нагорной полосе Чечни, партизанское движение еще долго сохраняло широкий размах, вынуждая советское руководство периодически проводить в Чечено-Ингушетии войсковые операции с привлечением крупных сил пехоты и артиллерии; по неподконтрольным населенным пунктам наносила удары авиация.

В годы Второй мировой войны советское правительство попыталось самым решительным образом разрубить северокавказский «гордиев узел». По обвинению в бандитизме и пособничестве немецким войскам в конце 1943 и начале 1944 годов в Центральную Азию были высланы целые народы – карачаевцы, чеченцы, ингуши, балкарцы. Северные склоны Кавказа на большем протяжении своей центральной, самой высокогорной, части были «очищены» от коренного населения. Из чеченцев и ингушей на Родине остались только скрывавшиеся в лесах повстанцы и те, кто успел к ним присоединиться. Эти люди и повели неравную борьбу с противником, нападая с гор на представителей администрации, военных и переселенцев, колонизующих опустевшие земли Чечено-Ингушетии.

Для ликвидации сопротивленцев власти выдвинули несколько дивизий НКВД. К противоповстанческим мероприятиям пытались вовлечь также представителей соседних народов – грузин, осетин, дагестанцев, хотя широко использовать удалось только сотрудников правоохранительных органов кавказских республик[7]. Что касается простого народа, он больше сочувствовал преследуемым. Например, известны случаи, когда грузинские пастухи прятали у себя беглых чеченцев.

Отношение к происходившим событиям горцев-грузин – соседей чеченцев и ингушей хорошо иллюстрирует их народное поэтическое творчество. Так, Габриэл Джабушанури (1914–1968), семью которого в 1944 году вместе со многими другими хевсурскими семьями переселили в опустевшую Ингушетию, создал цикл произведений, посвященный разоренным кистинским[8] аулам и судьбе его обитателей, угнанных с родной земли. Вид заброшенных жилищ, где еще недавно кипела жизнь, порождал в сердце поэта боль, выраженную в стихах:

‘Печален ты, одинокий аул,
Брошенный и обезлюдевший,
И я одинок, с тобой хочу познакомиться
И с тобой вместе слезы проливать’[9].

Исследователь М.Хангошвили недавно опубликовала стихотворные строки крестьянина Хвтисо Алудаури, оказавшегося свидетелем боя оперативной группы советских войск с чеченскими повстанцами, возглавляемых Иби Алхастовым:

‘Видел я схватку русских с кистинами, громким эхом отзывались скалы,
Из Майсты доносился пулеметный треск,
Не обесславил Иби колыбель, что качала ему мать …
За правое дело ты сражался, Иби, немало молодецких дел совершил,
За справедливость боролся, но и вас враги не щадили…’[10].

В последнее время на фоне ухудшения русско-грузинских отношений в российской (в том числе и северокавказской) политической литературе и публицистике появились утверждения, будто истинной причиной депортации горских народов было стремление

7 Например, в 1955 г. грузинскими чекистами был схвачен известный ингушский абрек Ахмед Хучбаров, боровшийся против советской власти с 1929 г.
8 Кистины – так зовут грузинские горцы горных чеченцев и ингушей.
9 А. Арабули.(Составитель) *Ґабриел Джабушанури. Стихи, поэмы, баллады, дневники, записи, личные письма*/ – Тбилиси, 2010, С. 42 (на груз. яз.).
10 Хангошвили М. эКистинцы в грузинской устной словесностиэ // *Археология, этнология, фольклористика Кавказа*. Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси, 2011. С. 665.

Сталина расширить территорию Грузии. Действительно, после выселения карачаевцев, балкарцев, ингушей и чеченцев часть их этнических земель, прилегавших к Грузинской ССР, включили в состав последней, но точно также остальные территории были переданы соседним автономным и административным образованиям РСФСР – Северной Осетии и Дагестану, Ставропольскому и Краснодарскому краям, закреплены за Кабардинской АССР.

Таким образом, факт перекройки границ не свидетельствует в пользу предположения, что выселение горских народов произошло в угоду интересам Грузии; других же аргументов у авторов этой гипотезы нет. Между тем, действительные причины депортаций нетрудно разглядеть в контексте общей политики сталинского руководства по «глобальному» перемещению народов в 40-х годах XX века, жертвами которой, помимо северокавказцев, стали советские немцы, финны и корейцы, крымские татары, калмыки, «месхетинцы» и ряд других народов и этнических групп.

Поэтому после того, как депортированные народы Северного Кавказа получили политическую реабилитацию и им дали возможность вернуться на родину (1957), их отношение к Грузии и грузинам продолжало оставаться позитивным.

Вообще, можно сказать, что в течение большей части XX века коренные народы Северного Кавказа проявляли тяготение и симпатию к Грузии, в основе которой, видимо, лежал фактор культурно-исторической близости. Неслучайно, что в отдельных случаях даже ставился вопрос административного присоединения к южной республике. Например, в июне 1920 года правитель Западного Дагестана полковник К. Алиханов, ввиду угрозы со стороны наступавшей Красной армии, а также основываясь на близости «по духу и крови», от имени влиятельных лиц аварского народа обратился к министру иностранных дел Грузии с просьбой принять Аварию в состав Грузинской республики на автономных началах[11].

Грузинское правительство, связанное с РСФСР Московским договором от 7 мая 1920 года, по условиям которого Дагестан признавался частью России, по-видимому, воздержалось от ответа аварской стороне, что, впрочем, не помешало большевикам осуществить в Грузию военное вторжение с целью установления там своей власти (февраль 1921 г.).

Несколько лет спустя, уже в условиях победившего советского строя, в Москве и на Северном Кавказе серьезно обсуждался вопрос о присоединении к Грузии территории Северной Осетии, которая вместе с Южной Осетией образовала бы автономную республику в рамках Грузинской ССР. Важно отметить, что осетинская делегация, ведшая переговоры со Сталиным, выразила свое согласие с этим планом[12].

Как нам известно, голоса в пользу вхождения в состав Советской Грузии раздавались в Северной Осетии и в октябре 1981 года, во время многолюдных выступлений протеста в связи с обострением осетино-ингушского территориального спора.

Тем не менее, в советский период эмоциональная связь между Грузией и народами Северного Кавказа постепенно ослабла, несмотря на взаимоотношения в экономической, научной, культурной и образовательной сферах. Центральная власть не была заинтересована в реальном укреплении внутрирегиональных связей в отдельных частях СССР, однако нельзя все сваливать на козни Москвы, как это делают теперь многие аналитики. Подъем национального самосознания народов Советского Союза (в определенной мере – результат государственной научно-образовательной политики), ставший заметным фактором после Второй мировой войны, похоронил планы создания единой советской нации, сделав вопрос развала Союза лишь вопросом времени. Кроме того, в тех условиях это явление

11 Джавахишвили Н.Г. *Борьба за свободу Кавказа*. Тбилиси, 2005. С. 40-41.
12 Блиев М.М. *Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений*. Владикавказ, 2006. С. 326.

сопровождалось ростом этноцентризма и национального мифотворчества, повлиявшего на баланс межэтнических отношений.

В постсоветский период

Еще в первой грузинской республике 1918-1921 годов дали о себе знать существующие в зачаточном виде этнополитические противоречия между грузинами с одной стороны, и абхазами и осетинами – с другой. В период советской власти эти противоречия (имевшие как внутренние, так и внешние причины) усилились и обострились. Во время «перестройки» все вышло наружу благодаря несдержанному национализму, пришедшего на смену советского мифа о братстве народов.

Неопытные политики, вставшие у кормила власти в Грузии в результате первых за советский период свободных выборов (1990), не смогли удержать стабильность в стране, в результате чего в 1991 году вспыхнул кровавый грузино-осетинский конфликт. В Абхазии хрупкий мир сохранялся до 1992 года, но ввод грузинских вооруженных формирований в автономную республику (14 августа 1992 г.) вызвал силовое сопротивление абхазов, переросшее в войну 1992-1993 годов.

Как мы увидим дальше, именно фактор грузино-абхазской войны (и ее последствий) стал важным моментом, повлиявшим на трансформацию отношений между Грузией и Северным Кавказом. Однако кризис советской системы вначале породил импульсы сближения Северного Кавказа с Грузией. Стали завязываться контакты по экологическим, культурно-гуманитарным и другим злободневным вопросам. На процесс в целом серьезно не повлияли даже события 1990-1991 годов – блокада аварских сел в Кахетии, организованная активистами грузинского национального движения во главе со Звиадом Гамсахурдиа, и начало грузино-осетинского конфликта. Более того, в тот период самый заметный северокавказский лидер, президент Чеченской республики генерал Джохар Дудаев, провозгласивший политическую независимость своей страны, был крайне заинтересован в сохранении тесных отношений с Грузией, являвшейся для Чечни дорогой во внешний мир.

Гамсахурдиа, ставший к тому времени президентом Грузии, также был заинтересован в укреплении региональных связей, однако на Северном Кавказе отношение к нему было неоднозначным. У адыгских народов, абазин, северных осетин и части дагестанцев отношение к Гамсахурдиа, как к политическому деятелю, в целом не было позитивным (соответственно, из-за напряженности в Абхазии, событий в Южной Осетии и Кахетии). Зато доверительные связи установились у него с Дудаевым и ингушским национальным движением, предъявлявшим территориальные требования к Северной Осетии. Кроме того, насколько мне известно, тбилисские представители пытались установить связь с карачаево-балкарскими общественно-политическими кругами, чтобы с их помощью нейтрализовать адыгскую поддержку абхазам.

Чтобы завершить эту картину кавказских взаимоотношений, сложившихся вокруг первого президента постсоветской Грузии, отмечу, что Звиад Гамсахурдиа и в собственной стране имел сильную оппозицию, противостояние с которой в декабре 1991 года переросло во внутригрузинский вооруженный конфликт. На центральных улицах Тбилиси завязались бои с применением ствольной и реактивной артиллерии. Для Джохара Дудаева такой оборот дела был неприятным сюрпризом. Он попытался примирить противников, послав специальную миссию в Тбилиси, но лидеры оппозиции отказались от чеченского посредничества. Они стремились низложить президента, а Дудаева считали его другом.

После двухнедельного сопротивления, 6 января 1992 года Гамсахурдиа оставил Тбилиси и вместе с ближайшим окружением выехал из Грузии. Вскоре он оказался в Грозном, под защитой президента Дудаева.

Грузинская оппозиция, придя к власти, пригласила в страну Эдуарда Шеварднадзе, бывшего руководителя советской Грузии, а потом министра иностранных дел СССР. Шеварднадзе возглавил временный высший орган власти – Государственный совет, сформированный невыборным путем из представителей оппозиции. Джохар Дудаев делал публичные заявления о нелегитимности Госсовета, но реально вмешаться во внутренние дела Грузии он, конечно, не мог.

Тем не менее, мощная информационная пропаганда, служившая интересам нового грузинского руководства, опасавшегося возвращения Гамсахурдиа, выставляла чеченского президента чуть ли не главным инспиратором выступлений «звиадистов» в Грузии. Характерно сатирическое стихотворение – «Что вы делали в лесах?», опубликованное в прессе в адрес действовавших в Западной Грузии вооруженных сторонников Гамсахурдиа, которое начинается так:

'Вы, выросшие в грузинской колыбели, воспитанные на поэзии Важа-Пшавелы,
Подкрались к нам с чеченским кинжалом, отточенным на чеченском яде…'[13].

Таким образом, официальная пропаганда, стараясь дискредитировать Гамсахурдиа в глазах населения Грузии, лепила образ врага в лице чеченцев, приютивших грузинских изгнанников[14].

Это процесс особенно усилился с началом войны в Абхазии. Грузино-абхазский конфликт, развивавшийся долгое время латентно, актуализировался в конце 80-х годов на фоне политических процессов, происходивших в Советском Союзе. После первого межнационального столкновения в середине июля 1989 года, жертвой которого стали 21 человек, и грузины, и абхазы реально осознали вероятность более масштабного противостояния в будущем, и каждая сторона по-своему стала принимать предупредительные меры.

Абхазы, в численном отношении значительно уступавшие грузинам даже на территории Абхазии, нашли союзников в лице этнически и культурно родственных народов Северного Кавказа. Это были в первую очередь абазины и адыги (кабардинцы, черкесы, адыгейцы), а также чеченцы и другие горские народы. В обстановке разрушающегося советского строя они стремились компенсировать свою относительную уязвимость в объединении с другими кавказскими народами, на базе панкавказской идеи. Неслучайно, что популярными тогда стали публикации о Горской республике и ее деятелях. Мы не ошибемся, если скажем, что многие горские идеологи и мыслители конца 1980-х и начала 90-х годов были не против лидерства Грузии в кавказском движении, но в Грузии тогда (как и теперь) единственным приоритетом считался западный вектор движения страны. В отличие от грузинских националистов начала XX века (К.Чолокашвили, Ш.Амиреджиби и др.), их наследники на исходе столетия явно недооценивали северокавказский фактор.

Другой путь избрало абхазское национальное движение. После начала открытой конфронтации с грузинами оно сумело ускорить процесс интеграции горских народов (точнее – народных движений, пользовавшихся тогда влиянием на Кавказе). Спустя всего месяц после июльского инцидента 25-26 августа 1989 года в Сухуми состоялся Первый съезд горцев, на котором была создана Ассамблея горских народов Кавказа. На третьем съезде, который был проведен опять-таки в Абхазии 1-3 ноября 1991 года, на базе Ассамблеи возникла уже Конфедерация горских народов Кавказа. Съезд принял также

13 *Сакартвелос Республика*. – 1992. – 12 сентября (на груз. яз.).
14 Справедливости ради надо сказать, что в определенной мере сам Гамсахурдиа способствовал формированию такого образа, когда он, еще находясь в Грузии и выступая против грузинской оппозиции, публично заявлял, что на его стороне – чеченцы и ингуши. В дни «тбилисской войны» 1991–92 гг. по городу распространились слухи, будто на проспекте Руставели, на крышах домов, рассредоточены чеченские снайперы, отстреливающие прохожих. Впрочем, никто реально не видел этих снайперов ни живыми, ни мертвыми.

решение сформировать Кавказский парламент, третейский суд, комитет обороны и другие структуры конфедерации, столицами которой были объявлены города Сухуми и Грозный.

Эти действия, не согласованные с центральной властью, в Тбилиси воспринимались весьма негативно. Постепенно окрепла мысль, что самый прямой путь для установления полной юрисдикции Грузии над автономной республикой – это акция военного устрашения. К такому решению подталкивали ускоренное принятие страны в ООН 31 июля 1992 года, еще до проведения выборов после военного переворота (дань уважения к Шеварднадзе – одному из мировых политических авторитетов того периода), и передача Россией Грузии большой партии вооружения и боевой техники, включая десятки танков и других бронированных машин.

Грузинские военные формирования в Абхазии, как уже отмечалось, столкнулись с сопротивлением абхазов. В такой обстановке распространилось заявление Конфедерации горских народов Кавказа, которая в ультимативной форме потребовала от грузинских властей вывести войска из Абхазии. В противном случае конфедераты угрожали объявить набор добровольцев и направить их в зону боевых действий. Шеварднадзе принял условия игры и заявил, что в отрядах самообороны, формирование которых началось по всей Грузии в ответ на северокавказский ультиматум, уже записались более 30 тысяч человек. Таким образом, заработал маховик войны, и Грузия больше года была втянута в вооруженный конфликт.

Помощь Конфедерации абхазам была весьма существенной. Только осенью 1992 года в Абхазию прибыло от 4-х до 7 тысяч бойцов-конфедератов, принявших непосредственное участие в боевых действиях[15]. Кроме того, по всему Северному Кавказу собирали гуманитарную помощь для отправки в Абхазию. Для немногочисленных абхазов эта была большая физическая, материальная и моральная поддержка. Вместе с другими внешними силами, помогавшими абхазам, северокавказцы внесли весомый вклад в конечный результат войны.

Вместе с тем следует отметить, что в войне 1992-1993 годов основная тяжесть борьбы легла на плечи собственно абхазов. Их формирования составляли главное ядро противоборствующих с Грузией сил. Среди погибших с абхазской стороны приблизительно составляют уроженцы Абхазии.

Говорим об этом потому, что из-за неразрешенности грузино-абхазского конфликта многие грузинские авторы игнорируют эти факты, пытаясь доказать, что война в Абхазии была инспирирована и поддерживалась главным образом внешними силами. В настоящее время, пожалуй, единственным внешним фактором считают Россию. События 92-93 годов нередко даже квалифицируют как «российско-грузинскую войну». Но историческая правда состоит в том, что ельцинская Россия дала зеленый свет грузино-абхазской войне и способствовала ее расширению, вооружая обе стороны. Однако для развертывания войны такого масштаба этого недостаточно. Нужны были еще долговременные (глубинные) причины конфликта и политическое решение применить силу (т.е. непосредственная причина). Принудить стороны к этому, помимо их воли, было за пределами возможностей высшего руководства России, только что развалившего Советский Союз. Скорее, напротив, в начальный период войны, при осложнении ситуации в Абхазии, Шеварднадзе сам апеллировал к Ельцину, надеясь на его понимание и поддежку. Лишь со временем, убедившись в неоднозначности позиции Москвы, грузинская сторона стала открыто обвинять русских в помощи абхазам. Однако, как отмечалось выше, это пришло позже, а в начале главным противником выставляли северокавказцев и, в первую очередь, чеченцев во главе с Дудаевым.

15 Генерал-майор В.А.Золотареваб (Под ред.) ‘Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века’ . Москва, 2000. С. 390.

Очень четко видна эта тенденция в политических карикатурах, регулярно публиковавшихся на страницах грузинской прессы. Например, в первые же дни после начала грузино-абхазского противостояния в газете «Сакартвелос Республика» появился карикатурный рисунок под названием: «Генерал Дудаев угрожает...». На рисунке изображена карта Грузии и чеченский президент, который огромным топором пытается отсечь от страны ее северо-западную часть – Абхазию. На лезвии топора надпись: «Союз северокавказских народов», а на длинном топорище, за которое ухватился генерал, написано «Звиад Гамсахурдиа»[16]. Таким образом, рисунок должен был доходчиво внушить читателю мысль, будто истинная причина абхазских событий – северокавказская агрессия (показав и экс-президента). Многочисленные проправительственные эксперты и политологи объясняли населению через средства массовой информации, что Абхазия нужна Дудаеву для выхода к морю. Причем открытым оставался вопрос: каким образом мятежная Чечня сумеет контролировать абхазское приморье, когда их территориально разделяют несколько субъектов Российской Федерации.

Благодаря такой информационной обработке в ситуации военных неудач и материальных лишений общественное мнение Грузии настраивалось против Чечни и Северного Кавказа в целом. Если за год-полтора до этого люди в большинстве своем с симпатией и сочувствием относились к чеченскому сецессионизму, в период (и после) Абхазской войны стало преобладать мнение, что следует поддерживать усилия России по сохранению контроля над Северным Кавказом. Подразумевалось, что взамен Россия поможет обеспечить территориальную целостность Грузии.

Подобные настроения в обществе позволили президенту Шеварднадзе сразу после окончания военных действий в Абхазии (сентябрь 1993 г.) предпринять шаги, которые, на его взгляд, должны были обеспечить возвращение утраченных в ходе войны земель. Официально сохраняя прозападный курс, грузинская дипломатия начала активно налаживать отношения с Российской Федерацией. В декларации, принятой в ноябре 1993 года на учредительном собрании правящей политической организации – Союза граждан Грузии, подчеркивалось: «Выступая за новые отношения с новой Россией, мы имеем в виду близость и взаимосвязь стратегических интересов наших стран в регионе Кавказа и Черного моря»[17].

В декабре 1993 года Грузия стала участником, а в апреле 1994 года – де-юре членом Содружества независимых государств (СНГ), от вступления в которое она раньше воздерживалась по принципиальным соображениям. В феврале 1994 года был подписан российско-грузинский договор о сотрудничестве в военной области, а в 1995 году между правительствами двух стран было подписано соглашение о росийских военных базах на территории Грузии.

В новом ракурсе русско-грузинских отношений Северному Кавказу отводилось важное место. Грузинское руководство стремилось нейтрализовать кавказский фактор в случае новой войны в Абхазии и убедить Москву в пагубности всякого сепаратизма. Поэтому в начале Первой Чеченской войны (декабрь 1994 г.) шеварднадзевская Грузия оказалась, пожалуй, единственной страной, открыто поддержавшей этот губительный шаг.

Тем не менее ситуация вокруг Абхазии продолжала оставаться серьезной проблемой для официального Тбилиси, которую Россия не могла или не хотела разрешить. Она увязла в Чечне, завершив первую военную кампанию хасавюртовским соглашением (31 августа 1996 г.). Это – период новой перемены в позиции высшего руководства Грузии по вопросу об общем курсе политики относительно России и Чеченской республики. На фоне ухудшающихся российско-грузинских отношений начинается сближение Грузии с Чечней, многозначительным подтверждением чего служит двухдневный визит в Тбилиси чеченского президента Аслана Масхадова, которого принимали практически, как главу суверенного государства (сентябрь 2009 г.). Показательно, что по заявлению председателя

16 *Сакартвелос Республика*. – 1992. – 18 августа (на груз. яз.).
17 *Свободная Грузия*. – 1993. – 26 ноября.

парламента Грузии З. Жвания, встреча президентов Грузии и Чечни знаменовала новый этап урегулирования конфликта в Абхазии. В парламентских кулуарах утверждали, что у Чечни есть свой план, способный позитивно повлиять на решение этой проблемы[18].

После начала Второй Русско-чеченской войны (1 октября 1999 г.) грузинское правительство отвергло российское предложение развернуть на грузинской территории, примыкающей к Чечне, подразделения федеральной пограничной службы (практика, апробированная в ходе первой чеченской кампании)[19] и широко открыло ворота для чеченских беженцев. В Грузии, в первую очередь – в Панкисском ущелье, а также в Тбилиси появились колонии мирных чеченских беженцев. Кроме того, средства массовой информации сообщали о базировании в панкисских лесах формирований чеченских боевиков. Последний факт вызывал резкие протесты российской стороны; «неопознанные» самолеты сбрасывали бомбы на Панкиси. В такой обстановке грузинские власти решились на бессмысленный шаг, перебросив в Абхазию отряд чеченского полевого командира Р. Гелаева. Результатом были бои в Кодорском ущелье, принесшие потери обеим сторонам (октябрь 2001 г.). Гелаевцы были вынуждены вернуться назад.

Кодорская авантюра имела негативный отклик в грузинском обществе, уже тяготившимся правлением Шеварднадзе. С резким осуждением этого акта выступила группа представителей гражданского движения, в заявлении которой подчеркивалось, что «втягивание чеченцев в грузино-абхазский конфликт принесет новые несчастья чеченскому народу и усугубит общекавказский кризис»[20].

Несмотря на серьезное ухудшение российско-грузинских отношений во второй половине 1990-х годов и укрепление чечено-грузинских связей, Шеварднадзе так и не смог до конца скорректировать свою позицию в этом вопросе. Его целью была Абхазия, ради которой он вел игру на Северном Кавказе. К тому же он, как бывший член Политбюро Коммунистической партии Советского Союза, предпочитал иметь дело с высшими должностными лицами России и через Москву решать проблемные вопросы. Поэтому когда возникла надежда, что абхазский вопрос можно разрешить с помощью президента Путина, Шеварднадзе пошел на шаг, противоречащий кавказским традициям. Накануне встречи с Путиным на Саммите глав государств СНГ в Кишиневе (октябрь 2002 года), он выдал Российской стороне 5 бойцов чеченского сопротивления, искавших убежища на грузинской территории. Причем этому факту была дана широкая огласка в средствах массовой информации[21]. Несомненно, что это решение было продиктовано целью создать благоприятный фон для переговоров. Президент Грузии не поднимал на саммите и вопрос о российских базах в Грузии, вывода которых уже несколько лет добивалась грузинская сторона. Но, несмотря на многообещающую встречу с российским президентом (Шеварднадзе даже назвал ее исторической[22]), ситуация вокруг Абхазии оставалась неизменной.

Дальнейшая актуализация северокавказского фактора для Грузии связана уже с современным периодом и является следствием августовской войны 2008 года. Однако этот вопрос не относится к теме настоящей статьи.

18 . – 1997. – 2 сентября.
19 Белов О.А. 'Пограничное сотрудничество между российской федерацией и Грузией // Грузия: Проблемы и перспективы развития'. Т. 2. Москва, 2002. С. 24.
20 По поводу обострения грузино-абхазского конфликта // *Кавказский акцент*. – 2001. – 16-31 октября; Анчабадзе Г.З. *Вопросы грузино-абхазских взаимоотношений*. Тбилиси, 2006. С. 164-165.
21 По некоторым сведениям, были отдельные случаи и негласной выдачи людей.
22 'Путин и Шеварднадзе провели историческую встречу в Кишиневе и остались довольны' http://lenta.ru/vojna/2002/10/07/summit/

Северный Кавказ: динамика политических и социальных процессов и их значение для Грузии

ГЕОРГИЙ ГВИМРАДЗЕ

Введение

Практически за весь период после распада Советского Союза бурные процессы, происходящие на Северном Кавказе, привлекали внимание международного экспертного сообщества, а также политических кругов многих стран. Многие считают, что на Северном Кавказе возникла экзистенциальная проблема для Российской Федерации, и в условиях сохранения наблюдаемых опасных тенденций нынешние события могут привести к развалу России[23]. Вместе с тем, другая группа аналитиков придерживается мнения, что если России и суждено развалиться, то первоочередной причиной этого не станут происходящие на Северном Кавказе процессы[24]. Тем не менее, в принципе все согласны с тем, что Северный Кавказ представляет собой весьма важную и чуть не самую главную проблему для российской государственности. В силу того, что процессы на Северном Кавказе и их дальнейшее развитие оказывают важное влияние на весь кавказский регион, вполне объяснимо, почему они попадают в сферу интересов грузинских экспертов и политического истэблишмента.

Главный вопрос, который волнует всех, состоит в следующем: что на самом деле происходит на Северном Кавказе и какова динамика происходящего, чем все может завершиться? Однозначный ответ на данный вопрос, особенно на его последнюю часть, еще не найден, существуют лишь различные сценарии. На сегодняшний день аналитики и даже политики предлагают два главных сценария развития "Северо-Кавказского федерального округа" (СКФО) – инерционный и оптимистический. Инерционный также называют негативным из-за того, что происходящее сегодня на Северном Кавказе при сохранении нынешней динамики ни к чему доброму привести не может[25]. Еще один сценарий предлагается в официальной стратегии социально-экономического развития региона – так называемый «базовый». Однако в силу того, что по своим конечным результатам он мало чем отличается от инерционного сценария, в аналитических кругах его в отдельный класс не выделяют. В самой стратегии оптимистический сценарий именуется «оптимальным», то есть не только реалистичным, но и наилучшим[26].

Время с необходимостью требует постижения специфики Северного Кавказа. Нужно во всей полноте осмыслить общие и специфические черты, характерные для региона на протяжении уже нескольких веков. Не менее важно знать и оценивать то новое, которое сегодня уже становится одним из самых главных факторов на Северном Кавказе. Речь идет о проявлениях радикального ислама. Конечно, сам по себе ислам на Кавказе не новость, тем более, на севере Кавказского хребта, однако следует признать, что его радикальная форма, которая постепенно начинает диктовать повестку дня на юге России, до распада советского государства не наблюдалась или, по крайней мере, не была активной.

23 Jihad in Caucasus Threatens the Existence of Russia, Confirms Obama's State Dept. *Department of monitoring, Kavkaz Center*, http://www.kavkazcenter.com/eng/content/2011/08/19/15002.shtml

24 А. Малашенко: "Losing the Caucasus", Carnegie Moscow Briefing Paper, August 2009 http://www.carnegie.ru/publications/?fa=23877&zoom_highlight=losing+the+caucasus

25 А. Малашенко «2020 год – последний шанс для Северного Кавказа?», PROETCONTRA, том 14, №4-5, июль-октябрь 2010 г. http://carnegie.ru/proEtContra/?fa=42252

26 «Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 г». 6 сентября 2010 г. Ст.53 http://government.ru/gov/results/12423/; www.government.ru/media/2010/10/4/35578/file/1485.doc

Общий обзор ситуации на Северном Кавказе

Несмотря на всю противоречивость исторического процесса за последние два столетия, сегодня Северный Кавказ политически и экономически остается неотъемлемой частью Российской Федерации. Регион занимает 2,1% территории России, но при этом здесь проживает 11,8% общего населения страны. В тоже время, начиная с 70-х годов прошлого века, в регионе наблюдается сокращение славянского населения. По официальным данным, уже к 2002 году русскоязычное население в Чечне не превышало 7%. В соседней Ингушетии этот показатель равнялся 23%, тогда как еще в 1989 г. в единой Чечено-Ингушской республике доля славян составляла 43%[27]. Более того, в результате всех войн, ксенофобии и сложного социально-экономического положения в Чечне, по неофициальным данным, славян осталось всего 1%[28]. Сложное социально-экономическое положение не помешало региону быть лидером по всей Российской Федерации в плане рождаемости, однако, с другой стороны, он лидирует и по уровню смертности среди новорожденных. Все это указывает на низкий уровень социального развития. Регион напрямую зависит от федеральных субсидий, объем которых постоянно растет. Так, в 2010 году только на преодоление безработицы из федерального бюджета было выделено 8,5 млрд. рублей, что на 13% превышает аналогичный показатель 2009 года[29]. Тем не менее, по сравнению с остальными регионами России Северный Кавказ находится в крайне тяжелом состоянии из-за нескончаемых войн, насилия, коррупции, огромной доли «теневой» экономики, безработицы и т.д. ВВП на душу населения на Северном Кавказе существенно отличается от общероссийского показателя. «В Адыгее и Карачаево-Черкесии он достигает 40%, в Кабардино-Балкарии – 35-37%, а в Ингушетии – всего 20% от среднероссийского уровня»[30].

По этническому составу регион весьма разнообразен. Только в Дагестане проживают десятки различных этнических групп, к тому же здесь существуют проблемы в плане административно-территориального деления, что наряду с другими причинами создает почву для межэтнических и межклановых конфликтов, нацеленных на «восстановление справедливости в распределении территории», но и не только.

В целом регион характеризуется повышенной нестабильностью. Однако по степени нестабильности его западная и восточная части отличаются – в последней гораздо более неспокойно. На востоке выше уровень насилия и исламизации, что проявляется в клерикализации и радикализации общества. Таким образом, существуют нестабильные и более нестабильные части Северного Кавказа[31].

Ситуацию на Северном Кавказе осложняет и историческая память. Правда, тот факт, что завоевание Кавказа Российской империей было жестоким процессом, в особых доказательствах не нуждается, но, тем не менее, все-таки отметим, что по разным данным только из западной части Северного Кавказа было выселено около 400 тыс. человек[32]. В ходе Кавказской войны были уничтожены целые аулы и села. По мнению некоторых исследователей, вследствие кровавой кампании за пределами родины живут 90% представителей черкесских этносов[33].

27 C.W. Blandy. *Caucasus Series – North Caucasus: Negative Trends*, Defence Academy of the United Kingdom, Research & Assessment Branch, October 2009. Доступно на http://www.da.mod.uk/colleges/arag/document-listings/caucasus/

28 Paul Goble: 'Mass Exodus' of Russians from North Caucasus Threatens Russian Federation's Existence', - Scholar", http://georgiandaily.com/index.php?option=com_content&task=view&id=18051&Itemid=134

29 Сергей Рудковский: «Северный Кавказ в 2010 году получит 8,5 млрд. рублей на борьбу с безработицей». http://ria.ru/economy/20100415/222618197.html

30 Сергей Маркедонов. Безопасность России на Северном Кавказе после признания Абхазии и Южной Осетии. http://www.apn.ru/publications/print20722.htm

31 A. Malashenko: "Losing the Caucasus", Carnegie Moscow Briefing Paper, August 2009 http://www.carnegie.ru/publications/?fa=23877&zoom_highlight=losing+the+caucasus

32 Авраам Шмулевич: Кровь Красной Поляны. Окончательное решение черкесского вопроса.http://www.apn.ru/publications/article20237.htm

33 14 Reasons for Opposing Sochi 2014. http://nosochi2014.com/campaign/14-reasons-for-opposing-sochi-2014.php

Во время Советского Союза было выселено около 500 тыс. вайнахов в Центральную Азию[34]. Но, думается, наибольшей болью осели в исторической памяти северокавказцев методы угнетения, тем более, что и нынешние методы по своей жестокости не только не уступают, но подчас даже превосходят преступные методы имперской России и советской власти. Во время двух войн в Чечне по разным оценкам погибло около 160 тыс. человек, причем большинство из них гражданское население[35]. До последнего времени пропавшими без вести считаются более 2 тыс. человек. Много говорится о причастности силовых структур к исчезновению людей. По словам уполномоченного по правам человека в РФ Владимира Лукина «методы борьбы с преступностью страшнее, чем сами преступления»[36].

Что обусловливает нестабильность на Северном Кавказе? Основными факторами считаются терроризм и высокий уровень исламизации. Ниже мы вкратце рассмотрим эти факторы. Но самое главное – это реакция федерального центра на происходящее в регионе. Главный повод для беспокойства – формы и масштабы этой реакции, практически – войны, а также неопределенность исхода боевых действий. Все это превращает регион в одну из «горячих точек» мира. Именно это и выделяет Северный Кавказ от остальной части РФ, определяя повышенный интерес к нему со стороны мирового сообщества.

Терроризм

Известные террористические акты сентября 2001 г. в США стали своего рода вехой: властям России представилась превосходная возможность переименовать северокавказских повстанцев в террористов, постепенно все более интенсивно используя этот термин. В результате Доку Умаров «открыл счет» северокавказцев, внесенных Госдепартаментом США в список международных террористов[37]. В свою очередь, и сами повстанцы, объявив о создании «Имарат Кавказа» («Кавказский Эмират») и провозгласив своей идеологией ислам в его самом радикальном проявлении, сами приписали себя к вышеупомянутому списку. Таким образом, итогом всей этой кампании, построенной на трагедии 11 сентября 2011 года, стало то, что сегодня повстанцы, которых с конца 90-х годов до начала 2000-х именовали «борцами за свободу»[38] и которые, тем самым, вызывали сочувствие и солидарность, были переименованы в террористов. Справедливость требует признать и тот факт, что подобная квалификация не совсем беспочвенна.

За последние годы наблюдается рост террористической активности. Взрывы в московском метро и аэропорту трудно назвать рядовой деятельностью «комбатантов», не говоря о Бесланской трагедии. По оценкам Центра стратегических и международных исследований (США), статистика насилия в регионе продолжает расти. Увеличилось число террористов-смертников, все интенсивнее стал применяться «пояс шахида»[39]. Примечательно, что наряду с количественным ростом наблюдаются и качественные изменения – увеличивается масштабность планирования и осуществления самоподрывов. За весь период с 1 января 2008 г. по 30 апреля 2010 г. было совершено 27 самоподрывов[40], причем тенденция роста сохраняется. Так, всего лишь за последние восемь месяцев, включая август 2011 г., было совершено 12 самоподрывов, жертвой которых стали 63 человека[41].

34 Депортация чеченцев и ингушей 23 февраля 1944 года http://www.elbrusoid.org/articles/neighbours/359401/?sphrase_id=5488
35 Russia: Chechen Official Puts War Death Toll At 160,000 http://www.rferl.org/content/article/1060708.html
36 Генпрокуратура по СКФО: в регионе не раскрыто более 2000 случаев исчезновений людей. http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/186610/
37 E. Barry. 'US Declares Chechen Militant a Terrorist', *The New York Times*, 24th June 2010. Доступно (на английском) на http://www.nytimes.com/2010/06/25/world/europe/25moscow.html?_r=1
38 T. Parfitt. 'Trouble in the North Caucasus', *The Guardian*, 22nd June 2009. Доступно (на английском) на http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2009/jun/22/ingushetia-president-assassination-caucasus
39 *Violence in the North Caucasus – Summer 2010: Not Just a Chechen Conflict*, Center for Strategic and International Studies, Russian and Eurasia Program, 2010. Доступно на английском, на http://csis.org/publication/violence-north-caucasus-7
40 *Violence in the North Caucasus – Spring 2010: On the rise, again?,* Center for Strategic and International Studies, Human Rights and Security Initiative, 2010. Доступно на английском, на http://csis.org/publication/violence-north-caucasus-6
41 64 человека погибли в Москве и на Северном Кавказе в 2011 году в результате самоподрывов смертников. http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/191734/

Положение отягощается еще и тем, что, как бы ни пытались власти Российской Федерации объявить терроризм «импортируемым», привнесенным извне продуктом, ядро терроризма, как и его причины, находятся внутри страны, будучи тесно связаны с социально-политическими проблемами как региона, так и федерации в целом[42]. Нужно добавить также, что активность повстанцев уже давно вышла за пределы одной республики – Чечни, распространившись за последнее время в пределах всего северокавказского региона. На сегодняшний день Россия по количеству террористических актов лидирует в Европе, занимая также по этому показателю одну из передовых позиций по всему миру. Из 14 самых громких террористических актов в мире 4 приходятся на РФ[43].

Таким образом, терроризм объективно становится одним из самых серьезных вызовов для всей Российской Федерации.

Исламизация

Распад Советского Союза и одно из его последствий – освобождение постсоветского общества от навязанного государством атеизма – способствовали росту заинтересованности религией со стороны населения республик бывшего СССР. В отдельных постсоветских странах и регионах произошло повышение уровня клерикализации общества. Не стал исключением и Северный Кавказ; более того, регион стал лидером среди клерикальных и традиционных обществ на постсоветском пространстве. На сегодняшний день радикальный ислам в регионе продолжает набирать силу и популярность среди населения, особенно среди молодежи.

Террористы-повстанцы проповедуют идеологию «чистого ислама», именуемого «вахабизмом», ставя себе целью создание исламского государства в виде упомянутого «Имарата Кавказа». В этой связи возникает один из самых важных вопросов: ислам – это цель или средство достижения цели?

С одной стороны, исходя из декларированной позиции повстанцев – объявление ислама главной идеологией и создание исламского государства, ислам является целью. Но, с другой стороны, учитывая существующие внутренние противоречия между северокавказцами, текущий процесс трансформации этнического сепаратизма (который правил сецессионным процессом после распада СССР до середины 2000-х годов) в религиозный, можно предположить, что ислам все еще остается средством достижения цели. Однако, как отмечают многие аналитики, ислам в перспективе сам может стать целью[44]. Такой расклад еще больше осложняет ситуацию: непонятной становится реальная мотивация повстанцев, тем более в условиях отсутствия политической воли на осмысление этой мотивации и адекватного ответа на нее как со стороны федеральной, так и местной властей.

Среди повстанцев далеко не все имеют надлежащие теологические знания о самом исламе, что указывает на то, что ислам все еще не стал целью. Много говорится о том, что сам Доку Умаров в своих обращениях допускает немало ошибок по отношению к «чистому исламу», что среди повстанцев мало кто разбирается в теологии ислама[45]. Хотя, надо отметить и то, что идеологию «Имарата Кавказа» определяют именно такие люди, каким был, например, Саид Бурятский, получивший фундаментальное теологическое образование в арабских странах. Ныне покойного Саида Бурятского всегда называли идеологом исламского радикализма, как представители силовых структур, так и сами повстанцы[46].

42 Мария Липман: «Радикальный ислам, взлелеянный Россией». http://carnegie.ru/publications/?fa=40620
43 CHRONOLOGY: Major terrorist attacks since September 11, 2001. Aug 22, 2011, 1:01 GMT. http://www.monstersandcritics.com/news/usa/news/article_1658256.php/CHRONOLOGY-Major-terrorist-attacks-since-September-11-2001
44 Р. Курбанов «А. Малашенко: Нельзя управлять Кавказом, игнорируя шариат». *Настоящее Время* 27.04.2009 г. Доступно на http://gazeta-nv.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1993&Itemid=216
45 Sergey Markedonov: “Radical Islam in the North Caucasus” Доступно на английском на http://csis.org/publication/radical-islam-north-caucasus
46 Малашенко: в лице Саида Бурятского вооруженное подполье на Кавказе понесло большой ущерб. март 08, 2010.http://www.m.kavkaz-uzel.ru/articles/164068

Следующий вопрос касается двух противостоящих направлений исламизации региона. Одна сторона – повстанцы, как уже отмечалось, пытается распространить «салафизм» (более известный как «вахабизм»), а другая – в данном случае власти отдельных республик (например, глава Чеченской республики Рамзан Кадыров) – лоббирует традиционную ветвь ислама. По оценкам некоторых экспертов, центральная власть Российской Федерации также поддерживает традиционный ислам[47].

Наблюдая за происходящим и учитывая специфику Северного Кавказа, с большой вероятностью можно предвидеть дальнейшее обострение отношений между этими двумя деноминациями ислама. Тем более, что уже с середины 90-х годов наблюдается крайняя напряженность между ними, нередко доходящая до нападений на мечети и покушений на жизнь отдельных религиозных лидеров со стороны радикалов. На первый взгляд поддержка традиционного ислама со стороны центральной власти логична, поскольку «суфизм» противопоставляет себя радикалам; в случае усиления его позиций он может вытеснить «салафизм». Но здесь следует учитывать и то, что радикалы прекрасно знают, как вести себя в условиях силового наступления, а инстинкт самосохранения придает их действиям более радикальный характер. Кроме этого, их позиции усиливаются за счет растущей популярности повстанцев среди населения. Сторонники проекта «Имарат Кавказа» противопоставляют себя не только федеральной власти, но и местной, которая глубоко вовлечена в разного рода криминальную деятельность, вследствие чего становится неприемлемой для обывателя, тогда как повстанцы не опускаются до мелкого криминала.

В связи с этим очень интересную мысль предлагает эксперт Московского центра Карнеги А. Малашенко, который считает, что выход – не в поддержке одной из ветвей ислама, а в переносе этого конфликта в теологическую призму. Имеется в виду стимулирование диспутов теологического характера между разными ветвями ислама с тем, чтобы подчеркнуть, что не все так называемые «ваххабиты» настроены радикально. Следует также отметить, что, по мнению ряда экспертов, полная деполитизация ислама невозможна в силу того, что в самой сути этой религии заложен политический характер[48].

Сепаратизм

Конфликт на Северном Кавказе продолжается на протяжении более 200 лет. До сегодняшнего дня не удается назвать одну конкретную причину, которая движет центробежными процессами в регионе. В тоже время трудно найти ответ и на вопрос о том, существует ли здесь сегодня настоящий сепаратизм или осталось только лишь желание быть «самостоятельным» членом РФ, т.е. вести себя по своему усмотрению, но при этом получая федеральные дотации центра.

Как уже отмечалось выше, этнический сепаратизм претерпевает процесс трансформации. Многие эксперты утверждают, что реального желания отсоединиться от РФ на этнической почве на Северном Кавказе нет[49], поскольку всем понятно, что ресурсов для независимости не существует. Но другая часть аналитиков полагает, что этнический сепаратизм в самом регионе утратил организованную форму. Бывшим борцам за национальную независимость приходится либо идти в лес и становиться религиозными экстремистами, либо покинуть страну и найти политическое убежище за границей[50]. Так или иначе, сегодня самой главной, а может даже и единственной силой внутри региона, провозглашающей идею сепарации, является «Имарат Кавказ». Но и здесь проблема состоит в том, что неизвестна реальная мотивация и конечная цель его сторонников. Декларированная цель – создание исламского государства на территории всего Северного Кавказа на принципах шариата – не реализуема, причем федеральный центр – не единственная и, быть может, даже не самая главная помеха

47 А. Малашенко: «2020 год – последний шанс для Северного Кавказа?», PROETCONTRA, Том 14, N4-5 июль-октябрь 2010 г. http://carnegie.ru/proEtContra/?fa=42252

48 А. Малашенко: «2020 год – последний шанс для Северного Кавказа?», PROETCONTRA, Том 14, N4-5 июль-октябрь 2010 г. http://carnegie.ru/proEtContra/?fa=42252

49 «Внутреннее зарубежье России» - интервью с А. Малашенко. http://www.zn.ua/1000/1600/67156/

50 Интервью автора с экспертом фонда «Джеймстаун», Маербеком Вачагаевым.

в достижении этой цели. Несмотря на то, что идея правления на основании принципов шариата популярна и среди представителей традиционной ветви ислама, разногласия между «салафитами-вахабитами» и вышеупомянутыми традиционалистами настолько глубоки, что для их преодоления потребуется не один год. Кроме этого, не весь Северный Кавказ – мусульманский, и, что не менее важно, не все мусульмане ратуют за создание клерикального общества.

Другая сепаратистская сила – это северокавказская диаспора, в первую очередь – черкесская, декларирующая в качестве конечной цели создание светского государства на территории бывшей Черкесии. Иными словами, речь идет об объединении Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи. Таким образом, наблюдается противопоставление по меньшей мере двух сепаратистских проектов. Один из них существует в самом регионе, и о возможности его реализации уже упоминалось выше. Другой проект находится за пределами региона. Черкесы основывают свой проект на расчете будущего неминуемого распада России, чем они собираются воспользоваться для объединения черкесских земель и создания единого черкесского государства на принципах гражданской нации. Но карачаевцы и балкарцы более склонны к «Имарату», тем более, что последние, в отличие от черкесов, имеют тюркское происхождение, что, в свою очередь, является причиной антагонизма между ними и еще одним препятствием на пути реализации проекта «единой Черкесии».

Таким образом, два вышеупомянутых сепаратистских проекта являются, по сути, взаимоисключающими, что ставит под вопрос реализацию любого из них. Кроме этого, у черкесского проекта есть и другие проблемы. Прежде всего, в ближайшем будущем рассчитывать на распад России нереально. Но даже если это произойдет, возникнут проблемы между двумя общинами, которые должны будут совместно проживать в новом государстве. Дело в том, что если для представителей черкесской диаспоры, вернувшихся из стран Запада и привыкших к европейским или американским нормам и стандартам общественных отношений, будут понятны достоинства светского государства и гражданской нации, то неизвестно, насколько окажутся готовы к этому проживающие сейчас на Северном Кавказе черкесы. Другой вопрос, готовы ли представители диаспоры оставить обустроенную жизнь на Западе и вернуться в построссийскую Черкесию, не говоря уже о Черкесии в составе РФ, чтобы реализовать свой проект?

Здесь следует отметить, что калькирование западных подходов на Кавказе, без подготовки соответствующей почвы и прохождения обязательных исторических этапов развития, невозможно. Примером тому – опыт Грузии, которая уже 20 лет никак не может построить реальное светское общество и гражданскую нацию.

Политика (реакция) федерального центра

Политику Кремля в отношении северокавказского региона за последние 20 лет в целом можно считать ошибочной. Остается множество проблем, которые не удалось решить до сегодняшнего дня; более того, многие проблемы продолжают углубляться. Невзирая на две войны и неоднократно декларированную победу над террористами, Кремль не сумел достичь стабильности в регионе. В процессе налаживания ситуации в Чечне власти «упустили из виду» распространение проблем на соседние республики – на Дагестан, Ингушетию, а теперь уже и на Кабардино-Балкарию. В той же Чечне все еще остается немало проблем, о чем свидетельствуют известные факты печальных событий в Грозном, когда накануне «урузбайрама» 30 августа 2011 г. трое молодых людей взорвали себя[51].

51 Следствие назвало взрывы в столице Чечни терактом. Кавказский Узел. Авг. 31, 2011 г. http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/191746/

Большой ошибкой считается персонификация региональной политики. Кремль рассчитывает на лояльность отдельных лидеров за счет высоких дотаций из федерального бюджета и невмешательства во внутренние дела. Пользуясь этим, местные власти не отчитываются перед собственным населением, что увеличивает недовольство среди простых жителей региона, чем и объясняется возрастающая популярность повстанцев среди молодежи.

Как уже отмечалось, не удается решить вопрос терроризма. Тут своеобразной проблемой является отношение к террористам, их восприятие, причем это не только российская специфика. А. Малашенко считает, что исламский радикализм – «результат многочисленных ошибок, совершенных политиками – мусульманскими, европейскими, американскими, российскими»[52]. Восприятие террористов во всем мире, естественно, негативное, но, тем не менее, это не означает, что не нужно пытаться понять их реальную мотивацию, тем более на Северном Кавказе. Российское общество забывает, что террористы-смертники – тоже граждане РФ, а их даже не относят к числу погибших во время террористических актов. Разумеется, невозможно требовать сочувствия к ним, но попытаться понять, что заставляет фактически девочек и мальчиков самоподрываться, нужно. По мнению вышеупомянутого эксперта, уже пора признать существование в регионе исламской оппозиции и начать с ней переговорный процесс[53].

Серьезной проблемой остается также то, что федеральный центр не признает собственных ошибок, а ведь это могло бы стать первым позитивным шагом на пути преодоления региональных проблем. Нежелание усмотреть свою вину в происходящем толкает федеральные власти на поиск причин проблем Северного Кавказа вне региона. На протяжении последних двух десятилетий причины северокавказских проблем объяснялись центральной властью исключительно «импортом» терроризма и насилия из зарубежья. Такая постановка вопроса была выгодна и для местных правителей. Выискивались разные государства – как западные, так и ближневосточные, якобы поддерживающие повстанцев в их борьбе за независимость. Более того, даже сами сецессионные идеи считались привнесенными из-за рубежа. В настоящее время наблюдается частичное изменение подхода. В частности, за последние два года главной проблемой объявлена социально-экономическая ситуация, которая заставляет молодежь идти в лес. Такой подход можно было бы считать позитивным, если бы не одна важная деталь. Центральные власти пытаются найти причины этих проблем в этнопсихологической и культурной специфике самого региона. Суть этого подхода основывается на посылке о том, что кавказцы – коррумпированы и вовлечены в разного рода криминальную деятельность. Наглядное свидетельство тому – понятие «лицо кавказской национальности» с исключительно негативным содержанием, возникшее отнюдь не случайно и не без помощи властей.

Подобный настрой, который к тому же тиражируется, в свою очередь, плохо влияет на восприятие Северного Кавказа населением остальной части РФ. Все меньше людей считает этот южный регион федерации частью России, а северокавказцы воспринимаются как преступники, бандиты, чужаки. Люди с трудом верят, что когда-нибудь удастся решить проблемы Северного Кавказа[54]. Слышатся и призывы уйти с региона, не давать дотаций и оставить деньги для решения собственных социальных проблем. В связи с этим ряд экспертов ставит морально-риторический вопрос – зашли, перевернули там все вверх-дном, а теперь оставить регион с теми проблемами, которые могут погубить его?![55]

Отмечается, что конфликт на Северном Кавказе входит в интересы отдельных представителей как местной, так и федеральной властей. Нынешний премьер В. Путин, еще будучи

52 А. Малашенко: «2020 год – последний шанс для Северного Кавказа?», PROETCONTRA, Том 14, N4-5 июль-октябрь 2010 г. http://carnegie.ru/proEtContra/?fa=42252
53 Там же.
54 Итоги второй чеченской войны в общественном мнении россиян. 06.10.2010. http://www.levada.ru/press/2010100602.html
55 Кавказ: в плену коррупции или сепаратизма? Интервью с А. Малашенко и А. Булатовым. 05.07.2009. Эхо Москвы. http://www.echo.msk.ru/programs/smoke/602925-echo/

кандидатом в президенты, в своей предвыборной кампании позиционировал себя как человек, знающий пути решения кавказской проблемы. Решение северокавказских проблем занимает главное место и в повестке дня президента Д. Медведева, по крайней мере – декларативно. Разумеется, первые лица федерации должны стремиться к изменению настоящего статус-кво, которое по инерции движется к резкому обострению: коль скоро полностью потушить конфликт на Северном Кавказе не удается, им нужно хотя бы трансформировать его либо в локальный (внутри региона), либо придать ему более цивилизованную форму политического соперничества. С этой целью (перенесения проблемы на локальный уровень) выделяются огромные дотации (помимо того, что покупается лояльность местных элит). Тем самым центральные власти стремятся продемонстрировать адекватность своих действий, показать, что основная проблема находится на местном уровне, а потому все претензии должны предъявляться местным властям.

Хорошо известно, что как на локальном, так и на федеральном уровнях существуют отдельные структуры и чиновники, которым очень выгоден конфликт на Северном Кавказе. Федеральные силовые структуры могут объяснить свое присутствие в регионе затянувшимся конфликтом, получая, как минимум, высокое финансирование из федерального бюджета, не говоря уже об участии в доходных криминальных делах. Наличие конфликта используется в качестве повода отдельными лидерами республик для применения силовых методов в борьбе с «бандитизмом» и «терроризмом». Ведь не будь конфликта, Кремлю не приходилось бы покупать их лояльность, по крайней мере – за такие большие деньги.

Несмотря на ошибочную в целом политику Кремля, надо отметить и то, что центральные власти сумели достичь относительного прогресса в определенных направлениях. Например, можно считать успехом то, что удалось маргинализировать повстанцев в восприятии международного сообщества. Как уже отмечалось выше, за рубежом, особенно на Западе, их больше не называют борцами за независимость. Вместо этого они постепенно становятся частью глобального терроризма. Другой вопрос – насколько такое восприятие объективно, достаточно ли наличия отдельных выходцев из арабских стран, воюющих на стороне северокавказских боевиков, для того, чтобы назвать «международной» деятельность, которая никогда не выходила за пределы одного государства, а ее лидера – «международным террористом»?

Успехом считается также завершение второй чеченской войны. Тем не менее, эксперты не уверены, что эту войну можно считать завершенной, затрудняясь назвать конкретный факт или дату завершения войны. Но даже если считать кровавый конфликт завершенным, нельзя не отметить, что успех был обеспечен не благодаря эффективным «антитеррористическим операциям», а за счет достигнутого раскола среди самих боевиков. В итоге в Чечне правит неподконтрольный Кремлю Кадыров, которому, в свою очередь, противостоит вооруженная оппозиция. Ситуация, тем самым, складывается весьма непредсказуемая.

Следует отметить, что конкретные назначения отдельных лиц на высокие должности в северокавказских республиках повлияли относительно положительно на общую ситуацию на местах, особенно в плане улучшения инфраструктуры. Примером этого является реконструкция г. Грозного и недавнее объявление о завершении реабилитации г. Аргун[56]. Но очевидно и то, что этого явно недостаточно. Более того, неподотчетность местных правителей перед собственным населением, а также высокий уровень коррупции и других видов криминальной деятельности делает достигнутую «стабильность» весьма хрупкой.

Удалось достичь упразднения организованной формы этнического сепаратизма: как уже отмечалось, этнический сепаратизм трансформируется в религиозный. Активистам сецессионного движения пришлось либо покинуть регион, либо идти в лес.

56 На открытие «города будущего» Аргуна Рамзан Кадыров прикатил ...на велосипеде. http://www.kp.ru/daily/25743/2731865/

Немаловажным является и вопрос наличия у Кремля дополнительных ресурсов для урегулирования проблем Северного Кавказа. На сегодняшний день единственным, но весьма важным, действенным ресурсом являются дотации, выделяемые из федерального бюджета. Но побочную проблему в этом случае создает нецелевая трата этих денег и высокий уровень коррупции. Тот факт, что здесь коррупция высока даже по сравнению с остальной частью страны, отметил и президент Д. Медведев, назвав уровень коррупции на Северном Кавказе «запредельным».

Потенциальным ресурсом внесения позитива в процесс можно считать также академическое изучение региона. Немало российских экспертов имеют доскональные знания о проблемах Северного Кавказа. Они участвуют в проводимых различными зарубежными центрами конференциях, пишутся статьи, проводятся исследования, накапливается основательные знания о регионе. Это действительно важный ресурс, но он все еще мало востребован российскими властями.

В заключение отметим, что реализация оптимистического сценария, предполагающего преодоление существующих социально-экономических проблем и установление долгосрочного мира, представляется маловероятной. Производимые денежные вливания в экономику региона недостаточны для устранения коренных причин нестабильности. Межэтнические и межконфессиональные конфликты будут обостряться и впредь, причем с одновременным нарастанием противостояния федеральному центру.

Выводы для Грузии

Вышеприведенный анализ свидетельствует, что сложившаяся ситуация не может не вызывать определенные опасения среди грузинской политической и интеллектуальной элиты и общества в целом. Дальнейшее обострение ситуации на северной границе никак не входит в интересы грузинского государства. Тем не менее, активность грузинских властей за последние два года представляется рискованной. Власти Грузии пытаются «ответить» на проводимую за последние 20 лет российскую политику чуть ли не аналогичными методами. После распада Советского Союза Россия неоднократно использовала северокавказский фактор против Грузии. В этой связи нельзя не вспомнить статью К. Затулина и А. Мигранян «СНГ: начало или конец истории. К смене вех», в которой предлагается стратегия реинтеграции постсоветского пространства[57] и которая во многом помогает осмыслить логику действий российских властей. С другой стороны, попытки грузинских властей «выстроить отношения с отдельными этническими группами российского Северного Кавказа» расцениваются авторитетными авторами, как дополнительный фактор дестабилизации в регионе, наряду с пребыванием российских баз на территории Абхазии и Южной Осетии[58]. Таким образом, использование фактора

57 «России придется активно способствовать ослаблению позиции антироссийски настроенных сил в Азербай¬джане и Грузии и одновременно демонстративно усилить свое экономическое и военно-политическое при¬сутствие в Армении, пока Запад и соседние с Арменией страны не нашли средств для переориентации Армении на страны Запада (спекуляции вокруг послевыборных внутриполитических проблем в Армении показывают, что такой поиск начался). Следует незамедлительно снять блокаду с Абхазии (это важно еще и во внутриполитических целях: нужно найти стимулы к недопущению объединения российского Северного Кавказа на прочеченских основаниях. Учитывая, что чеченское руководство уже пришло к необходимости особых отношений с Грузией – единственным внешним пограничьем Чечни – снятие блокады с Абхазии, а затем меры по ее экономическому возрождению позволят объединить весь невайнахский Северный Кавказ вокруг целей российской политики, за счет Грузии), содействовать укреплению связей между Северной и Южной Осетией, стимулировать сепаратистские тенденции в Аджарии. Помимо этого, можно дать понять Армении, что в случае продолжения Грузией антироссийской линии Армения сможет де-факто присоединить Ахалкалакский и Ахалцихинский районы к Армении, пробить в дальнейшем коридор, обеспечивающий прямые коммуникации Армении с Россией. Угроза столь серьезной дестабилизации Грузии, подкрепленная демонстрацией решимости России идти до конца по этому пути, стала бы серьезным отрезвляющим фактором для нынешнего грузинского руководства.» К.Ф. Затулин, А.М. Мигранян «СНГ: начало или конец истории. К смене вех», 26 марта, 1997г. Независимая Газета. Содружество. http://www.zatulin.ru/index.php?&section=digest&id=35

58 Statement for the Record on the Worldwide Threat Assessments of the U.S. Intelligence Community for the Senate Selected Committee on Intelligence, February 16, 2011. http://www.fas.org/irp/congress/2011_hr/021011clapper.pdf (404 Kb).

Северного Кавказа в качестве инструмента влияния как одной, так и другой сторонами препятствует реальному строительству мира и стабильности в регионе.

С другой стороны, многие эксперты полагают, что Северный Кавказ объективно является ареалом сотрудничества России и Грузии. Более разумные действия грузинских властей по отношению к Северному Кавказу могли бы стать одним из факторов, содействующих гипотетическому процессу нормализации отношений двух стран. В качестве примера можно привести отмену визового режима для жителей Северного Кавказа и предоставление им возможности получения образования и работы в Грузии, что само по себе невозможно назвать негативным явлением.

Следует учитывать, что дальнейшее обострение ситуации на Северном Кавказе создаст немало проблем и к югу от Кавказского хребта. С большой вероятностью можно предположить, что в случае потери контроля над Северным Кавказом Россия сумеет перекрыть пути распространения дестабилизации на другие территории федерации, но это, по всей видимости, не смогут сделать соседние государства Южного Кавказа. С учетом трудностей контроля границ, проблем разделенных этносов, возможного перехода беженцев с севера на юг (что наблюдалось во время войн в Чечне) и пр. следует ожидать дополнительных угроз национальной безопасности этих стран.

Дальнейшее усиление радикального ислама создаст проблемы не только представителям традиционной ветви этой религии, но и христианам, живущих на южных окраинах России. Проблемы могут возникнуть, прежде всего, у северных осетин, у которых до сих пор остается нерешенным территориальный спор с ингушами. В последующем этот возможный конфликт может легко перетечь в Южную Осетию.

Возможное обострение противостояния между черкесами и туркоязычными этносами (балкарцы и карачаевцы) может отрицательно повлиять на ситуацию в Абхазии. Если будет построена дорога Черкесск-Сухуми, о чем было заявлено еще в 2010 году, то в случае обострения конфликта возможен облегченный переход беженцев в Абхазию.

Думается, что столь мрачный прогноз может стимулировать совместные усилия для предотвращения кризиса безопасности. В этой связи возникает вопрос о возможностях регионального сотрудничества в нынешней ситуации на Северном Кавказе. Могут ли Россия и Грузия, несмотря на существующие противоречия, объединить свои усилия в этом направлении? Какие могут быть точки соприкосновения в кратко- и долгосрочной перспективе? Ответы на эти вопросы могут быть найдены только при осознании необходимости применения прагматичных подходов и, что самое главное, наличия воли всех заинтересованных сторон. В противном случае Грузии придется самой решать возникающие проблемы. Чем более сильным и развитым встретит грузинское государство вызовы, исходящие из Северного Кавказа, тем эффективнее сможет справиться с ними. Более того, для развитой и, стало быть, привлекательной Грузии возможное изменение нынешнего баланса сил на Северном Кавказе будет способствовать открытию перспектив для благоприятного решения проблемы нахождения взаимоприемлемого компромисса как с Россией, так и Абхазией и Южной Осетией.

Северный Кавказ в российско-грузинской войне 2008 года

АРЧИЛ ГЕГЕШИДЗЕ

Российско-грузинская война 2008 года уже подверглась многочисленному анализу со стороны грузинских и зарубежных наблюдателей, политиков и политологов; ни одному конфликту на постсоветском пространстве не посвящалось столько конференций, монографий и статьей. При этом в большинстве случаев эта война рассматривалась как эпизод более длительного историко-политического процесса, в котором Россия, Запад, Грузия, абхазские и юго-осетинские стороны были задействованы с разной интенсивностью и мотивацией. Можно соглашаться или оспаривать доводы и заключения этих многочисленных попыток осмысления случившегося, однако очевидно, что сам факт наличия столь обширного аналитического материала указывает на значимость исследуемого явления и многоаспектность его причин и последствий. Вместе с тем, очевидно и то, что предмет исследования не исчерпан. Несмотря на то, что война 2008 года уже давно перестала быть кричащим заголовком передовиц, она еще долго будет представлять интерес, как для современных, так и будущих летописцев. В данном же случае предлагаемая статья посвящается сравнительно малоизученному вопросу, в частности, описанию причинно-следственной связи между фактором Северного Кавказа и августовской войной 2008 года. В качестве гипотезы предполагается, что фактор Северного Кавказа оказал решающее влияние на обоснование, планирование и ход боевых действий.

Фактор Северного Кавказа: содержание понятия

Северный Кавказ, как и любой другой населенный ареал земной суши, имеет свои особенности, которые в силу географических, исторических, политических и культурно-демографических процессов и условий приобрели уникальный характер. Исторически уникальность набора этих особенностей всегда придавала Северному Кавказу потенциал воздействия на формирование или корректировку геополитических кодов[59] субъектов более широкого региона, включающего Южный Кавказ, а также более отдаленных игроков. После распада Советского Союза и по мере укрепления независимости и суверенитета бывших советских республик региона Южного Кавказа этот потенциал начал постепенно нарастать. Строительство нового энергетического коридора в обход территории Российской Федерации и проведение странами региона, особенно Грузией, самостоятельного внешнеполитического курса и политики безопасности настораживало Россию, настроив ее на обструкцию. Тем более, что за упомянутыми процессами на Южном Кавказе стоял политический Запад, в отношениях с которым постсоветская Россия так и не смогла преодолеть комплекс неполноценности в силу поражения Советского Союза в «холодной войне».

Северный Кавказ стал приграничным регионом, прилегающим к потенциально опасной зоне, получив, тем самым, соответствующую геополитическую нагрузку[60]. Ее суть заключалась в том, что регион одновременно служил и ресурсом, и инструментом оказания влияния на ход политических и экономических процессов на Южном Кавказе. Цель – приведение геополитических кодов всех стейкхолдеров – как локальных, так и внерегиональных, в соответствие с российским геополитическим кодом, причем с использованием любых методов по принципу «цель оправдывает средства». Иными словами, Северный Кавказ по

59 Согласно литературе по геополитике, под геополитическим кодом понимается система политико-географических предположений властей, которая ложится в основу внешней политики страны. Такой код, как правило, включает: а) определение интересов государства; б) определение и осознание внешних угроз по отношению к вышеупомянутым интересам; в) планирование адекватных ответных мер; и г) обоснование упомянутых мер. См. P. J. Taylor & C. Flint, *Political Georgraphy: World Economy, Nation-states and Locality*, Prentice Hall, 2000, pp. 62-63.

60 В англоязычной литературе по геополитике подобные регионы и страны называются “fault line regions [states]”.

необходимости должен был выполнить функцию плацдарма для осуществления силового давления на объект политики принуждения.

В контексте такой геополитической миссии Северный Кавказ является неким пространством, обладающим соответствующим набором ресурсов. В частности, регион непосредственно граничит с «опасной зоной»; на его территории сконцентрирована значительная военная сила; стратегическая глубина вполне соответствует потребностям тылового обеспечения боевых действий к югу от кавказского хребта.

Война 2008 года стала очередным ярким свидетельством наличия у Северного Кавказа потенциала воздействия на ситуацию в регионе. В этой войне, подобно другим конфликтам, определяющее значение имели политика, география, физическая военная сила и качество военного командования. В данной статье Северный Кавказ рассматривается как ареал, где все эти компоненты присутствовали физически, поэтому применительно к войне 2008 года регион Северного Кавказа рассматривается в качестве фактора. Заметим, что нижеприведенный анализ фактора Северного Кавказа касается в основном его воздействия на мотивацию и поведение российской стороны, поскольку Северный Кавказ как ресурс для ведения войны не принадлежит Грузии (война все-таки шла на территории Грузии).

Фактор Северного Кавказа: политическое измерение

До и после российско-грузинской войны 2008 года, как и в большинстве подобных случаев, стороны пытались оправдать свои действия. Эти попытки до сих пор предпринимаются в рамках пропагандисткой войны, в которой задействованы официальные СМИ и внушительный интеллектуальный и дипломатический ресурс заинтересованных сторон. Продуктом встречной пропаганды стали два взаимоисключающих варианта ответа на вопрос: кто и зачем начал войну? Один вариант, оправдывающий действия России, основывается на следующем нарративе:

> «Действия России были реакцией на агрессию со стороны Грузии. Воинствующе настроенная Грузия игнорировала взятые обязательства в рамках двусторонних и многосторонних соглашений и мирным переговорам по разрешению грузино-осетинского конфликта предпочла использование грубой военной силы. Она внезапно напала на спящий город Цхинвали и с использованием крупнокалиберной системы залпового огня и артиллерии пыталась истребить мирное население, большинство которого является гражданами Российской Федерации. Жертвами злостного нападения стали также российские миротворцы, которые в рамках упомянутых договоренностей несли службу в регионе. Единственной возможностью умиротворения агрессора и спасения югоосетинского народа от неминуемого геноцида была проведенная операция по принуждению к миру. Если бы не своевременные и энергичные меры, принятые Россией, следующей в очереди стояла Абхазия, свидетельством чего служат многочисленные документы, полученные или изъятые после капитуляции грузинской армии».

Неудивительно, что данной версии случившегося придерживаются и абхазская, и юго-осетинская стороны, которые в силу своих возможностей участвуют в упомянутой пропагандисткой войне на стороне России. Следует добавить, что данную точку зрения разделяют экспертное сообщество России и некоторая часть западных аналитиков. Другой вариант ответа основывается на прогрузинском нарративе:

> «Россия и ее марионеточный режим в Цхинвали спровоцировали Тбилиси на ответные меры, послужившие поводом для крупномасштабного вторжения России в Грузию и последующей оккупации 20 процентов ее территории. Огневые залпы по Цхинвали были вынужденным ответом на провокации и не могут считаться началом войны.

Точку отсчета войны нужно искать в скрытых или открытых действиях России и ее марионеток, которые начались месяцами и даже годами раньше. Истинной целью России, истребившей 300 тыс. собственных граждан в Чечне, никак не могла быть защита «собственных граждан» в Южной Осетии. На самом деле она руководствовалась далеко идущими геополитическими императивами, а именно – наказать непокорный прозападный режим Саакашвили и предотвратить опасное сближение Грузии с Североатлантическим альянсом. В целом успешный прозападный курс развития Грузии мог создать нежелательный прецедент для других постсоветских республик, которые могли последовать ее примеру и попытаться вырваться из российской сферы влияния. Но не в меньшей степени Россию беспокоила перспектива усиления центробежных сил на Северном Кавказе, если бы в лице Грузии на южных рубежах появилось благополучное и модернизированное на западный манер государство, не совсем лояльное к идее сильной и авторитарной России. Без войны и последующей оккупации Абхазии и Южной Осетии остановить этот процесс России было не под силу».

Данную версию, кроме самой грузинской политической элиты, разделяет подавляющая часть западного экспертного сообщества. Но главное здесь не установление того, какой из этих вариантов ответа на поставленный выше вопрос больше соответствует действительности, или же у которого из них больше сторонников. Об этом уже много сказано и написано, в т. ч. и автором[61]. В целях настоящей статьи важно установить, роль Северного Кавказа: какой могла быть его роль как содействующего фактора в разворачивании событий по той или иной версии.

Если присмотреться к первому, пророссийскому нарративу, то прямой причинно-следственной связи как будто не просматривается. Мотивация «гуманитарной интервенции», пронизывающая фабулу нарратива, исходит из сугубо «гуманистических побуждений» российского государства и носит универсальный характер. Универсальность же мотивации означает, что Москва вступится за «граждан России», независимо от их места проживания за рубежом, и Северный Кавказ к этому никакого отношения не имеет. Однако, присмотревшись внимательнее, можно найти дополнительные аргументы. Они могут не быть ведущими и поэтому «не попали в нарратив», но все же могли иметь значение в формировании мотивации «гуманитарной интервенции». Самый распространенный довод, приводимый в этой связи российскими экспертами, касается сложной политической обстановки на Северном Кавказе. В частности, Кремлю нужно было показать «неспокойным» северокавказцам, что он солидарен с их братьями по крови (абхазами и осетинами) в борьбе с «грузинским империализмом». При такой постановке вопроса неответ «грузинским агрессорам» был бы сочтен в лучшем случае за слабость федерального центра, а в худшем – за откровенное пренебрежение судьбами их братьев по крови. В обоих случаях это осложнило бы и так тяжелую ситуацию на Северном Кавказе.

Прогрузинская версия войны содержит несколько аргументов в доказательство заинтересованности России в войне с Грузией. Все они геополитического характера и трудно определить, который из них важнее. Один из аргументов напрямую связан с Северным Кавказом. Сильная и процветающая, но нелояльная к авторитарной России Грузия действительно могла сместить к себе центр притяжения, подорвав, тем самым, устои федеральной власти в регионе. В Кремле осознавали, что в таком случае неминуемая экономическая дезинтеграция, социальная дифференциация общества, девальвация духовных ценностей способствовали бы усилению напряженности во взаимоотношениях региона и Центра, «представляя собой угрозу федеративному устройству и социально-экономическому укладу Российской Федерации»[62].

61 См. например: Archil Gegeshidze, The August Events: Background Factors of the Crisis, Causes and Prospects of Elimination, in S. Tsiskarishvili (Ed.) *Crisis in Georgia 2008: Preconditions, Reality, Perspectives*, Tbilisi, Independent Experts Club: Crisis in Georgia 2008: Preconditions, Reality, Perspectives, Tbilisi 2009. Available at: http://fes.ge/de/images/Fes_Files/09_GeoP/crisis%202008%20in%20georgia_final.pdf (696Kb PDF).

62 http://nvo.ng.ru/concepts/1999-11-26/1_cons1.html

Еще одно обстоятельство, не связанное с приведенными выше нарративами, но послужившее дополнительным аргументом при формировании политики «принуждения», это наличие на Северном Кавказе общественного настроя «против Грузии» и «в защиту братьев по крови». Сформировавшийся еще со времен войны в Абхазии 1992-93 гг. «антигрузинский» настрой сохранился до сегодняшних дней, хотя в несколько видоизмененной форме. Дело в том, что занятая Грузией позиция во время войн в Чечне, особенно в связи с приемом нескольких тысяч чеченских беженцев, заметно улучшила восприятие Грузии и грузин на Северном Кавказе. Несмотря на это, в целом негативный настрой все еще сохраняется и подпитывает мобилизационный потенциал ополченческих отрядов разных мастей наемников и авантюристов. Это является дополнительным фактором, облегчающим принятие враждебных по отношению к Грузии решений Кремля. С другой стороны, фактор «антигрузинских» настроений на Северном Кавказе не был должным образом оценен грузинской стороной, что сыграло свою роль, хотя и не решающую, в общих просчетах при подготовке к враждебным действиям со стороны России.

Фактор Северного Кавказа: военно-стратегическое измерение

Географический аспект. Извечная полемика между геодетерминистами и геоиндетерминистами о роли географического пространства и естественных климатических условий в жизни государства так и не выявила очевидных победителей. До недавнего времени аргументы «противников» географии звучали весомее - «пространства и границы – пассивные нейтральные элементы», тогда как «определяющая роль принадлежит политике и технологиям, преобразующим пространства и границы». Однако растущие за последнее время проблемы, в частности, связанные с изменением климата, восстановили прежний баланс между полемистами.

В нашем же случае, очевидно, что география Северного Кавказа в значительной мере определила подготовку, ход и последствия войны 2008 года[63]. После того, как было принято политическое решение проучить «непокорную Грузию», и военные принялись за дело, первым долгом следовало разработать стратегический план. Разработка стратегии, т.е. общего плана ведения боевых действий, имеет несколько элементов или измерений. Разные авторы включают в стратегию разное число элементов. Например, Клаузевиц считает, что стратегия состоит из пяти компонентов; Ховард полагает, что она включает лишь четыре компонента, тогда как Грей уверен, что стратегию войны составляют семнадцать элементов[64]. Вместе с тем, важное сходство между различными вариантами декомпозиции стратегии заключается в том, что все они обязательно включают географические условия (пространство, горизонтальное и вертикальное расчленение рельефа, расстояния, климат).

На примере Северного Кавказа география предстала как совокупность возможностей и ограничений. Это пространство характеризуется как количественными показателями (дистанции, которые необходимо преодолеть), так и качественными (препятствия или, наоборот, пути сообщения). Одни показатели могут облегчить осуществление предназначенной функции, другие, наоборот, препятствовать ему. Главным облегчающим обстоятельством является **близость к театру военных действий (ТВД)** – Северный

63 Географически Северный Кавказ состоит из Предкавказья и главного кавказского хребта. Предкавказье представляет собой возвышенную степь, с покатостью на северо-запад и северо-восток. Середина его находится между верховьями Кумы и Кубани. На юге Предкавказье имеет высоко холмистый рельеф и почти незаметно сливается с северными отрогами Кавказского хребта. Через хребет, средняя высота которого достигает почти 4 тыс. метров над уровнем моря, проходит несколько дорог, особенно в западной и восточной его частях, но к середине имеются только горные тропы. Главными перевальными дорогами являются Военно-Грузинская дорога через Крестовый перевал и Транскавказская автомагистраль через Рокский перевал. В зимнее время после обильных снегопадов трассы бывают подолгу закрыты из-за угрозы схода лавин. Площадь Северного Кавказа равна 1,5% площади всей России, однако его население составляет свыше 10% всего населения страны. Это самый густонаселенный регион Российской Федерации.

64 Colin S. Grey, *Inescapable Geography*. In: Geopolitics: Geography and Strategy, eds: Colin S. Grey and Geoffrey Sloan, 1999, pp. 169-170.

Кавказ непосредственно граничит с Грузией, в частности с Южной Осетией и Шида Картли. При этом следует учесть, что в грядущей войне планировалось открытие второго фронта в Абхазии. Несмотря на то, что ТВД в 2008 году находился на территории Грузии, Северный Кавказ с военно-стратегической точки зрения имел важную функцию специально-технической и тыловой поддержки вооруженных сил России в ходе боевых действий.

Географическая близость и непосредственное соседство с ТВД также сыграли важную роль в **подготовке к войне**. Например, по сообщениям прессы, 3 августа в Цхинвали, т.е. в центре будущего ТВД, состоялось заседание Совета Безопасности Южной Осетии с участием заместителя министра обороны России Николая Панкова, заместителя начальника ГРУ (*имя не сообщается – А. Г.*) и командующего 58-й армией Анатолия Хрулева. В заседании также участвовали военное и политическое руководство Южной Осетии, командующий Смешанными миротворческими силами Марат Кулахметов и командир осетинского миротворческого батальона Константин Фриев. В те же часы в Сухуми прошло заседание Совета безопасности Абхазии. В тот же день на Северном Кавказе началась мобилизация «добровольцев» и казаков[65].

Месяцами ранее в Абхазию было завезено более 25 крупнотонажных контейнеров боевого оружия . Эти противоправные поставки оружия включали БМП/БТР, гаубицы Д-30, системы ПВО БУК-М1, системы залпового огня «Град» БМ-21, зенитные самоходные установки «Шилка» и др. Чуть меньшее количество той же техники было завезено и в Южную Осетию[66]. А 4 и 5 августа, практически накануне войны, к северному порталу Рокского тоннеля были подтянуты 135-й и 693-й мотострелковые полки 19-ой дивизии 58-й армии, 104-й и 234-й воздушно-десантные полки 76-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, 217-й воздушно-десантный полк 96-й воздушно-десантной дивизии и 31-я отдельная воздушно-десантная бригада спецназначения. В их составе находились 11 693 военнослужащих, 891 единица бронетехники и 138 артиллерийских орудий[67]. Это якобы было сделано, чтобы «в максимально сжатые сроки перебросить войска на помощь миротворческим силам в Южной Осетии»[68].

Немаловажное значение имела возможность стратегического маневра и, в принципе, неожиданного переноса акцента в эскалации напряженности из Абхазии в Южную Осетию. Подобная способность маневрирования впоследствии позволила России открыть второй фронт в Абхазии.

Без непосредственного соприкосновения Северного Кавказа с Абхазией и Южной Осетии осуществить подобные операции было невозможно.

Еще одним содействующим географическим фактором является **схожесть ландшафтных и климатических условий Северного Кавказа и ТВД**. В максимально приближенных к ТВД условиях российские военные начали проводить масштабные летние учения. С 2006 года на территории Северной Осетии проводились ежегодные учения с привлечением все возрастающего количества военной техники и живой силы. В июле 2008 года прошли беспрецедентного масштаба учения с участием 8 тыс. солдат и офицеров, 700 единиц бронемашин и 30 самолетов и вертолетов. В отличие от предыдущих учений, условным противником была грузинская армия, а задача учений – оттачивание навыков «принуждения к миру».

65 http://www.novayagazeta.ru/politics/44515.html?print=1
66 R.D. Asmus (2010), A *Little War that Shook the World. Georgia, Russia, and the Future of the West*, p. 166.
67 S. Cornell and S.F. Starr (Eds.) (2009). *The Guns of August 2008. Russia's War in Georgia*, p. 75.
68 http://www.novayagazeta.ru/politics/44515.html?print=1

Однако большинство географических характеристик Северного Кавказа является набором ограничений. Так, **сухопутная граница между Россией и Грузией, в частности ее юго-осетинский отрезок, проходит по высокогорью**. Средняя высота указанного 74-километрового отрезка границы превышает 4 тыс. метров над уровнем моря, а вертикальная расчлененность рельефа создает неблагоприятные условия для быстрого выдвижения войск к ТВД. Через кавказский хребет на высоте 2,5 км над уровнем моря проходит Рокский автодорожный тоннель длиною 3660 м. К тому же уже к югу от хребта узкое ущелье Диди Лиахви – кратчайший коридор, ведущий к ТВД – делает сухопутные войска уязвимыми для атак противника. Данный физический параметр географической местности Северного Кавказа в решающей степени определил характер военной операции на ее разных стадиях. В первую очередь имеется в виду выбор видов военной техники и родов войск с учетом географических условий.

Военный аспект. Значение упомянутых ограничений при наличии авиации и баллистических ракет в принципе не столь уж важное. Однако, если на стратегическом уровне в качестве цели определено занятие вражеской территории и разрушение военной инфраструктуры противника, только самолетов и ракет недостаточно. Неслучайно, что в войне 2008 года России понадобилось задействование как ВВС, так и сухопутных войск и ВМС. В данном контексте значение фактора Северного Кавказа было решающим в силу того, что задействованные в войне сухопутные войска находились в распоряжении Северо-Кавказского военного округа (СКВО).

На территории СКВО[69] дислоцировалась 58-я общевойсковая армия. Ее личный состав насчитывал около 70 тыс. человек. В арсенале армии находились 609 танков, почти 2 тыс. БМП и БТР, 125 минометов и орудия, 190 установок «Град» и 450 зенитных систем. В ее состав входили 42-я (Ханкала, Чеченская Республика) и 19-я (Владикавказ, Северная Осетия) мотострелковые дивизии, 135-й отдельный мотострелковый полк (гор. Прохладный, Кабардино-Балкария), пять отдельных мотострелковых бригад (включая горные 33-ю и 34-ю бригады в Дагестане и Карачаево-Черкессии), 1-я гвардейская ракетная бригада оперативно-тактических ракет (Краснодар), артиллерийские бригады и полки и другие соединения и части. Кроме того, на территории СКВО были расположены 20-я мотострелковая дивизия, 7-я гвардейская десантно-штурмовая (горная) дивизия (Новороссийск), 60-й центр боевого применения (полигон «Капустин Яр»), отдельные вертолетные полки и эскадрильи, зенитные ракетные бригады и полки и другие части центрального и окружного подчинения. Всего в соединениях и частях округа насчитывалось от 80 до 90 тысяч личного состава.

На Северном Кавказе находилась и значительная часть[70] ВВС, участвующих в боевых действиях. В состав 4-й воздушной армии ВВС и ПВО[71] со штаб-квартирой в Ростове-на-Дону, которая находится в прямом подчинении командования ВВС России, входило около 20 авиабаз. Число состоящих на службе военнослужащих достигало 8 тыс. чел. На этих базах располагались штурмовые полки, зенитно-ракетные полки, радиотехнические полки, бомбардировочные полки, вертолетные полки, батальоны радиоэлектронной борьбы и т.д. На вооружении стояли бомбардировщики СУ-24М, СУ-25СМ: истребители МиГ-29 и СУ-27; вертолеты Ми-8, Ми-24. Ми-28Н. Особо следует отметить, что несколько дивизионов и полков 4-й воздушной армии было оснащено современными системами противовоздушной обороны С-300ПМ. Важно отметить, что практически вся территория Грузии была в радиусе доступности – как для фронтовой авиации, так и боевых вертолетов,

69 С 4 октября 2010 г. Северо-Кавказский военный округ (СКВО) упразднен. Вместо него создана новая структура – Южный военный округ (ЮВО). ЮВО включил в себя соединения и воинские части СКВО, Черноморский флот, Каспийскую флотилию, четвертое командование военно-воздушных сил (ВВС) и противовоздушной обороны (ПВО).

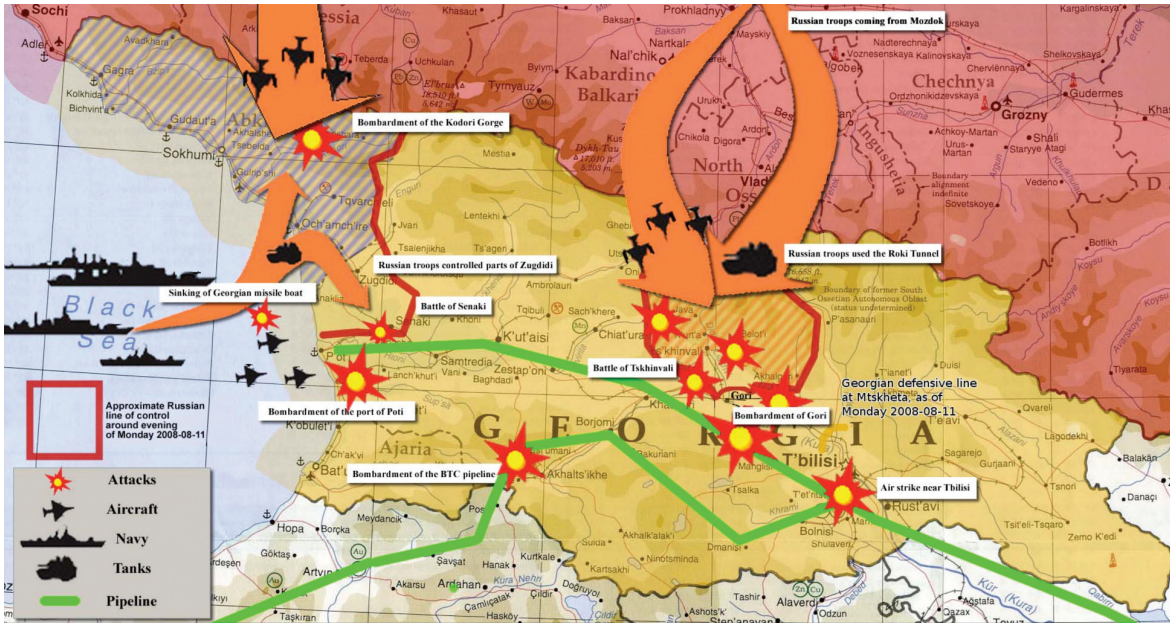
70 В ходе войны дополнительно были привлечены 76-я Псковская воздушно-десантная дивизия и стратегические бомбардировщики ТУ-22М из 37-й воздушной армии.

71 В 2009 году переформирована в 4 Командование ВВС и ПВО.

расположенных на Северном Кавказе. Например, из Буденновска, где расположена одна из многих авиабаз и один из нескольких вертолетных полков, до грузинской границы всего 235 км, а до Тбилиси – 350 км.

Как видно, Россия располагала огромным потенциалом для решения поставленной стратегической задачи. В действительности же ей не понадобилось использование всей этой мощи. Частично потому, что в боевых действиях, помимо ВВС и сухопутных войск, приняли участие и боевые корабли Черноморского флота. Высадив дополнительную технику и живую силу и блокировав грузинские порты, они внесли важную лепту в достижении общей стратегической цели. Таким образом, впервые после Второй мировой войны Россия осуществила комбинированную военную операцию (см. рис. 1). Из Северного Кавказа, по разным оценкам, в войне были задействованы от 25 до 40 тыс. российских военнослужащих, около 1200 единиц бронетехники и артиллерийских орудий, 200 самолетов и 40 вертолетов[72]. Российские самолеты совершили около 300 боевых вылетов, особенно в первые дни их вовлечения в боевые действия, В том числе 43 вылета было осуществлено для атаки различных целей за пределами непосредственного ТВД.

Карта августовской войны.



Источник: Wikimedia Commons: http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Georgia-War-2008-08-11.jpg

И, наконец, бок о бок с российской армией в боевых действиях участвовали юго-осетинские ополченцы и добровольцы из Северного Кавказа. Точная численность этих подразделений неизвестна, однако, очевидно, что их было, по меньшей мере, несколько сотен. Многие из них, наряду с солдатами из российских подразделений, занимались мародерством. Грузинские журналисты засекли несколько случаев мародерства со стороны офицеров и сержантов российской армии.

Заключение

Российско-грузинская война 2008 года еще раз подтвердила значение Северного Кавказа как фактора для влияния на ход политических процессов в Грузии. Несмотря на всю

72 A. Cohen and R. Hamilton (2011). *The Russian Military and the Georgia War: Lessons and Implications*, Strategic Studies Institute, p. 11.

сложность происходящих в самом регионе Северного Кавказа процессов, связанных с безопасностью, проблемами политического, социально-экономического, религиозного и иного характера, Россия все еще в состоянии контролировать ситуацию. Более того, она способна использовать политические, географические и военно-стратегические ресурсы региона в качестве инструмента продвижения своих интересов за его пределами, в частности в Грузию.

Северокавказская политика Грузии в контексте поставгустовских «новых реалий»

ИВЛИАН ХАИНДРАВА

Вести речь о сколько-нибудь продуманной и последовательной государственной политике Грузии в отношении Северного Кавказа до 2008 года – нет оснований. Первый президент страны З.Гамсахурдиа, правда, выдвинул идею «общего кавказского дома», но дальше идеи дело не пошло: во-первых, сам Гамсахурдиа продержался во власти слишком уж недолго, чтобы полноценно воплотить в жизнь собственные замыслы (весьма противоречивые, а зачастую – просто опасные или даже вредные для грузинской государственности), а во-вторых – потому, что никто так толком и не понял, на каком фундаменте должен строиться и как может выглядеть этот т.н. «общий кавказский дом». К тому же этой экстравагантной идее вполне реально противопоставили т.н. Конфедерацию горских народов Кавказа со штаб-квартирой в Сухуми (КГНК – создана в 1989 г.; впоследствии слово «горских» из названия убрали). Если в случае «кавказского дома» можно полагать, что по замыслу автора ведущая роль в нем отводилась Грузии, то КГНК на деле явилась антигрузинским проектом (хотя Гамсахурдиа и посылал своих представителей на съезды этой организации), ибо оставила после себя лишь один заметный след – активным участием в грузино-абхазском конфликте 1992-93 гг. на стороне абхазов. Даже в ходе двух кровопролитных войн в Чечне Конфедерация не предприняла ровным счетом ничего для защиты чеченского народа. Если не считать того эпизодического факта, что после своего свержения Гамсахурдиа нашел пристанище в Грозном, то можно констатировать, что начало 90-х годов прошлого века – на фоне конфликтов в Абхазии и Южной Осетии – стало периодом резкого ухудшения взаимоотношений грузин с северокавказцами (хотя, естественно, разных народов Северного Кавказа это касается в разной степени), посеяв между ними недоверие друг к другу.

Второй президент Грузии – Э.Шеварднадзе – северокавказской проблематикой занимался лишь ситуативно, т.е. тогда, когда просто не мог ее игнорировать в силу непосредственного влияния на Грузию имевших место на Северном Кавказе процессов. В целом же свелось все это к проблеме чеченских беженцев и ситуации вокруг Панкисского ущелья, принесшей Грузии серьезную головную боль. С одной стороны, перекрывать путь в Грузию чеченцам, бежавшим от ужасов «наведения конституционного порядка» федеральными войсками, было невозможно с моральной точки зрения, и недальновидно – политически. Да и собственных сил для возведения соответствующих барьеров и отфильтровывания боевиков от мирных граждан у Грузии долгое время не было. Из-за Панкисского ущелья Грузия оказалась под перманентным давлением России, которая позволяла себе даже бомбардировку с воздуха территории сопредельного государства под предлогом нанесения превентивных ударов по базам боевиков. В конечном счете, Шеварднадзе все же «разрулил» ситуацию не без помощи американцев: программа «обучи и оснасти» (Train and Equip) позволила Грузии создать необходимые предпосылки для снятия проблемы чеченских боевиков в Панкисском ущелье так, что ущерб основной массе беженцев нанесен не был. Что позволило Грузии сохранить лицо и перед Западом, и перед северокавказцами (чеченцами – в частности). Но дальше этого дело опять же не пошло, а обзавестись доверием Москвы не удалось все равно, в том числе – из-за отсутствия у последней соответствующего намерения[73].

Можно также утверждать, что северокавказскому направлению, за редким исключением, не уделялось адекватное внимание и в грузинской политической и экспертной мысли. Титул чуть ли не единственного «эксперта по вопросам Северного Кавказа» прочно удерживал за собой М.Арешидзе, практически не встречая ни конкуренции, ни поддержки со стороны

73 См. подробнее: И.Менагаришвили, Н.Меликадзе, Г. Гвимрадзе: “Северный Кавказ как фактор в грузино-российских отношениях”, Институт стратегических исследований (при содействии Фонда Ф.Эберта), Тбилиси, 2010, стр. 111-114.

других. Были лишь разрозненные попытки осмыслить фактор Северного Кавказа вообще, и в контексте грузино-российских отношений в частности, в том числе – автором данного материала, постулировавшим, что Северный Кавказ превращается в «зону устойчивой нестабильности», требующей разработки и наличия у Грузии соответствующей концепции[74]. Но подобная концепция свету так и не явилась.

Третий президент Грузии – М.Саакашвили – начал свою внешнеполитическую деятельность с визита в Москву (11 февраля 2004 г.), но период оттепели (о наступлении которого заявил грузинский президент) во взаимоотношениях двух стран продолжался недолго; на смену ему пришел и утвердился режим открытого личностного противостояния (Путин-Саакашвили), стремительно перешедшего в нарастающее противостояние между государствами с взваливанием друг на друга всех мыслимых и немыслимых грехов[75]. Справедливости ради надо отметить, что противостояние это наличествовало буквально с первых дней независимости Грузии, но лишь в исполнении В.Путина/Д.Медведева с одной стороны, и М.Саакашвили – с другой, оно «увенчалось» августовской войной 2008 г. И если до войны Северный Кавказ фактически пребывал вне поля зрения и осуществления грузинской политики, то после августа 2008-го ситуация изменилась существенно.

Основные элементы северокавказской политики Грузии после 2008 г.

В послевоенный период руководство Грузии предприняло ряд шагов, совокупность которых позволяет говорить о намерении проводить активную политику на северокавказском направлении. Осуществленные уже мероприятия условно (ибо они – взаимодополняющие) можно разделить на три основных группы:

1. **Меры организационного характера**, создающие институциональную основу для осуществления северокавказской политики, как то:

   а) Учреждение в декабре 2009 г. в парламенте Грузии группы дружбы с парламентами Северного Кавказа;
   б) Трансформация в декабре 2010 г. парламентского Комитета по связям с соотечественниками, проживающими за рубежом, в Комитет по делам диаспоры и Кавказа;
   в) Принятие в феврале 2011 г. решения о создании специальной комиссии по делам Кавказа при аппарате Государственного министра по делам диаспоры.

2. **Меры идеологического и пропагандистского характера, подводящие соответствующую** базу под северокавказскую политику, и призванные обеспечить «влияние на умы», как то:

   а) Выступление М.Саакашвили на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 23 сентября 2010 г., где он представил свое видение «свободного, стабильного и единого Кавказа»[76];
   б) Выход в эфир в январе 2010 г. Первого кавказского телеканала (после вынужденного перерыва в вещании переименованного в ПИК – первый информационный кавказский), целевой аудиторией которого, в первую очередь, является Северный Кавказ;
   в) Проведение в марте 2010 г. в Тбилиси международной конференции «Неизвестные народы. Непрекращающееся преступление: черкесы и кавказские народы между прошлым и будущим»[77]. В ноябре того же года состоялась вторая конференция на эту же тему;

74 И.Хаиндрава: «Религиозная война на Северном Кавказе: взгляд из Грузии», Центральная Азия и Кавказ, №5(6), 1999, http://www.ca-c.org/journal/cac-06-1999/haindrava.shtml

75 См. например: Брифинг Международной группы по предотвращению кризисов (ICG) №65, август 2011 г. «Грузия-Россия: учиться жить по-соседски» http://www.crisisgroup.org/~/media/Files/europe/caucasus/georgia/B65%20Georgia-Russia%20-%20Learn%20to%20Live%20like%20Neighbours%20RUSSIAN.pdf

76 http://www.president.gov.ge/en/PressOffice/News/SpeechesAndStatements/?p=5505&i=4 (на англ. языке).

77 “Hidden Nations, Enduring Crimes: The Circassians & the Peoples of the North Caucasus Between Past & Future” –английское слово “hidden” некоторыми переводится как “скрытые”.

г) Открытие в Тбилиси в октябре 2011 г. Центра черкесской культуры;
д) Объявление конкурса на создание мемориала памяти жертв геноцида черкесского народа.

3. **Собственно политические действия**, могущие иметь далеко идущие последствия; таковыми на сегодняшний день являются:

а) Решение о введении безвизового режима для жителей северокавказских субъектов Российской Федерации, вступившее в силу 13 октября 2010 г.;
б) Принятие 20 мая 2011 г. парламентом Грузии Постановления о признании геноцида черкесского (адыгского) народа в период Русско-кавказской войны.

Целесообразно рассмотреть каждую их этих групп на предмет политико-правовой сути, устойчивости во времени, и выяснения потенциала усиления или ослабления.

Меры организационного характера

Решения по учреждению «групп дружбы» с парламентами других стран обычно выглядят вполне конструктивными. Резолюция 1773 (2010) ПАСЕ, например, поощряет «создание в национальных парламентах групп дружбы и аналогичных групп с целью расширения практики обмена эффективными методами работы, в частности – в парламентской и политической сфере»[78]. Однако, при более пристальном взгляде, наблюдается очевидная асимметрия в случае учреждения в парламенте Грузии «Группы дружбы с парламентами Северного Кавказа», ибо парламент суверенного государства-члена ООН заявляет о намерении дружить не с парламентом другого (соседнего) государства-члена ООН, а с парламентами субъектов федерации этого государства. Подобная асимметрия не соответствует международной практике, хотя, быть может, и не бросилась бы в глаза, будь отношения между двумя странами-членами ООН (Грузией и Россией) добрососедскими, а соответствующий шаг – заранее согласованным. Однако, как известно, после августовской войны 2008 г. Грузия разорвала дипломатические отношения с Российской Федерацией, и демонстративная дружба на официальном уровне с отдельными субъектами этой страны вызывает вопросы. Конечно, Россия пошла намного дальше Грузии, переступив «красную черту», когда признала независимость Абхазии и Южной Осетии, установила с ними дипломатические отношения и открыла посольства в Сухуми и Цхинвали. Но эти решения России не просто не поддержаны подавляющим большинством государств, но и прямо осуждены многими из них, равно как и многими международными организациями. Получается, что в поисках адекватного ответа на противоправные действия Российской Федерации в отношении Грузии[79], последняя сама отходит от международной практики, ставя себя в двусмысленное положение. Наконец, официального отклика от парламентариев республик Северного Кавказа также не последовало (ожидаемо), ибо лояльность к Москве является неизбежным условием получения жизненно необходимых финансовых дотаций.

Два других шага грузинского руководства из этой же группы – переименование парламентского Комитета по связям с соотечественниками, проживающими за рубежом, в Комитет по делам диаспоры и Кавказа, и создание специальной комиссии по делам Кавказа при аппарате Государственного министра по делам диаспоры призваны, как представляется, высветить два обстоятельства:

1. Закрепление в обиходе понятия «грузинская диаспора» (пост Государственного министра по делам диаспоры впервые был учрежден в феврале 2008 г.), не имевшего ранее широкого распространения в грузинском дискурсе (обсуждение этого вопроса,

78 http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5bRussian_documents%5d/%5B2010%5D/%5BAntalya%202010%5D/Res1773_rus.asp
79 «Признание независимости Абхазии и Южной Осетии противоречит Международному праву» - Доклад «миссии Тальявини» http://www.ceiig.ch/Report.html т.1 стр.17.

впрочем, выходит за рамки данного материала);
2. Подчеркивание особого значения Кавказа (т.е. не только Южного, но и Северного) для грузинской политики.

Последнее обстоятельство не вызывает никаких сомнений, но проследить деятельность и достижения упомянутой Специальной комиссии (которой поручалось изучение политических и социальных процессов в северокавказских республиках[80]) за минувшее время не удалось, ввиду отсутствия соответствующей информациию Можно разве что упомянуть объявление конкурса на создание мемориала памяти жертв геноцида черкесского (адыгского) народа (на основе Постановления Парламента Грузии от 1 июля 2011 г.), но для этого вряд ли было необходимо создавать Специальную комиссию. Победителем конкурса, кстати, в декабре был объявлен скульптор из Кабардино-Балкарии.

Меры идеологического и пропагандистского характера

В своем выступлении на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 23 сентября 2010 г. президент М.Саакашвили упомянул общую историю и общие интересы народов Кавказа, призвал их к установлению прямых контактов между людьми, началу проектов в областях энергетики, просвещения, культуры. В докладе речь шла о политико-экономическом взаимодействии, создании общего рынка, самодостаточности региона, в силу чего ему не надо будет искать помощь извне. «Нет Северного и Южного Кавказа – есть один Кавказ, который принадлежит мировой цивилизации» – заявил Саакашвили и уточнил, что Кавказ – не просто часть европейской цивилизации, но и одна из колыбелей оной. Среди других мессиджей следует отметить такие: «Наше объединение не будет направлено против кого-либо, и мы не собираемся менять никакие границы»; «Пора прекратить борьбу друг с другом и ослаблять друг друга. Наша сила – в нашем единстве. Без единства мы не будем по-настоящему свободными»[81]. Дальнейшей детализации инициатива президента Грузии, впрочем, с тех пор не получила – в ходе визита в Грузию в ноябре 2011 г. Президента Армении С.Саргсяна М.Саакашвили лишь повторил основные тезисы своего выступления годичной давности[82]. Поэтому многие воспринимают ее лишь как перепев основательно подзабытой уже гамсахурдиевской концепции «общего кавказского дома» – сколь туманной, столь и иллюзорной. В «сухом остатке» можно разглядеть лишь амбиции и претензию на лидерство в кавказском регионе (хотя о регионе в политическом смысле тут говорить не приходится), что вряд ли вызвало понимание и одобрение соседей (азербайджанская пресса, например, весьма язвительно отреагировала на саакашвилевские «вариации на тему кавказского единства» в ходе его переговоров с армянским визави в Тбилиси). Да и едва ли подобные амбиции соответствуют возможностям обремененной многочисленными внутренними и внешними проблемами страны.

Саакашвили и его правительство, однако, в виртуальной сфере действуют еще более активно, чем в реальной. В январе 2010 г. на базе Общественного вещателя (государственный канал) начал вещание Первый кавказский русскоязычный телеканал, каковое событие было встречено в штыки российскими властями[83]. Поэтому неудивительно, что вскоре же возникли проблемы у владельцев спутника (французская компания "EUTELSAT"), посредством которого осуществлялось вещание канала на обширную территорию, что и возымело действие: вещание было прекращено (естественно «по техническим причинам»). Однако затем были найдены новые возможности (спутник Hot Bird), и канал вновь вышел в эфир, на этот раз – под названием ПИК (первый информационный кавказский). Формальная задача телеканала – нейтрализация антигрузинской пропаганды официальных российских

80 «Спецкомиссия по вопросам Кавказа создается в Министерстве по делам диаспор Грузии» Канал ПИК, 28 Февраля 2011. http://pik.tv/ru/news/story/4721-speckomissiia-po-voprosam-kavkaza-sozdaetsia-v-ministerstve-po-delam-diaspor-gruzii

81 http://www.president.gov.ge/ge/PressOffice/News/SpeechesAndStatements?p=5505&i=5 (на груз. языке).

82 «Саакашвили: У единого Кавказа альтернативы нет», Civil Georgia, 29 Ноября 2011 http://www.civil.ge/rus/article.php?id=22808

83 «Самого пристального внимания требует детище грузинской пропагандистской машины: русскоязычный телеканал «Первый Кавказский», начавший вещание в текущем году. Он будет пропагандировать антироссийские антигосударственные настроения, а также идеологию экстремизма», заявил замминистра МВД РФ А.Еделев http://inotv.rt.com/2010-01-19/Pervij-Kavkazskij---mashina-propagandi

СМИ, предоставление аудитории объективной информации о происходящих в Грузии и кавказском регионе событиях. Впрочем, скорее откровенно пропагандистская, нежели контр-пропагандистская суть его не составляет секрета (хотя на сайте канала заявлено, что он не намерен «бороться с пропагандой при помощи пропаганды»), ибо подоплека практически любой общественно-политической программы (начиная, естественно, с информационных выпусков) заключается не только в стремлении представить Грузию в максимально благоприятном свете, но и – в параллельном режиме – выставить Россию в максимально неблагоприятном. Пропаганда эта направлена за пределы Грузии[84] (грузинский телеэфир и без того перенасыщен проправительственной пропагандой), и на Северный Кавказ – в первую очередь[85], хотя собственно северокавказская тематика и не занимает много эфирного времени. Насколько достигает своей цели вещание ПИК на Северном Кавказе (и в других местах) – судить пока трудно; хотя особое беспокойство у официальных кругов России он, видимо, вызывать перестал. Более того, 5 августа 2011 г. ПИК был удостоен чести быть среди трех интервьюеров президента Российский Федерации Д.Медведева (вместе с телеканалом «Russia Today» и радиостанцией «Эхо Москвы»). Таким образом, первое лицо России способствовало как бы легализации этого канала в своей стране, и автор признается в своем бессилии постичь всю глубину данной политической игры.

В марте и ноябре 2010 г. в сотрудничестве с Джеймстаун Фаундейшн (США) Тбилисский государственный университет Ильи провел две международные конференции на тему «Неизвестные народы. Непрекращающееся преступление: черкесы и кавказские народы между прошлым и будущим». Упоминание партнера здесь не просто дань вежливости и точности – именно вышеупомянутая исследовательская организация вместе с Черкесским культурным фондом США организовала 21 мая 2007 г. в Вашингтоне дискуссию под названием: «Черкесы: прошлое, настоящее и будущее», где затронули вопрос о геноциде черкесского народа в Российской империи в XIX в. Это позволяет полагать, что «черкесская тема» в послевоенном арсенале официального Тбилиси возникла не стихийно, и развитие свое она получила в силу благоприятных для инициаторов обстоятельств (для Грузии – крайне неблагоприятных, ибо итоги войны 2008 г. назвать «благоприятными» невозможно никоим образом). Первая тбилисская конференция приняла обращение к парламенту Грузии с призывом о признании геноцида черкесов; вторая тбилисская конференция призвала к бойкоту Олимпийских игр в Сочи (эти вопросы обсуждаются ниже).

Последние из упомянутых мероприятий группы пропагандистско-идеологического характера значительно уступают другим по масштабу. Открытие Центра черкесской культуры в Тбилиси вообще можно было бы однозначно приветствовать, если бы не отягощенное избыточной политической нагрузкой заявление Представителя «Черкесского конгресса» в Грузии А.Габисония по этому поводу: «Дружба черкесов с грузинами в первую очередь означает их воссоединение и обретение силы. Раньше работа с народами Северного Кавказа вообще не велась, это было неким белым пятном в нашей жизни. Поэтому для Грузии происходящее означает образование серьезной политической силы на Северном Кавказе и укрепление за ней статуса страны, которая воссоединяет народы»[86]. Прозвучало оно в унисон с выступлением М.Саакашвили на Генеральной Ассамблее ООН (что неудивительно), и служит косвенным подтверждением тем амбициям, о которых уже говорилось.

В контексте многовекторной пропаганды можно рассматривать и намерение воздвигнуть мемориал жертв геноцида черкесского народа в новостроящемся курорте Анаклиа – в непосредственной близости от Абхазии.

84 Согласно данным проведенного NDI в сентябре 2011 г. опроса общественного мнения, ПИК смотрят всего 3% граждан Грузии.

85 «Цель канала в том, чтобы нас смотрели на Кавказе, где население сейчас получает информацию, в основном, от российского телевидения», сказал руководитель ПИК, британский журналист Р.Парсонс http://kavkasia.net/Georgia/2011/1295914608.php

86 «Шаг к сближению народов», Эхо Кавказа, 8 июля 2012. Доступно на http://www.ekhokavkaza.com/content/article/24364936.html

Конкретные политические шаги

С 13 октября 2010 г. вступило в силу решение правительства Грузии о предоставлении права въезда и пребывания на территории страны в течение 90 дней без визы гражданам Российской Федерации, постоянно проживающим в северокавказских республиках. Президент М.Саакашвили заявил, что данный шаг следует рассматривать как часть политики «единого Кавказа», анонсированной им на Генеральной Ассамблее ООН. В свою очередь, Министр иностранных дел России С.Лавров заметил, что «в рамках отношений, которые приняты между цивилизованными партнерами, это принято обсуждать на взаимной основе», а то, как это произошло «больше напоминает очередной пропагандистский шаг»[87]. Вне зависимости от политической подоплеки, все же следует признать, что шаг грузинского правительства значительно облегчил жизнь тем жителям Северного Кавказа, кто поддерживает постоянные контакты с Грузией. «Грузины много делают, чтобы использовать "мягкую силу" во взаимодействии с Северным Кавказом – например, введение безвизового въезда для жителей этих республик» – заявил президент Джеймстаун Фаундейшн Глен Ховард, выступая на форуме «Кризис на Северном Кавказе: есть ли выход?» организованном в феврале 2011 г. Центрально-Азиатским и Кавказским институтом университета Джонса Хопкинса. Он также считает, что эти тенденции будут способствовать экономическому развитию региона, а то, что в Тбилиси учатся студенты с Северного Кавказа, помогает новому поколению людей из этого региона взаимодействовать с Западом[88]. В любом случае следует отметить, что в вопросе передвижения между двумя странами Грузия предстает в несравнимо более выгодном свете, чем Россия: грузинскую визу «остальные» граждане Российской Федерации (не жители республик Северного Кавказа) могут приобрести по прибытии в аэропорт Тбилиси, а со второй половины 2011 г. – и на контрольно-пропускном пункте Верхний Ларс на Военно-грузинской дороге. Таким образом, Грузия завершила процесс установления безвизового режима со всеми непосредственными соседями (с Российским Северным Кавказом – в одностороннем порядке), и даже с Ираном (с которым у Грузии нет общей границы).

Еще один послевоенный политический шаг грузинского руководства в направлении Северного Кавказа (и далее) стал самым резонансным, а потому заслуживает отдельного и более пристального рассмотрения.

Признание геноцида чеченского (адыгского) народа

20 мая 2011 г. (21-го отмечается годовщина трагического события) парламент Грузии принял Постановление следующего содержания (преамбула опущена)[89]:

1. Признать массовое истребление черкесов (адыгов) и их изгнание с исторической родины в период Русско-Кавказской войны актом геноцида согласно Гаагской IV конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» от 18 октября 1907 года и Конвенции ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» от 9 декабря 1948 года.
2. Признать черкесов, депортированных в период Русско-Кавказской войны и впоследствии, беженцами согласно Конвенции ООН от 28 июля 1951 года «О статусе беженцев».
3. Таким образом, Грузия стала первым суверенным государством, признавшим геноцид черкесов (адыгов), и тема эта, естественным образом, привлекла внимание политиков и аналитиков далеко за пределами Кавказа.

87 «Лавров: Безвизовый режим для жителей Северного Кавказа это «пропаганда»», Civil Georgia, 12 Октября 2010 http://www.civil.ge/rus/article.php?id=21257

88 «Будущее Кавказа и позиция США: Эксперты предсказывают появление новых границ на Юге России», Голос Америки, 18 Февраля 2011. http://www.voanews.com/russian/news/Caucasus-USA-Russia-2011-02-18-116503168.html

89 Полный текст см. http://www.parliament.ge

Признание это произошло не на пустом месте. Кроме упомянутой выше инициативы Джеймстаун Фаундейшн (который, в свою очередь, опирался на активность организаций многочисленной черкесской диаспоры), соответствующие шаги в начале 90-х годов предприняли и парламенты тех северокавказских республик, между которыми Советская власть «поделила» уцелевших после трагических событий черкесов. 7 февраля 1992 г. Верховный Совет Кабардино-Балкарии принял Постановление «Об осуждении геноцида адыгов (черкесов) в годы русско-кавказской войны», и предложил Верховному Совету Российской Федерации рассмотреть вопрос о признании геноцида адыгов (черкесов) и предоставлении их зарубежным соотечественникам двойного гражданства.

В апреле 1996 г. Президент и Государственный Совет Республики Адыгея направили Обращение к Государственной Думе Российской Федерации аналогичного содержания[90].
В октябре 2006 г. 20 адыгских общественных организаций из разных стран обратились в Европарламент с просьбой о признании геноцида. Спустя месяц общественные объединения Адыгеи, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии обратились к президенту России В.Путину с такой же просьбой. Ни одно из этих постановлений и обращений не повлекло за собой правовых последствий; лишь обращение к Грузии в 2010 г. увенчалось официальным признанием геноцида.

За данным шагом грузинского руководства можно усмотреть несколько намерений:

1. Укрепить собственные позиции на Кавказе в качестве радетеля за права и интересы северокавказских народов, а также приобрести поддержку черкесской диаспоры за рубежом. Многими черкесами, где бы они ни проживали, решение Тбилиси встречено с одобрением, переходящим порой в восторг.
2. Досадить России, нанеся удар в самую больную для нее точку – Северный Кавказ, где продолжают аккумулироваться трудноразрешимые проблемы; одна из них – восстановление в правах разделенного черкесского народа. Москва, во всяком случае, склонна рассматривать данное решение официального Тбилиси именно как месть за войну 2008 г. и признание Абхазии и Южной Осетии.
3. Посеять семена недоверия во взаимоотношения между абхазами и северокавказцами (черкесами – в частности), ибо морально-политическая поддержка последним пришла не от родственных им абхазов, а от грузин, против которых они воевали в ходе грузино-абхазской войны 1992-93 гг.

Третий пункт заслуживает отдельного комментария. Дело в том, что в октябре 1997 г. парламент Абхазии принял Постановление, первый пункт которого гласит: «Признать массовое истребление и изгнание абхазов (абаза) в XIX веке в Османскую империю геноцидом – тягчайшим преступлением против человечества». Однако ни тогда, ни в последующие годы, ни после российско-грузинской войны официальный Сухуми не квалифицировал подобным же образом черкесскую трагедию. «Самим актом признания геноцида Тбилиси уже добился некоторых результатов. Определенная степень охлаждения отношений между абхазами и черкесскими народами, так или иначе, наметилась. Абхазам не понятен восторг адыгов действиями грузин, так как для Абхазии – Грузия главный враг. Черкесам же, напротив, не совсем ясно, почему, Тбилиси признал геноцид, а братская Абхазия по этому поводу молчит и никак не реагирует» – пишет абхазский аналитик И.Хашиг[91]. Понятно, что Сухуми не желает навлекать на себя недовольство России – главного (по сути – единственного) спонсора и гаранта своей сецессии от Грузии. И как в подобной ситуации сбалансировать отношения с черкесами с одной стороны, и Россией – с другой, неясно.

90 Эти документы доступны на сайте: http://www.aheku.org/forums.php?m=posts&q=1624
91 И.Хашиг (2011) «Политическая составляющая признания геноцида черкесов парламентом Грузии», http://bit.ly/Pz5pv5

Таким образом, можно констатировать, что каждая из целей, которые поставил перед собой официальный Тбилиси, пойдя на признание геноцида черкесов, на данном этапе достигнута в большей или меньшей степени. Косвенный политический результат признания геноцида можно усмотреть также в том, что оно отчуждает черкесов от идеи Имарата Кавказ (в которой они, впрочем, не играют ведущей роли), ибо актуализирует для них иные цели и задачи. Эти цели, однако, вряд ли будут гармонировать с целями карачаевцев и балкарцев, совместно с которыми черкесы проживают в двух северокавказских республиках.

Наконец, имеется еще один аспект признания, который можно рассматривать сугубо в контексте российско-грузинских взаимоотношений, но каковой, безусловно, имеет и северокавказскую составляющую[92]. Речь идет о зимних Олимпийских играх в Сочи в 2014 г., когда отмечается 150-летие трагической для черкесов даты. А олимпийские объекты расположены именно в тех местах, где истреблялись и откуда выселялись черкесы. Характерно, что в июне 2010 г. все тот же Джеймстаун Фаундейшн провел представительный круглый стол на тему «Сочи 2014: можно ли проводить Олимпийские игры там, откуда 150 лет тому назад изгнали черкесов?»[93]. Естественно и то, что одним из докладчиков на мероприятии был грузинский парламентарий Н.Циклаури – Председатель Комитета по связям с соотечественниками, проживающими за рубежом, переименованном несколько месяцев спустя в Комитет по делам диаспоры и Кавказа.

Официальный Тбилиси был бы рад подпортить олимпийский праздник Кремлю, тем более что В.Путин не только был главным лоббистом кандидатуры Сочи на проведение Олимпийских игр, но и готовится пожинать лавры в качестве президента Российской Федерации (каковым он, скорее всего, снова станет). Ложка дегтя в путинскую бочку мёда в виде хотя бы частичного бойкота Олимпийских игр послужила бы для Саакашвили бальзамом на рану, хотя пока никто не заявлял официально о намерении бойкотировать игры. Сам же грузинский президент на вопрос чешского телеканала Т24 будет ли Грузия бойкотировать игры в Сочи, ответил так: «Это зависит не от меня, а от Олимпийского комитета Грузии. Но дело не только в этом. Это этнически вычищенная территория. И это место, где был геноцид черкесов. У Сочи действительно сложная история. К тому же там есть проблемы с безопасностью. Северный Кавказ – непростая территория. 2014 год приближается быстро, но решение этих проблем требует времени. И я не могу сказать, что произойдет до 2014 года»[94].

Думается, что президент Грузии несколько кривит душой, когда говорит, будто не руководитель страны, а Национальный олимпийский комитет Грузии будет принимать политическое решение, каковым, безусловно, является бойкот Олимпийских игр. Запамятовал также М.Саакашвили, что в 2013 году истекает его последний президентский срок, и принятие соответствующего решения не будет (не должно) зависеть от него и по этой простой причине. Но основной вопрос, судя по всему, остается открытым; сторонники бойкота игр могут найтись не только в среде черкесов. Что касается безопасности Олимпийских игр (а Россия, по привычке, и тут указывает в сторону Грузии), то, как заявил М.Саакашвили, «создание физической угрозы играм 2014 г. в Сочи не только не в наших планах, но и ни в наших возможностях тоже»[95].

92 Полномочный представитель президента РФ в Северокавказском федеральном округе А.Хлопонин, например, прокомментировал признание Грузией геноцида черкесов следующим образом: «Понятно, что Грузия разыгрывает политическую карту в отношении черкесской тематики и разыгрывает ее под Олимпийские игры» «Хлопонин: Грузия разыгрывает 'черкесскую карту' к Олимпийским играм», Взгляд, 14 июля 2011 г.

93 http://www.jamestown.org/media/events/single/?tx_ttnews%5Btt_news%5D=36493&tx_ttnews%5BbackPid%5D=19&cHash=26c988362ab0fc0689a4e86cd5b64050

94 «Саакашвили: Россия стремилась захватить Грузию», Ceska televize 24, доступно на http://www.inosmi.ru/caucasus/20111018/176204705.html 18 октября 2011 г.

95 «Саакашвили: «Грузия представляет нулевую угрозу Сочинской олимпиаде»» Civil Georgia, 25 Февраля 2011. http://www.civil.ge/rus/article.php?id=21718&search=%ED%F3%EB%E5%E2%F3%FE

Риски

Понятно и естественно, что замораживание положения в «новых военно-политических реалиях» (т.е. – возникших в результате войны), к которым официально апеллирует Россия[96], рассматривается Грузией как процесс отторжения части своей территории. И на этот процесс, естественным же образом, последовала реакция на самом проблемном для России – северокавказском направлении. Михаил Саакашвили, однако, играет в опасные игры. Еще до признания Грузией геноцида черкесов, директор Национальной службы разведки США Джеймс Клапер отметил, что наряду с присутствием российских войск в Абхазии и Южной Осетии, напряженности в регионе способствуют и последние шаги Грузии в отношении северокавказских республик России[97]. В декабре 2011 г. то же самое отметила эксперт Института Брукингса Ф.Хилл в ходе слушаний в Хельсинкской комиссии (Комиссии по безопасности и сотрудничеству в Европе) США по вопросу конфликтов на Кавказе[98]. «Раскачивание» ситуации на Северном Кавказе таит для Грузии не меньше опасностей, чем для России, и не сулит прямых выгод[99]. Надежды на то, что под грузом неразрешимых проблем Россия уйдет с Северного Кавказа (или будет вынуждена оттуда уйти), выглядят инфантильными (с Курилами, например, Россия явно не спешит расставаться); грузино-абхазский и грузино-осетинский конфликты не решатся сами собой даже в условиях полного невмешательства со стороны России (и выглядящего сегодня нереальным отзыва признания независимости Абхазии и Южной Осетии); северокавказские народы отнюдь не поспешат под экономическое и иного рода покровительство Грузии, на что у последней просто нет ресурсов.

Более того: в случае успешного продвижения «черкесского проекта» (от признания геноцида – через воссоединение – к независимости), появится еще один претендент на Абхазию в лице крепнущих адыгов. Включение в их проект родственных абхазов может произойти даже не вполне добровольно со стороны последних, а многочисленная черкесская диаспора с определенным политическим влиянием в разных странах послужит значительным фактором. «Несмотря на претензии на гегемонию в кавказском регионе, Россия оказалась перед лицом серьезных проблем на Северном Кавказе», – сказал С.Маркедонов, выступая в ноябре 2010 г. в Университете Джорджа Вашингтона. «После признания независимости Абхазии Москва столкнулась с растущим черкесским национализмом, поскольку Абхазия считается частью черкесского мира в Адыгее, Карачаево-Черкесии и в Кабардино-Балкарии», считает аналитик[100]. Понятно, что признание геноцида черкесов со стороны Тбилиси лишь подогрело данные настроения. Впрочем, вопрос «единой Черкессии» настолько широк и многогранен, что никоим образом не может вместиться в рамки данного материала.

Следует также учитывать, что способность Грузии проводить активную политику (даже если это “политика мягкой силы”) в отношении Северного Кавказа во многом зависит от геополитической конъюнктуры, в частности – от исхода президентских выборов в самой Грузии, в России, ну и, конечно же, в США.

Наконец неясно, чем и как будет отвечать Тбилиси на просьбу о признании геноцида со стороны других соискателей, живущих в непосредственной близости. Есть ведь, в конце концов, и практически идентичная проблема геноцида абхазов в Российский империи (см. Выше), хотя сами абхазы пока и не просили никого о признании их геноцида.

96 См., например, заявление МИД РФ 1269-25-08-2009, http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/4107A0E2642142ABC325761D0022E2AA

97 «Руководитель разведки США: Северокавказские шаги Грузии способствуют напряженности», *Civil Georgia*, 18 Февраля 2011. http://www.civil.ge/rus/article.php?id=21698&search=северокавказские; http://intelligence.senate.gov/110216/dni.pdf (полный текст на англ.языке).

98 http://csce.gov/index.cfm?FuseAction=ContentRecords.ViewTranscript&ContentRecord_id=516&ContentType=H&ContentRecordType=H&CFID=71896503&CFTOKEN=84007306

99 См. например: Paata Zakareishvili: The North Caucasus: Bone of Contention or a Basis for Russian-Georgian Cooperation? http://georgien.boell-net.de/downloads/CaucasusAnalyticalDigest27.PDF Май 2011, (на англ.языке).

100 «Кавказ: новый расклад сил», Голос Америки, 13 Ноярбя 2010. Доступно на http://www.voanews.com/russian/news/Markedonov-Caucasus-2010-11-13-107716023.html

Заключение

Прямого ответа со стороны Российской Федерации (в свойственном ей силовом духе) на признание геноцида черкесов и некоторые другие шаги Грузии на северокавказском направлении пока не последовало[101]. Оно и понятно – практически все аналитики сходятся во мнении, что до завершения зимней Олимпиады в Сочи Россия не пойдет ни на какие меры, способные [еще более] дестабилизировать ситуацию в регионе, и тем самым поставить под угрозу проведение Олимпийских игр и собственный престиж. Но игры завершатся в середине марта 2014 года… В арсенале же грузинской политики остается еще признание геноцида Вайнахских народов (эта тема, кстати, прозвучал на мартовской 2010 г. конференции в Тбилиси), хотя гадать о том, что на уме у лидеров в Москве и Тбилиси – дело неблагодарное.

Остается надеяться, что за оставшееся до марта 2014 г. время политические элиты не будут заняты тем, чтобы придумать как еще побольнее досадить друг другу (населению своих стран). Вместо этого стоило бы поискать пути отхода от принципа игры с нулевой суммой (достигли же согласия по ВТО с сохранением лица обеих сторон!), которого упрямо придерживаются до сих пор все без исключения официальные стороны всех без исключения конфликтов на Кавказе, и который контрпродуктивен для всех вместе и каждого в отдельности.

Стабильный Северный Кавказ – чуть ли не единственный общий интерес Грузии и России, на котором можно «здесь и сейчас» строить процесс примирения – к такому выводу приходят грузинский и российский авторы совместно проведенного ими исследования по северокавказской проблематике[102].

101 Считают необходимым уделить «особое внимание политике Грузии» на северокавказском направлении И.Юргенс и С.Кулик в материале «Северный Кавказ: некоторые вопросы внешнего воздействия», Август 2011 г. http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/190453/

102 Т.Шарашенидзе, И.Сухов: “Северный Кавказ в контексте российско-грузинских отношений», в сборнике «*Россия и Грузия: в поисках выхода*», GFSIS, 2011, стр. 25-53.

International Alert.
346 Clapham Road, London SW9 9AP, United Kingdom
Tel +44 (0)20 7627 6800, **Fax** +44 (0)20 7627 6900
general@international-alert.org
www.international-alert.org

ISBN: 978-1-906677-98-5